ДОВЕРЬСЯ *мне*

БЕСТСЕЛЛЕР № 1 НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС

ДЖЕННИФЕР Л. АРМЕНТРОУТ

Annotation

Вы еще не видели такой истории «Жду тебя». «Доверься мне» позволяет вам увидеть один из топовых бестселлеров «Нью-Йорк Таймс» с точки зрения Кэма. Кэмерон Гамильтон привык получать желаемое, в особенности, если это касается женщин. Но, когда Эвери Моргенстен врывается в его жизнь — в прямом смысле — он, наконец, встречает единственного человека, который может устоять перед его проникновенными голубыми глазами. Но Кэм не готов сдаваться. Он не может выбросить вздорную и интригующую девушку из головы. У Эвери есть тайны, тайны, не позволяющие ей признать свои чувства, которые, Кэм знает, она испытывает к нему. Поможет ли его настойчивость (и несколько вкусных самоиспеченных печенек) сломать её барьеры и завоевать её доверие? Или он исчезнет из жизни Эвери, потеряв шанс на настоящую, вечную любовь? Переведено «T.E.A.translate» для группы http://vk.com/j_lynn

---

- Дженнифер Л. Арментроут
  -
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17

- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Анонс «Будь со мной»

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

Дженнифер Л. Арментроут
(под псевдонимом ДЖ. ЛИНН)
Доверься мне

НОВЕЛЛА

Посвящение

Для всех почитателей Кэма и его печенек, кто хотел больше узнать нашего любителя вареных яиц. Наслаждайтесь.

Глава 1

Джейс Уинстед был ужасным мудаком.

Идти на Астрономию — это последние, что мне хотелось бы делать в чертовых девять утра, особенно когда этот курс мне напоминал о том, как я впервые вошел в класс профессора Драге и почему я так поспешно и незапланированно бросил его на первом курсе. И мне действительно были не нужны едкие сообщения Джейса о том, почему ставить занятия до полудня плохо для здоровья.

Учитывая, что я… не знаю, спал часа два и все еще чувствовал привкус выпитой вчера текилы и того, о чем даже вспоминать не хочу, я был как ходячая антиреклама того, как провести здоровый и счастливый первый день учебы.

После того, как дверь в кабинет астрономии захлопнулась, я посмотрел на свой телефон. Джейс прислал дразнящую эсэмэску.

«Прогуляй. У меня есть пиво. Х-бокс. ФИФА-13»

Вот, дерьмо. Это было чертовски заманчиво. Олли разгромил наш Х-бокс неделю назад, во время жестокой схватки в Call of Duty[1].

Я на пару минут опаздывал на занятие.

Астрономия, или футбол на приставке? Совсем не трудное решение.

Решение принято, я развернулся и стал отвечать Джейсу, когда двойные двери распахнулись настежь, словно торнадо промчался по лестничной клетке. Я вовремя поднял голову, чтобы увидеть, как что-то *маленькое* и что-то *рыжее* несется прямо на меня.

Столкновение было неизбежно.

Маленькое тельце врезавшись в меня, отскочило назад, размахивая руками как утопленник. Сумка, на вид весившая больше владелицы, утянула ее за собой.

Инстинктивно я ринулся вперед, бросая свою сумку и обхватывая её за талию, но ее сумка полетела в одну сторону, а содержимое в другую. Она все ещё дрожала, как одна из этих

надувных игрушек. Я прижал её сильнее, успокаивая прежде, чем она нанесла бы себе серьезные травмы. Она резко выпрямилась. Темно рыжие волосы полетели вперед, ударяя меня по лицу. Аромат ягод, чего-то мускусного и приятного переполнили меня.

Черт возьми, Клубничное пирожное только что сбило меня.

Я засмеялся и незаметно положил телефон в карман, собираясь отпустить её, но девушка оцепенела. Похоже, каждый мускул сковало. Она была такой миниатюрной, ростом мне едва ли по плечо, казалось, внезапно она стала ещё меньше, сжавшись. Ей было больно?

Или она каким-то образом перепутала Шеферд с соседней средней школой?

— Эй, эй! — сказал я. — Ты в порядке, милая?

Прошло примерно полминуты, ответа так и не последовало, и я начал всерьез беспокоиться. Потом она сделала глубокий вдох, от чего её грудь поравнялась с моей. От ощущения её изгибов я замер. Определенно не школьница, если только они не стали развиваться быстрее, чем когда я был там. И, если это так, я чертовски завидую этим пацанам.

Ладно, теперь я чувствую, что мне нужен душ, потому что даже это возбуждает меня. Я все ещё был пьян со вчерашней ночи? Рискну предположить, что да.

— Эй, — попробовал я ещё раз, понизив голос. — Ты в порядке? — Когда ответа так и не последовало, я приподнял двумя пальцами её подбородок. Её кожа была мягкой и слишком холодной. Размышляя над тем, может ли человек отключиться и стоять одновременно, я нежно приподнял её голову, открыл рот, чтобы снова спросить, но слова потерялись где-то по пути от мозга к языку.

Я моргнул, потому что как настоящий придурок подумал, что это изменит то, что я видел. Не то чтобы мне хотелось изменить то, что я видел, но *черт*…

Какой парень может устоять перед рыженькой?

Миленькая — это слишком слабо сказано для ее описания. У неё были большие глаза цвета теплого виски. Нос, усеянный веснушками, а щеки имели четкие очертания. Губы были нежного вишневого оттенка и широкие для ее лица, полные и пухлые. Они относились к

такому виду ротика, который мог и был создан доставлять мужчине…

— Отвали. От. Меня.

Серьезность её тона переплелась с едва контролируемой паникой, заставившей меня немедленно отступить её руку и сделать внушительный шаг назад.

Она немного пошатнулась из-за потери поддержки, а я снова хотел подхватить её, но мне дороги мои яйца. Однажды, я хотел бы иметь детей, но чувствую, дотронься я до нее еще раз, этого не случится.

Убрав прядь густых волос с лица, она осторожно отошла от своей сумки. Рыжеватые ресницы дрогнули, мгновение мы стояли как вкопанные, потом она посмотрела на меня оценивающим взглядом. Девчонка нагло пялилась на меня.

Пожалуй, мои причиндалы были в безопасности.

Довольно сильный румянец залил её щеки. — Прости. Я спешила на занятие. Я опаздываю и…

Улыбаясь, я опустился на колени, чтобы собрать содержимое, выпавшее из сумки. Зачем девушке столько ручек? Голубая. Фиолетовая. Черная. Оранжевая. Что за нафиг? Кто пишет оранжевой ручкой?

Она присоединилась ко мне, собирая остальные ручки, наклонила голову так, что ее рыжие волосы закрыли лицо. — Ты не обязан мне помогать.

— Мне не тяжело. — Я поднял листок, оказавшийся ее расписанием. Быстро пробежавшись по предметам, понял, что она первокурсница. — Астрономия? Я тоже туда иду.

Джейсу с пивом и ФИФА придется подождать.

— Ты опаздываешь. — Она все еще пряталась за волосами. — Мне, правда, очень жаль.

Подняв последнюю книгу, я положил ее в сумку и поднялся. Вручил ей сумку, с надеждой, чтобы она взглянула на меня. Не знаю почему, назовите меня маменькиным сынком, но я люблю, когда девушка улыбается, а не рыдает. — Ничего. Я привык, что девушки на меня бросаются. — Она немного подняла подбородок, и я

расплылся в улыбке. — Хотя, еще никто не пытался запрыгнуть мне на спину. Мне даже понравилось.

Она резко подняла голову, и вся ее копна волос оказалась сзади. — Не пыталась я тебе на спину запрыгнуть или наброситься на тебя.

— Нет? — Я проигнорировал вибрирующий в кармане телефон. — Очень жаль, я уже понадеялся, что это будет лучшее в истории начало учебного года.

Она изучала меня, прижимая сумку к груди, а мой взгляд упал на клочок бумаги в моих руках. — Эвери Морганстен?

— Откуда ты знаешь мое имя? — огрызнулась она.

Какое чувствительное создание. — Написано в твоём расписании.

— А. — Она опять спряталась за волосами и дрожащими руками забрала расписание.

Когда я был маленьким, моя мама говорила, что у меня слабость к неудачникам. Раненым голубям. Трехлапым собакам. Тощим свинушкам. Моя сестра была такой же. У нас было шестое чувство, когда дело доходило до их поиска, и, возможно, я не знал эту девушку, но заметно было, что она новенькая, она стесняется, у нее было дерьмовенькое начало дня, и мне ее стало жаль.

— Меня зовут Кэмерон Гамильтон, — представился я. — Но все зовут меня Кэм.

Её губы шевелились, как будто она повторяла моё имя, и мне понравилось, как это выглядело. — Ещё раз спасибо, Кэм.

Наклонившись, я поднял сумку и повесил её через плечо. Убрав волосы с лица, улыбнулся своей коронной улыбкой, которая обычно приносила мне желаемое. — Ну что, ты готова к нашему торжественному появлению?

Я подошёл к двери аудитории, когда понял, что она стоит на месте. Я оглянулся, и нахмурился, когда она стала уходить. — Ты не туда идешь, милая.

— Не могу, — прохрипела она.

— Не можешь что? — Подошел я к ней.

Наши с Эвери взгляды на мгновение встретились, а потом она развернулась и побежала. Сумка билась о бедро, волосы разлетались, как пелерина. Девчонка бежала, на самом деле блин бежала. У меня отвисла челюсть.

Что, чёрт возьми, только что произошло?

Позади меня открылась дверь, и низкий голос с небольшим акцентом окликнул: — Мистер Гамильтон, вы сегодня присоединитесь к нам?

Дерьмо. Я закрыл глаза.

— Или вы планируете стоять в коридоре оставшееся время? — спросил профессор Драге.

Вздыхая, я обернулся. — Конечно, присоединюсь.

— Конечно, — повторил профессор, держа в руках стопку сшитых бумаг. — Конспекты. — Я взял один и потом, подумав еще раз, взял второй. На случай, если Эвери Морганстен снова появится.

Джейс облокотился на багажник моего пикапа, запустив одну руку в каштановые волосы, убирая их с блестящего лба. Меж пальцев торчали несколько прядей.

— Жарко, как в аду.

Жарковато было для конца августа. Даже тень от больших дубов, окружающих заднюю парковку напротив Уайтхолл вовсе не помогала. Я боялся открывать дверь в эту парилку.

— Ты прав, как никогда. — Олли посмотрел на деревья. — Так жарко, что хоть раздевайся.

Я посмотрел на него.

— Ты и так уже достаточно раздетый, чувак.

Олли посмотрел на себя и улыбнулся. Он был без рубашки. В коротеньких шортах. И в шлёпках. И больше ничего. — Ты же прекрасно знаешь, что для меня это не предел.

К сожалению, это была правда. Последние три года мы жили в трехкомнатной квартире в Юниверсити Хайтс. Спустя неделю совместного проживания, Олли послал приличия ко всем чертям. Я

видел его висюльку больше раз, чем мог предположить. Он выпускался весной, как должен был и я, и я буду скучать по этому идиоту.

— Штраф. — Джейс кивнул на лобовое стекло.

Я вздохнул, оглядываясь. Бумажка бежевого цвета аккуратно лежала под дворником. Это парковочное место было закреплено за сотрудниками, но, так как, вокруг не было свободных мест, я поставил машину там, где было свободно. — Добавлю в свою коллекцию.

— А она у тебя солидная. — Олли снял с запястья резинку и завязал свои длинные до плеч, белокурые волосы в хвост. — Ну, так как, потусим сегодня у нас?

Мои брови поползли вверх.

— Чего?

Джейс улыбнулся, скрестив руки на груди.

— Это вечеринка «назад в школу». — Олли потянулся, хрустнул костьми и зевнул. — Небольшой сабантуйчик.

— О, боже.

Джейс расплылся в ухмылке, и мне захотелось сбить ее с его лица. Последний раз во время сабантуйчика у нас в квартире негде было присесть. Могло все закончиться приездом копов.

— Закажем пиццу. Мне нужно…. — Олли остановился на полуслове и повернулся к сексапильной брюнетке, проходящей мимо. В мгновении ока он кинул нас и уже обнимал девушку за плечи. — Привет, красотка.

Брюнетка хихикнула и обняла Олли за талию.

Я повернулся, подняв руки вверх.

— Что?

— Он неисправим. — Джейс закатил глаза. — У этого засранца глаза на затылке появляются, когда дело доходит до девушек.

— Чистая правда.

— Не пойму, почему ему всегда перепадает.

— Это величайшая загадка в жизни. — Я обошел пикап, забрал

штраф, и открыл дверцу со стороны водительского сидения. В лицо повеяло жарой. — Чёрт.

Джейс повернулся ко мне. — Что с тобой сегодня случилось? Не ответил на мою эсэмэску. Думал, ФИФА тебя зацепила.

— О, ты соскучился? — Я снял рубашку, сложил ее и бросил ее в пикап.

— Может и так.

Смеясь, я взял с сидения свою кепку и одел ее, прикрывая глаза.

— А я и не знал, что мы встречаемся.

— Теперь мои чувства задеты.

— Куплю тебе пива в следующий раз, когда пойдём тусить.

— Пойдёт. Я согласен на все.

Я ухмыльнулся.

— Мне ли не знать.

Джейс, смеясь, развернулся, свесив руки через край багажника пикапа. Беззаботная улыбка испарилась, когда он надел солнцезащитные очки. Я знал этот вид. Он не предвещал ничего хорошего. Только несколько человек знали насколько хреновая жизнь у Джейса. Хотя другим казалось иначе, так как Джейс был парнем, который исправлял косяки других, в том числе и мои.

Я включил кондиционер и закрыл дверь, а затем облокотился рядом с ним о борт пикапа. Метал припекал подмышки и я наклонился растирать икры.

— Ты чего это?

Одна темная бровь поднялась над оправой очков.

— В спортзал собираешься или еще куда?

— Думал об этом. — Я поменял ноги и начал работать над растяжкой. — Хочешь со мной?

— Неа, — сказал он. — Надо заскочить на ферму. Проверить кое-что.

— Как Джейк? — Джейс улыбнулся во все 32, из-за чего споткнулась молодая профессорша, проходящая мимо пикапа. —

Отлично, — сказал он, спокойным голосом, как это было всегда, когда он говорил о Джейке. — Вчера сказал мне, что когда вырастет, хочет стать Чаком Норрисом.

Я засмеялся.

— Хорошие желания.

— Ага. — Он посмотрел на меня, выглядывая из под очков. — Как у тебя дела?

— Хорошо. — Я отжался от борта машины. — Почему спрашиваешь?

Джейс пожал плечами.

— Просто интересуюсь.

Иногда, эти слова выводили меня из себя. Иногда мне было все равно. Джейсу повезло, потому что это был один из тех дней, когда эти слова мне были побоку. — Не переживай, я не собираюсь опускать руки и становится отшельником в ближайшее время. Все хорошо.

— Рад слышать. — Джейс улыбнулся и посмотрел туда, где исчез силуэт молодой учительницы. — Значит, вечеринка у тебя дома?

— Почему бы и нет? — Я направился к водительскому сидению. — Уверен, припрется половина кампуса.

— Правда. — Джейс обернулся. — Увидимся позже.

Я залез в прохладную машину и выехал с парковки. Моей ленивой заднице надо было ехать в спортзал в западный кампус, но моя попа хотела и на диванчике вздремнуть.

Повернув налево после знака стоп, справа я проезжал дома, когда футболист вылетел из одной из дверей, ударив какого-то парня по затылку. Смеясь, я потянулся за…

Что-то рыжее привлекло мое внимание.

Мои глаза были прибором настроенным на поиск теплового излучения, ищущими источник чего-то чертовски сексуального. Я пристально вгляделся. Неужели это была моя Пироженка?

Секунду дерево загораживало мне вид, а потом она появилась

вновь, солнце отражалось в широком браслете на ее запястье.

Да, черт побери, это была она.

Я даже не думал дважды над своим следующим действием. Улыбаясь, я перевернул кепку козырьком назад и резко ушел вправо, блокируя проезд.

Эвери отскочила назад на тротуар, осматриваясь вокруг своими большими глазами. Когда я нажал на кнопку, открывая пассажирское окно, у неё отвис подбородок.

Я заулыбался, рад был увидеть, что Пироженка пережила свой первый день.

— Эвери Морганстен, вот мы и встретились снова.

Она огляделась вокруг, как будто подумала, что я, возможно, разговариваю с кем-то другим.

— Кэмерон Гамильтон… Привет.

Я наклонился вперед, бросив руку на руль. Он выглядела чертовски мило, стоя там, играя со своим браслетом.

— Мы должны перестать вот так встречаться.

Прикусив эту полную нижнюю губку, она опустила взгляд, остановив его на моей татуировке, и переступила с ноги на ногу.

Я мог совершенно точно отнести Пироженку к категории застенчивых. Может это из-за того, что у меня есть младшая сестра, потому что мне так хотелось дать ей ощущение комфорта, но, казалось, что это безнадежно.

— Ты налетела на меня, а я чуть не налетел на тебя? — сказал я. — Похоже, мы как надвигающаяся катастрофа.

Тишина.

Попробовал ещё раз.

— Куда направляешься?

— За машиной, — ответила она, подтверждая, что может разговаривать. — У меня уже заканчивается время парковки. — Она снова переступила. — Так что…

— Тогда, запрыгивай, милая. Я могу подвезти тебя.

Она уставилась на меня, словно я предложил ей забраться в машину похитителя.

— Нет. Все в порядке. Я припарковалась прямо на холме. Нет никакой нужды.

— Без проблем. — Никогда не встречал девушки, которая бы так сопротивлялась проявлениям вежливости. — Это меньшее, что я могу сделать, после того, как чуть тебя не сбил.

— Спасибо, но…

— Здоров, Кэм! — Кевин появился из ниоткуда, пробегая мимо Эвери. — Что ты здесь делаешь, дружище?

Как ни странно я был раздражен, я не отрывал взгляд от Эвери и с трудом подавлял желание убрать чувака с дороги при помощи пикапа. — Ничего, Кэвин, пытаюсь поговорить.

Эвери помахала рукой, и обошла Кевина и мой пикап. Я проследил за ней взглядом, а Кевин все неугомонно трещал о какой-то фигне на которую мне было наплевать.

— Черт, — пробормотал я, откинувшись назад на сидение.

Эвери *опять* убежала.

А у меня было сумасшедшее желание догнать ее.

Глава 2

На наших вечеринках все становится серьёзно в тот момент, когда Олли достает Рафаэля из его жилища. Каждый раз. Стоя посреди гостиной, я наблюдал за ним, качая головой.

— Зачем? — спросил Джейс, убирая назад бутылку пива.

Я хихикнул.

— Как думаешь, если бы я знал, то нашел бы способ остановить его?

— Думаю это мило, — сказал нежный женский голос.

Мы с Джейсом повернулись в сторону дивана. Никто не сидел так, как Стефани Кит.

Одна длинная, стройная, загорелая нога была перекинута через другую в прекрасной скромной манере. Но проклятая джинсовая юбка выглядела также скромно, как и Олли после душа. Если я хотя бы немножко наклонил голову вправо и опустил подбородок, что я и сделал минуты три назад, я смог бы увидеть изгибы её женственной задницы.

Стефани предпочитала стринги.

Или, в зависимости от настроения, ходила без белья, и, похоже, она сегодня могла быть в настроении. Стеф немного подалась вперед, скрещивания руки на груди, и открывая мне и всем, кто сейчас смотрел — мимолетная проверка показала, что Джеймс смотрел — прекрасный вид на ее сиськи. И они были хороши. Я видел их вблизи лично парочку раз. Эти нежно-голубые глаза обещали прекрасное окончание и были сосредоточены на мне.

На удивление в моих нейлоновых шортах в области паха не было никакого движения, а значит, зря старалась. Половина братства Джеймса отдали бы левое яичко, лишь бы Стефани удостоила их своим вниманием. Были времена, когда я отдал бы своё правое, тогда я не мог даже запомнить кто есть кто, но такое ощущение, что с тех пор прошла вечность, тогда сама идея быть лишь с одной девчонкой пробуждала во мне желание отгрызть себе руку. А теперь?

Блин, я не знал, чего теперь хотел. Уже какое-то время, наверно

это и объясняет, почему я не схватил Стеф, не отвел уже в мою комнату и не скинул штаны.

Стеф была хорошей девчонкой, но время когда я бы отдал своё правое яичко осталось далеко позади.

Я отвел взгляд туда, где Олли танцевал напротив телевизора с извивающимся Рафаэлем в руках, в воздухе, я глотнул пива.

— Он пристает к моей черепахе.

Она засмеялась, когда встала.

— Не думаю, что он занимается именно этим. — Она взяла меня за руку и положила подбородок на плечо. Прядь чёрных волос соскользнула по оголенной коже груди. — А я бы не возражала, если бы ко мне поприставали. Сквозь шум музыки я услышал таймер духовки. Осторожно высвободился и взглянул на Джейса. Он ухмыльнулся без всякого сочувствия. Скотина. — Сейчас вернусь.

Уворачиваясь от парней, я умчался на кухню прежде, чем Стеф смогла ответить. Девушка не очень то будет разочарована отсутствием моего интереса. Спорю на десять баксов, что она переключится на Джейса или ещё кого-либо до того, как я вернусь.

Я поставил пиво на стойку и открыл духовку, вдыхая аромат свежеиспеченного шоколадного печенья. А не того готового дерьма. А это было сделано с любовью.

И они будут превосходными.

Убрав в сторону лист, я взглянул на духовку и достал печенье. Такое горячее, из теста виднелись кусочки шоколада и грецкого ореха. Я разломал печеньку и положил в рот.

— Твою мать, — я застонал.

Было чертовски горячо, но оно того стоило. Запив печенье пивом, я вышел из кухни как раз вовремя, чтобы увидеть, как Олли направляется к входной двери. С Рафаэлем.

— Да ты издеваешься. — Я поставил пиво на стол.

— Ты свободен, маленький зеленый друг, — он сказал, целуя Рафаэля в панцирь. — Ты свободен.

— Верни Рафаэля на место! — Я крикнул и засмеялся, когда Олли открыл дверь, как пьяный каратист. — Ты кретин!

Олли поставил Рафаэля на землю и нежно погладил его по панцирю. — Свободен.

Схватив его за руку, я развернул его и затолкнул обратно в квартиру. Смеясь, Олли подхватил подругу Стеф и перекинул ее через лечо. Стали доноситься визги.

Я поднял черепаху.

— Прости, Рафаэль. Мои друзья — полнейшие… — Странно запершило в горле. Я посмотрел налево, направо, и увидел Эвери, стоящую в дверном проходе и её широко распахнутые карие глаза. — Придурки. Что за…?

Выпил я недостаточно, чтобы глюки ловить, но все никак не мог поверить, что моя Пироженка стояла в моем доме. Все лето квартира пустовала, но кто-то, очевидно, мог заселиться.

И, беря во внимание, ее внешний вид, кто-то ей очень *близкий*. На ней были хлопковые коротенькие шортики, и я засмотрелся на ее ножки. Они были длинные, не очень худые и не совсем идеальные. Кто бы мог подумать, что у Пироженки такие ножки? К паху поступило тепло. Рубашка, с длинным рукавом, все скрывала, но она была тонюсенькой.

Да, чёрт возьми, она была *тоненькой*.

Под рубашкой были видны мягкие набухшие груди, полнее, чем они чувствовались, когда были прижаты к моей груди, а эти бугры…

Её щеки налились румянцем.

— Привет….

Я моргнул, и, когда она не исчезла, как и мой внезапный, бешеный стояк, я предположил, что она реальна.

— Эвери Морганстен? Это уже входит в привычку.

— Да, — сказала она. — Входит.

— Ты живешь здесь или в гости пришла…? — Рафаэль начал ёрзать.

Она прокашлялась, наблюдая за черепахой.

— Я… я здесь живу.

— Да ладно! — Ну нифига себе. Я прошел по лестничной клетке,

мимо перил, по направлению к её двери. Я заметил, как она смотрела на мой пресс. Мне это понравилось. Как и моему члену. — Ты правда живешь здесь?

— Да, я здесь живу.

— Это же… даже не знаю. — Я рассмеялся, несколько опешив. — Сумасшествие.

— Почему? — На ее лице появилось смятение, образовав морщинку между тонкими бровями.

— Потому что я здесь живу.

Она удивленно приоткрыла рот.

— Шутишь, да?

— Нет. Я живу здесь уже, наверное, пару лет со своим соседом. Это тот кретин, который выставил за дверь Рафаэля.

— Эй! — Крикнул Олли. — У меня есть имя. *Сеньор* Кретин!

Я рассмеялся. — Неважно, ты на выходных въехала?

Она кивнула.

— В этом есть смысл. Я был дома, навещал семью. — Я прижал Рафаэля к груди, прежде чем он успеет забраться обратно в сломанный панцирь. — Так, черт…

Эвери слегка наклонила голову назад и наши взгляды встретились. Некоторое время она пристально и проникновенно смотрела на меня, не отпуская мой взгляд, а потом переключила внимание на Рафаэля. Её глаза… Они напомнили мне что-то. — Это… мм, твоя черепаха?

— Да, — я поднял его. — Рафаэль, познакомься с Эвери.

Она прикусила губу и помахала Рафаэлю, а я заулыбался. Она умеет вызвать улыбку на моем лице. — Очень интересное домашнее животное.

— Очень интересные шорты. Что это? — я еще раз внимательно рассмотрел эти ножки. Ничего не мог с собой поделать. — Кусочки пиццы?

— Это рожки мороженного.

— Мне они нравятся. — Не торопясь я поднял взгляд. — Очень.

Наконец-то она отпустила дверь, которую держала со смертельной хваткой и скрестила руки на груди. Она прищурила глаза, когда я заулыбался. — Спасибо. Это много для меня значит.

— Так и должно быть. Я их одобряю. — Я наблюдал, как румянец все сильнее заливает её щеки — Я должен вернуть Рафаэля назад в его маленький домик прежде, чем он написает мне в руку, что он и сделает, а это отвратительно.

Она слегка улыбнулась.

— Могу представить.

Пироженка что, только что улыбнулась? Должно быть впервые. Мне стало интересно, как она выглядит, когда по-настоящему улыбается.

— Итак, тебе нужно зайти к нам. Ребята собираются уходить, но уверен, они будут здесь ещё какое-то время. Ты можешь познакомиться с ними. — Я слегка наклонился, понизив голос. — Они не настолько интересны как я, но тоже не плохие.

Эвери мельком посмотрела через мое плечо. На её лице читалась нерешительность. *Ну же, Пироженка, выходи и проиграем*. Она покачала головой. — Спасибо, но я собиралась спать.

Меня переполнило чувство разочарования. — Так рано?

— Должно быть уже за полночь.

Я ухмыльнулся. — Всё равно ещё рано.

— Может для тебя.

— Ты уверенна, — я был готов применить тяжелую артиллерию. — У меня есть печеньки.

— Печеньки. — Она приподняла брови.

— Да, и я их сам испёк. Я довольно хороший пекарь.

— Ты печёшь печеньки?

Она произнесла это так, как будто я только что признался, что готовлю у себя на кухне самодельную бомбу. — Я много чего пеку, и уверен, ты умираешь от желания попробовать все это. Но сегодня, у нас печеньки с шоколадом и грецким орехом. Они обалденные, и раз я так говорю, то это правда.

У неё снова дернулись губы. — Как бы это прекрасно не звучало, я скажу нет.

— Тогда может позже?

— Может быть. — Она сделала шаг назад, подходя к двери. — Приятно было снова тебя увидеть, Кэмерон.

— Кэм, — поправил я. — И посмотри, мы не сбили друг друга. Меняем стереотип.

— Это хорошо. — Она сделала глубокий вдох. — Тебе стоит вернуть Рафаэля до того, как он сделает свои дела тебе в руку.

— Это стоило бы того.

На её лице появилось замешательство. — Почему?

Ясен пень объяснять я не собирался. — Если передумаешь, я не буду спать ещё какое-то время.

— Не передумаю. Спокойной ночи, Кэм.

Ауч. Черт. Пироженка только что продинамила меня. По какой-то причине это вызвало у меня улыбку. Может потому, что я не помню, когда последний раз девчонка прямым текстом посылала меня подальше. Интересно. Я думал, что я был с ней невероятно очарователен.

Я сделал шаг назад, когда Рафаэль высунул голову из панциря. — Увидимся завтра.

— Завтра?

— Пара по астрономии? Или ты снова прогуляешь?

— Нет, — она вздохнула, краснея, и я не смог не представить себе как низко опускается этот румянец. Вероятность узнать это таяла на глазах. — Я приду.

— Отлично. — Я заставил себя отступить назад, потому что был уверен, что могу стаять тут часами, просто общаясь с ней. — Спокойной ночи, Эвери.

Пироженка нырнула за дверь, словно Рафаэль собирался написать ей на голову. Я усмехнулся, когда услышал, как щелкнул замок. Не знаю, как долго я там стоял, пока Рафаэль не стал дергать лапами, смотря на закрытую дверь.

— Чем ты тут занимаешься, Кэм?

Я обернулся на голос Стеф. Она стояла в дверном проеме, прислонив голову к косяку, улыбаясь и в полной готовности. В отличие от девушки, с другой стороны двери, перед которой я стоял.

— Не знаю, — ответил я, возвращаясь к себе в квартиру. По правде не имея ни малейшего представления.

Глава 3

Никогда не был жаворонком, но сегодня вскочил ни свет ни заря, поспав всего пару часов. Пока Олли хропел на диване, уткнувшись мордой в подушку и свесив руку на пол, я сварил четыре яйца, съел их, и прихватил пару печенюх в дорогу.

Олли даже не пошевелился, когда я захлопнул за собой дверь.

Я приехал к кампусу очень рано, наверное, впервые за всю жизнь, и направился в корпус Роберта Бёрда. Когда вошел в кабинет астрономии сразу начал сканировать взглядом помещение.

«Был бы я Пироженкой, куда бы я сел? Скорее всего, на задний ряд.»

Я отыскал знакомую голову, склоненную на бок. В полутемной аудитории ее волосы казались не такими рыжими, как при солнечном свете. Почему, я вообще заметил это и, никого не замечая, пошел прямо к ней, не понимаю.

В средней школе, я влюбился в одноклассницу. Она была очень похожа на Пироженку — миниатюрная, молчаливая, нервная, как одна из тех, вечно трясущихся, собачек. Но, когда она улыбалась, это был экстаз. Она никогда не обращала на меня внимания, но я как дурак, каждый день с нетерпением ждал с ней встречи. В старших классах выяснилось, что ей нравились девочки, а не мальчики, это, скорее всего, и было причинной, почему она абсолютно не интересовалась мной.

Я взял сумку за ремешок. Признаю, будет чертовски жаль, если Пироженка тоже из этих.

Я добрался до Эвери, а она меня даже не заметила. Вся съеженная, она сидела и правой рукой играла с браслетом на левой руке. Она смотрела в никуда, по выражению ее лица было видно, что она находилась где-то в другом месте.

Пироженка когда-нибудь расслабляется? Похоже, что нет.

Я мельком глянул на первые ряды, где сидели пара знакомых мне человек. Вот где я должен быть. Но вместо этого, я посмотрел вниз на сидения. Пироженка все еще меня не заметила.

— Доброе утро, милая, — сказал я, прежде чем сесть.

Она дёрнулась, как испуганная кошка, крутясь на сидении. Открыла рот, увидев меня. Она промолчала, а я уселся рядом с ней.

— Ты сегодня какая-то взъерошенная, — заметил я.

— Спасибо. — Сказала она, поджав губы.

— Не за что. Рад, что на этот раз ты не опоздала. — Я сполз по сидушке, закидывая ноги на сиденье впереди. — Хотя, мне не хватает наших столкновений. Очень даже весело.

— Вообще не весело. — Она начала рыться в сумке, доставая тетрадь. Не помню, когда в последний раз покупал тетрадь для занятий. Они у меня многоразовые. — Это было неловко.

— Так не должно быть.

— Легко тебе говорить. Тебя сбили, а я была той, кто на тебя налетел.

Я уж хотел было засмеяться, но в голове начали появляться всякие пошлости, пришлось сесть поудобнее. Я мог обыграть этот комментарий с разных сторон. Столько колкостей крутилось на языке. Некоторые и стриптизершу бы в краску вогнали, но одного взгляда на Пироженку хватило, чтобы понять, что отвечать лучше не надо.

Она была красная, как обложка тетрадки, на которую она уставилась. Блин… ей было так неловко — умилительно неловко. Интересно, не на дому ли она обучалась в старшей школе.

Пока она так мило и занимательно сгорала от стыда, я думал, чем бы разрядить обстановку. — Кстати, Рафаэль чувствует себя прекрасно.

Небольшая улыбка появилась на ее прекрасных губах. — Рада слышать. Он тебя описал?

— Нет, но почти. Принес тебе кое-что.

— Черепашью мочу?

Я засмеялся, очарованный её сообразительностью, вытащил конспекты и обнаружил печеньки, которые захватил с собой. — Прости, что не оправдал твоих ожиданий, но нет. Это конспекты. Я знаю, тебе они пригодятся, ты же пропустила лекцию в понедельник.

Вот, выпросил у профессора.

— Спасибо. Ты такой заботливый.

— Ну, приготовься. На этой неделе я очень заботливый. Принес тебе еще кое-что.

Она начала жевать ручку, а я вытащил салфетку. — Печенька тебе. Печенька мне.

Медленно опустив ручку, она покачала головой. — Не стоило беспокоиться.

Я же не кольцо ей принес. — Это всего лишь печенье, дорогая.

Она опять покачала головой, пристально смотря на меня. Можно подумать, я ей дозу протягиваю или еще что.

Вздохнув, я завернул печенье в салфетку и бесцеремонно бросил на её тетрадку. — Знаю, говорят, что не стоит брать конфеты у незнакомцев, но, это печенье и, формально, я не незнакомец.

Она уставилась на меня.

Смотря на нее из-под ресниц, я откусил печенье и закрыл глаза. Я откинул голову назад, пока покрытые шоколадом орехи танцевали на моих вкусовых рецепторах. Я застонал, точно зная, что делаю. Мое печенье было охренительно вкусным, так что, следующий звук, который я издал не был преувеличением.

— Действительно так вкусно? — спросила она.

— О, да, это нечто. Я вчера вечером тебе об этом говорил. Еще бы молочка. — Я откусил еще кусочек.

— Мммм, молоко.

В сопутствующей тишине я открыл глаз, сдерживая улыбку. Она смотрела на меня с приоткрытыми губами. — Это все сочетание ореха и шоколада. Их сочетание, как сексуальный взрыв во рту, но не так сумбурно. Лучше этого только малюсенькие шоколадные корзиночки с арахисовым маслом. Пока тесто теплое, заполоняешь формочки… В любом случае, тебе стоит только попробовать. Откуси кусочек.

Она посмотрела на печенье, лежащее на коленях, и вздохнула. Взяла его и откусила.

Я не мог отвести от нее глаз. — Вкусно? Правда?

Она кивнула. — Ну, дома у меня их целая куча. Так, к слову… — Мой взгляд был прикован к ней. Кто знал, что наблюдать за тем, как девушка ест печенье настолько интересно. Когда она вытерла свои тонкие пальчики, я дернулся не подумав.

Когда я развернулся тепло от прикосновения моего колена к ее пронеслось по моей ноге, я протянул руку и забрал у неё салфетку. — Крошка.

— Что?

Свободной рукой я провел пальцем по её нижней губе. Словно удар, что-то промчалось от моей руки прямо к моему члену. Она замерла, грудь резко поднялась, а глаза округлились. Моя рука задержалась на её губах дольше, чем следовало, но не настолько насколько бы мне хотелось. Её губы были мягкими, гладкий подбородок прикасался к моей ладони. Я заставил себя отстранится.

На её губах не было ни единой чертовой крошки. Я солгал. Но я хотел прикоснуться к ней.

— Готово, — улыбнулся я.

Она выглядела взволнованной. Не расстроенной, но упавшей духом. Я попытался ощутить чувство вины, но не смог. Я не был уверен, что это говорит обо мне.

Но потом профессор Драге, наконец, зашел в аудиторию. Драге был чудиком. На нем был его любимый зеленый синтетический костюм. Когда я первый раз посещал его лекции, его любимым был оранжевый. Неизменными были только клетчатые кеды и галстук-бабочка.

Я поерзал на сиденье, взглянув на Пироженку. Выражение её лица было неописуемым. Я засмеялся. — Профессор Драге очень… уникальный человек.

— Вижу, — прошептала она.

Профессор Драге начал лекцию. Я не был уверен, о чем она. Честно говоря, я не обращал внимание. Большинство информации я уже знал, а прослушивание этой фигни снова напоминало мне про первый год обучения, на чем мне не хотелось зацикливаться.

Одна ночь полностью испоганила ход моей жизни.

Пытаясь об этом не думать, начал рисовать. Я не заметил, как нарисовал Снежного человека и занятие подходило к концу в типичной манере Драге.

Он стал передавать звездные карты. — Знаю, сейчас только среда, но вот ваше первое задание на выходные. Небо, в субботу, должно быть чистое, как попка младенца.

— Чистое, как попка младенца? — прошептала Эвери.

Я рассмеялся.

— Хочу, чтобы вы нашли Северную Корону на небе — настоящем, кристально чистом, ночном небе, — объяснил профессор Драге.

— Вам не понадобиться телескоп. Используйте собственные глаза или очки, или линзы, или что угодно. Можете увидеть ее либо в пятницу, либо в субботу ночью, но погода в пятницу ожидается не очень хорошая, поэтому подумайте хорошо.

— Постойте, — сказал кто-то спереди. — Как пользоваться этой картой?

Я передал Эвери карту и разлинованные листки.

Профессор Драге остановился и одарил парня взглядом, говорящим «ты идиот». — Смотреть на неё.

Студент обиделся. — Я понял это, но мы должны приложить её к небу или что?

— Конечно, вы можете. Или просто посмотреть на каждое созвездие, понять как оно выглядит, а потом использовать глаза и мозг для того, чтобы найти его на небе. — Драге сделал паузу. — Или воспользуйтесь Гуглом. Я хочу, чтобы вы все начали знакомиться с изучением звёзд. — Я прослушал половину того, что он говорил и включился только в конце. — Так что соберитесь с партнёром и договоритесь о времени. Листы сдадите мне в понедельник. На сегодня всё. Удачи и пусть вселенские силы сегодня прибудут с вами.

— Партнёром? — Эвери отчаянно осмотрела аудиторию. — Когда мы выбирали партнёров?

— В понедельник, — объяснил я, закрывая тетрадь и засовывая её в рюкзак. — Тебя не было. — Было похоже, что Прироженка вот вот потеряет сознание, когда она откинулась на сидении. — Эвери?

Она сделала несколько глубоких вдохов, как будто борясь с приступом паники.

Я поднял бровь. — Эвери.

Она уставилась на дверь, в которую вышел Драге. Ее костяшки побелели от силы, с которой она сжимала свои тетради.

— Эвери.

— Что? — Огрызнулась она, переводя взгляд на меня.

— Мы с тобой в паре.

Она нахмурилась. — Чего?

— Мы. С тобой. В паре. — Вздохнул я. — Видимо, партнеров выбирали в самом начале занятия в понедельник. Я пришел позже и в конце лекции он сказал, что моим партнером будет тот, кто придет в среду или я останусь сам по себе. И, так как одному мне работать не охота, мы с тобой — партнеры.

Она уставилась на меня так, будто я разговаривал на китайском. — Мы можем выполнить задание самостоятельно?

— Да, но кто хочет смотреть на звёзды ночью в одиночестве? — Встав, я перекинул сумку через плечо и начал спускаться. — Так или иначе, я знаю прекрасное место, куда мы можем отправиться выполнять задание. Пойдем в субботу, так как у меня в пятницу дела.

Отстойные, чертовски раздражающие планы на пятницу.

— Постой. — Она поспешила за мной. — Нет.

— У тебя есть планы на субботу? — Подождите. Что она может делать в субботу ночью. Я не могу пропустить в пятницу, но… — Ладно, тогда, возможно…

— Нет, у меня нет планов на субботу, но мы не обязаны быть партнёрами. Я справлюсь сама. — Я остановился напротив дверей, не уверен, что правильно расслышал. — С чего бы это тебе хотеть выполнять все задания… И если посмотреть на предмет в общих чертах, то станет понятно, что для одного, это слишком… Всё самой?

Она сделала шаг назад. — Ну, на самом деле мне не очень-то хочется, но ты не обязан быть моим напарником. Я имею в виду, ты мне ничего не должен.

— Не понимаю о чем ты. — Я честно, серьезно, на все 100 % не понимал, о чем она говорит.

— Я хочу сказать, что… — она замолчала, снова нахмурив брови. — Почему ты так мил ко мне?

С губ чуть не сорвалось «что за хрень». — Ты это серьезно? Пироженка посмотрела на меня пристально. — Да.

Я уставился на неё и ждал, пока она скажет, что пошутила, но этого не произошло. В груди появился комок, образовавшийся из ниоткуда. Внезапно мне стало *болезненно* очевидно, и я имею в виду именно болезненно. Пироженка была не просто чудной, она определенно была одиночкой, и я не знаю, почему это меня задело. Так не должно было быть. Я едва знал девчонку и поддерживать с ней разговор было настолько же легко, как разминировать бомбу одними зубами, но меня это не волновало.

И снова синдром аутсайдера.

Я сделал глубокий вдох. — Ладно, полагаю, я просто милый парень. Совершенно очевидно, ты новенькая… первокурсница. В понедельник ты была немного не в себе, а затем убежала, даже не смогла зайти в аудиторию, а я…

— Не надо мне твоей жалости. — Выпалила она пронзительно.

Я нахмурился от такого тона. — Я не жалею тебя, Эйвери. Просто сказал, что ты была немного не в себе в понедельник, и подумал, что мы просто будем партнёрами.

В её чертах промелькнуло сомнение.

— Вижу, ты мне не веришь. Может это из-за печенья. Ты отказалась попробовать печенье прошлой ночью, и, честно, я собирался съесть и другое, но ты выглядела такой уставшей, что я предположил, что ты в нём больше нуждаешься.

Что, скорее всего, было ложью. Существовала большая вероятность, что я принёс две печеньки, потому что Пироженка могла объявиться. Но, опять же, я могу и ошибаться.

Она смотрела на меня, словно пытаясь собрать мозаику, и честно говоря, я не был *настолько* сложной личностью.

— И ты симпатичная, — добавил я.

Она моргнула. — Что?

Я попытался скрыть восхищение, но мне не удалось, я развернулся и открыл дверь, провожая её в коридор. — Не говори, что не знаешь, что ты симпатичная. Если это так, то я близок к потере веры в мужской пол. Ты бы не хотела быть за это в ответе.

— Я знаю, что симпатичная… То есть, это не то, что я имела в виду. — Она замолчала, простонав. — Я не считаю себя уродиной. Вот, что…

— Хорошо. Теперь мы это прояснили, — Я потянул ее за сумку, ведя к лестнице. — Будь внимательна с дверью. Она может быть коварной.

— Как ко всему этому относится комментарий о симпатичности?

— Ты спросила, почему я так мил к тебе. Это взаимовыгодно.

Пироженка остановилась позади меня. — Ты мил со мной, потому что думаешь, что я симпатичная?

— И потому что у тебя карие глаза. Я балдею от больших карих глаз, — я засмеялся. — Я поверхностный, поверхностный парень. То, что ты симпатичная помогает. Это пробуждает во мне милого парня. Заставляет делиться с тобой печеньками.

— Так, если бы я была уродиной, ты бы не был мил со мной?

Я повернулся к ней лицом. — Даже если бы ты была уродиной, я все равно был бы любезен с тобой.

Улыбаясь, я опустил подбородок, сокращая расстояние между нашими губами. — Я просто бы не предлагал тебе печеньки.

Она сложила руки на груди. — У меня закрадывается сомнение, что под словом «печеньки» подразумевается что-то другое.

— Может так и есть, — Я снова потянул за её сумку и опустился на одну ступеньку. — Просто подумай об этом. Если печенье — это кодовое слово, чтобы оно ни символизировало, это было у тебя во рту, милая.

Какое-то время она пристально смотрела на меня, а потом засмеялась. Звук был такой неискушенный и с хрипотцой, словно она редко смеялась, от чего у меня в груди образовался ком. — Ты правда…

— Обалденный? Замечательный? — Мне снова захотелось услышать её смех. — Изумительный?

— Я бы сказала чудной.

— Чёрт, если бы у меня были чувства, то они были бы серьезно задеты.

Она усмехнулась, и это означало, что мы снова близки к улыбке. — Полагаю, это хорошо, что у тебя нет чувств, правда?

— Думаю, да, — я спрыгнул на лестничную площадку. — Тебе лучше поспешить, а то опоздаешь на следующую пару.

Она широко распахнула глаза, и я засмеялся, уходя с дороги, чтобы Пироженка меня не сбила, когда она понеслась вниз по ступенькам. — Проклятье, если бы ты так быстро бежала за моими печеньками, я был бы счастлив.

— Заткнись! — Эй! — Я спустился на следующий лестничный пролет. — Не хочешь узнать, что подразумевается под словом «печеньки»?

— Нет. Боже, нет!

Я запрокинул голову и рассмеялся, когда последние пряди медно-рыжих волос скрылись из виду. Не знаю, что такого было в Эвери Морганстен, но она была лучше молчаливой девчонки из средней школы, которой, как оказалось, нравились девушки.

Намного лучше.

Глава 4

Были моменты, когда я понятия не имел, как докатился до такой жизни. Как, и что именно повлияло на создание нынешней ситуации?

Стеф, в ещё одной едва прикрывающей задницу юбке, взяла меня за руку. Она что-то шепнула мне на ухо, но я не обратил внимания.

Я перевел взгляд с телевизора на лежащую на журнальном столике резинку для волос.

С этого всё и началось.

Стеф прислала эсэмэску, что оставила у меня что-то «суперважное», тогда, после вечеринки. Резинку. Знал бы я, что она забыла, сходил бы самолично в супермаркет и купил бы ей упаковку этих резинок.

— Принести тебе пива? — спросила она.

Она, реально, была идеальной женщиной. — Нет. Спасибо.

Я чувствовал, как она прожигала меня своим взглядом, когда я взял стакан и глотнул воды. Пиво. Я. Стеф. Пустая квартира. Не очень хорошее сочетание. Или хорошее, зависит от того с какой стороны на это посмотреть.

Обнимая меня, её полные груди прижались к моей руке.

Вместо того, чтобы смотреть на них, мне стало интересно, как диван, на котором я мог растянуться, внезапно, стал таким маленьким.

— Ты жизнь начал с чистого листа, или что? — спросила она, а я перевел взгляд на телевизор, когда она начала водить ногтями по моей руке.

Я смотрел повтор бокса, и сомневаюсь, что ей это было интересно. — Больше не пьешь?

Я тихонько засмеялся. — Неа. Просто сегодня неохота.

— О. — Рука Стеф переместилась с моего предплечья на мою грудь. — А чего же тебе сегодня хочется?

Провокационный вопрос, так что я промолчал, наблюдая за кулаком в перчатке, заехавшем по челюсти. Стеф расценила моё молчание так, как ей захотелось, скользя рукой по голой коже моего пресса. Кровь следовала за кончиками её пальцев, дрейфующих ниже моего пупка и достигающих моих шорт.

Моё тело было готово к тому, что должно было случиться, уплотненное и отекшее, напряглось, чтобы встретиться с её блуждающими пальчиками. А оно хорошо было знакомо с её пальчиками, и помнило насколько она опытна. Но моя голова и мой член хотели разного.

Отклоняя голову назад, я выдохнул. Не было ничего не правильного в происходящем. Её быстрые пальчики скользнули по моей обмякшей руке, поглаживая моё бедро. Мускулы дёрнулись в ответ. Как и кое-что другое.

Я закрыл глаза, глубоко вдохнул. Моё сердце не билось. Думал о пятничной встрече. И думал о субботе и звёздах, когда она положила руку мне на член, сжимая его через нейлоновые шорты. Импульс прошиб в позвоночник, когда она скользнула рукой вверх.

Внизу живота я испытал удовольствие, и я знал, если я позволю ей продолжить, это будет экстаз. Мне уже было чертовски хорошо. Всегда было, но я прервал её. Пару недель назад я бы воспользовался простым принципом — «Бери. Давай». Но сейчас, я этого не хотел и это было не правильно.

— Эй, — сказал я грубым голосом, нежно убирая её руку.

Её милое личико застыло в недоумении. — Что?

— Я не в настроении. — Я взял её руку и поцеловал ладошку, прежде чем положить обратно на её бедро. Мой дружок уже обмяк. — Хорошо?

На её лице читалось удивление, а часть меня испытывала огромное потрясение. Неужели я только что её отшил? Отшил.

Её загорелые щечки налились румянцем, и она отвернулась к телевизору, а я почувствовал себя кретином. Пипец. Сидя рядом, я положил руки на колени. — Ты голодна?

Молча, она отрицательно помотала головой.

Двойной пипец. — Слушай, Стеф, дело не в тебе, я серьезно.

Мне сегодня как-то не по себе. Понимаешь?

Стеф мельком на меня взглянула и кивнула. — Хорошо.

Я вздохнул с облегчением. Как я уже говорил раньше, Стеф хорошая девушка и у нас было прошлое. Но сейчас всё было по-другому. Она ещё немного посидела и готова была уходить. Я поднялся, чтобы её проводить. В дверях, она повернулась, поднялась на носочки, целуя меня в щеку.

Я рассмеялся. — А это за что?

Стеф пожала плечами, а я закрыл дверь за нами. — Пойдёшь на вечеринку братства? — спросила она.

— У меня планы, — ответил я.

Она мило надула губки. — Ты не можешь пропустить встречу в пятницу?

Дотянувшись, я потянул за прядь мягких черных волос. — Ты знаешь, что не могу, милая. Может в следующий раз.

— Ты отстой. — Улыбаясь, она толкнула меня бедром.

— Так и есть.

Направляясь к её машине, она споткнулась и потеряла равновесие, я схватил её за руку, пытаясь удержать. — Ты же не пила сегодня? — Прищуриваясь, спросил я. — Правда?

Её лицо озарил лунный свет, когда она, отклонив голову назад, расхохоталась. — Нет. — Она ударила меня по груди. — А что, если так? Разрешишь остаться у тебя на ночь?

— Я посажу твою маленькую попку в машину и отвезу обратно в общагу.

Она закатила глаза. — Было бы забавно.

Мы остановились у её машины, и я быстренько ее приобнял. — Напиши, когда приедешь домой.

Она снова рассмеялась, отстраняясь. — Серьезно?

Я бросил на нее угрюмый взгляд. — Ты знаешь, я серьезно. Уже поздно. В этом мире полно гребанных придурков, поэтому напиши мне.

— Что, если нет?

Я прищурился. — Напишешь.

— Хорошо, напишу. — Стеф рассмеялась, подходя к водительской двери. — Увидимся, Кэм.

Отступив назад, я проводил взглядом уезжающую с парковки машину, прежде чем повернуться и пойти домой. На полпути я поднял голову и посмотрел на окна квартиры Пироженки. Свет был выключен, наверное, она уже залезла в постельку. Она спит в рубашке с длинным рукавом? Или голышом?

Образ ее обнаженной, с медно-рыжими волосами, образующими вокруг неё ореол, захватил мое сознание.

Мой член опять оживился. — Чёрт, — пробормотал я.

Это будет длинная ночка.

Утро вторника было утром блинчиков, по крайней мере так заявил Олли, когда сполз с кровати и ввалился ко мне в комнату. Хватая кепку со спинки дивана, я увидел резинку Стеф на кофейном столике и закатил глаза.

Супер важная.

Олли уже вышел, а я, как только приблизился к двери, уловил запах дождя в воздухе. Закрыв дверь, понял, что он был не один.

— Эвери, — сказал Олли. — Кэм сказал как тебя зовут.

Себе на заметку: не забыть двинуть Олли по шарам.

Последовала пауза, а потом: — О. Итак… эммм, ты идешь…

— Эй, засранец, ты оставил дверь открытой! — Я натянул кепку, огибая лестницу. Внизу я заметил, как голубые джинсы Эвери обтягивали её попку. Мило. — Эй, что ты делаешь с моей девчонкой?

Олли ухмыльнулся мне, но мое внимание было обращено к Эвери. Похоже, у девушки был легкий макияж или совсем не было, потому что её лицо было… свежим. Естественным. Мне нравилось это. Она посмотрела мне в глаза, а потом быстро отвела взгляд.

— Я объяснял ей, как получилось, что у меня два имени, — сказал Олли.

— Серьезно? — Я догнал их и положил руку на плечи Эвери. У неё запутались ноги, и я усилил хватку, притягивая её к себе.

Мысленно я отметил, что у неё идеальная фигура. — Э-эй, милая, стой, не падай…

— Только посмотрите на него. — Олли прыгал вниз по лестнице как лягушка. — Чуть девушку с ног не сбил.

Я засмеялся, одной рукой держа ее, а другой, повернул бейс козырьком назад. — Что поделать. Это все мое магнетическое очарование.

— Или твой запах. — Усмехнулся Олли. — Не уверен, что слышал утром шум воды из душа.

Я произнес, удивлено. — От меня плохо пахнет, Эвери?

— Ты приятно пахнешь, — сказала она, а затем ее щеки залились краской. — Я имею в виду, ты не пахнешь плохо.

Чутье подсказывало мне, что она имела в виду совсем другое. — На пары идешь?

Пироженка не сказала ни слова, пока мы спускались по лестнице, но на её лице читалась глубокая задумчивость.

— Эвери?

Она увернулась, а я прищурился, когда она прибавила ходу. — Да, иду на искусствоведение. А вы, ребята?

Я догнал её на третьем этаже, будь я проклят, улизни она так легко. — Мы идём завтракать. Ты должна прогулять и присоединиться к нам.

Она сжала свою сумку. — Думаю, на этой неделе с меня хватит прогулов.

— Я сачкую, — сообщил Олли, — а у Кэма пары во второй половине дня, так что он хороший мальчик.

— А ты, значит, плохой? — спросила она.

Он улыбнулся Пироженке, как большинству девушек. — О, я плохой, плохой мальчик.

Я так посмотрел на Олли, что аж кожу начало покалывать. — Да, я плох в правописании, математике, английском, в уборке после себя, в общении с людьми и т. д. и т. п.

— Но я хорош в другом, — ответил Олли.

— Правда, и в чём же это? — я спросил, когда мы вышли под облака наполненные дождем. Денёк намечался дождливый.

Олли развернулся к нам лицом, шагая спиной вперёд, не замечая опасной близости сдающего назад красного пикапа. Он поднял свою загорелую руку и стал загибать пальцы.

— Пьянки, *гулянки*, сноуборд, футбол — ты еще не забыл этот вид спорта, Кэм? Футбол?

Я уставился на него. — Да, помню, кретин.

Олли, наверное, понятия не имеющий, что он только что сделал, резко развернулся и направился к моему пикапу. Челюсть начала нервно подёргиваться. Я засунул руки в джинсы и взглянул на Пироженку. — Увидимся, Эвери.

Оставив ее, я присоединился к Олли у моей машины. Вместо того, чтобы разблокировать все двери я открыл только свою и сел в машину, захлопывая за собой дверцу.

— Эй, — негромко сказал Олли.

Игнорируя его, я развернул машину. Большая, жирная капля дождя плюхнулась мне на лобовое стекло, и я улыбнулся, глядя на небо.

— Эй!

Медленно, я поднял руку, показывая ему средний палец.

Олли подпрыгнул, когда начался ливень, завывая как раненый зверь. Только когда его волосы прилипли к черепушке, я разблокировал его дверь.

Он забрался в машину, весь дрожа. — Какого хрена, чувак?

Заслужил. — Включив задний ход, я отъехал. Одного взгляда на нахмуренный лоб Олли хватило, чтобы понять, что он обдумывает сказанное. Я вздохнул. — Завязывал бы ты с травой.

— Не первый раз уже слышу, но Мэри Джейн любит меня, и она единственная девушка, которую люблю я.

Приглаживая рукой бейсболку, я покачал головой. — Хиппи хренов.

Олли потряс головой, как мокрая псина, разбрызгивая по салону

холодные капли воды. У него в башке, наверное, что-то щелкнуло, потому что он откинулся на сидение. — Бля, чувак. Не подумал.

Я подавил смешок и выехал со стоянки за машиной Пироженки. — Очень удивительно.

Олли уставился перед собой, его улыбка исчезла. — Я забываю иногда, понимаешь? Уже прошла вечность.

Чёрт, хотел бы я забыть, особенно теперь, когда наблюдал за Пироженкой, поворачивающей налево и направляющейся в сторону кампуса.

Он взглянул на меня. — Прости, мужик. Серьезно. Я знаю, сколько для тебя значит футбол.

Я кивнул рассеянно, повернул направо, направляясь к объездной, которая ведет в Чарлстаун. Футбол был моей жизнью с того момента, как отец записал меня в местную детскую лигу, и более года, я отрабатывал свои навыки нападающего, на ближней ударной позиции. Я был чертовски хорош, и это был не секрет, что после поступления в Шефер и присоединения к их футбольной команде, три года назад, я не собирался здесь оставаться. Я убивал время, прежде чем попробоватся в Ди Си Юнайтед и так познакомился с Джейсом и Олли. Футбол был моим здравым смыслом.

Но, теперь, только тренировка развлекательной футбольной лиги связывала меня с футболом, в качестве *общественных* работ. Не будет больше футбола. По крайней мере, в ближайшем будущем, и все благодаря одному всплеску ярости.

Большинство людей моего возраста проводят пятничный вечер за кружкой пива, тусуясь с друзьями. А я провожу его, сидя в кругу — да, сидя в чёртовом кругу — слушая чужие проблемы. Некоторые ребята из группы нормальные. Например, Генри. Как-то он напился и ввязался в драку в баре. Он не психопат. Как и Арон, у которого, по-видимому, проблемы с агрессивным поведением на дороге. Насчет парочки ребят и девчонки с мертвецко-белым макияжем и жирной черной подводкой я не уверен. Они были немного пугающими.

Самое ужасное, я не был здесь самым молодым. Даже близко.

И мне осталось… *ещё десять* чертовых месяцев.

Я выдержу. Серьезно. Я с легкостью могу сделать это.

— Кэмерон? — доктор Бэйл прочистил горло, и мне захотелось ударяться башкой об стену. — Хотел бы ты чем-то поделиться сегодня?

Именно это мне не удавалось. Дерьмо типа поговори-о-себе с кучкой незнакомцев, пялящихся на меня. Я поднял взгляд, и понимающее выражение появилось на лице Генри, прежде чем он отвел взгляд в сторону.

— Нет, — ответил я. — Не очень-то.

Девчонка-готка, у которой видимо была слабость к ножам, откинулась назад, скрестив руки, покрытые татуировками.

— Он *никогда* ничем не делиться.

Я сжал губы, чтобы не получить удар ножом.

— Это правда. — Доктор Бэйл поправил очки. — Ты едва взаимодействуешь с группой, Кэмерон.

Пожав плечами, я сел назад и натянул кепку ещё ниже. — Я просто принимаю все это.

Генри подпрыгнул, с облегчением, отвлекая внимание, а я ушел из поля зрения до конца сеанса, но когда я поднялся, чтобы уйти, доктор Бэйл подозвал меня.

Отлично.

Когда все покинули комнату, я упал на металлический складной стул, наклонился вперед и оперся локтями о колени.

Доктор Бэйл наклонился, доставая папку из пластикового контейнера, находящегося около него. — Хотел убедиться, что эти встречи тебе помогают, Кэмерон.

Нет, нет, это было не так. — Помогают. Смотря на меня, он закинул ногу на ногу и откинулся на спинку стула. — Ты не говоришь о случившемся.

— Не о чем говорить.

— Есть о чём. — Он улыбнулся, сделал паузу, и кожа вокруг его глаз покрылась морщинками. — Знаю, в начале, раскрывать душу перед таким количеством людей сложно, но у вас много общего.

Я напрягся. — Не думаю, что у нас много общего.

— Ты в этом уверен?

Вздохнув, я посмотрел на белые стены, увешенные постерами, на которых было написано, что слова лучше кулаков.

— Ты серьезно так думаешь, Кэмерон?

— Да. — Я заставил себя не искать взглядом единственные часы в помещении, висящие за моей спиной.

— Хорошо. Я не хочу, чтобы ты упустил эту удивительную возможность и не использовал на благо своей жизни.

Я промолчал.

— Ты хоть понимаешь, как тебе повезло, Кэмерон? — спросил доктор Бэйл, когда я ничего не сказал. — Случай с тем парнишкой мог стоить тебе свободы.

— Понимаю, — сказал я на полном серьёзе. Бог свидетель, я знал, как мне повезло, и очень долго думал, что должен гнить в тюрьме. Так и было бы, если бы не моя безупречная репутация и не потяни мой отец за ниточки в уголовных судах. — Я очень уравновешенный парень, доктор Бэйл. То, что случилось…

— Избитый вами мальчик с вами не согласился бы. — Его взгляд опустился в моё досье. — Тяжелые ушибы головы. Перелом челюсти, носа и глазницы, наряду с несколькими сломанными рёбрами. — Он поднял глаза, встречая мой взгляд. — Это не похоже на действия уравновешенного парня, не так ли?

У меня свело желудок, но я не отвернулся.

— Я не горжусь своим поступком. Оглядываясь назад, понимаю, что я мог поступить и по-другому.

— Но?

Но у меня не было проблем с «гневом» или «яростью». Как бы хреново это не звучало, я все еще не был уверен, что жалею о случившемся. Эта тварь избивала *мою сестру*, и, да, я слетел с катушек.

И по правде говоря, повторись всё снова, сомневаюсь, что поступил бы иначе. Обидел мою сестру — я обижу тебя. Всё просто.

Глава 5

Когда дело касается моей маленькой Пироженки, то терпение вознаграждается.

По началу, поездка на Национальное Поле Битвы при Энтитеме для выполнения задания по астрономии началось также мучительно, как и мои еженедельные курсы по управлению гневом. Она сидела в моём пикапе, как будо я заманил её туда предлагая бесплатных щенят, оттягивала рукава свитера, выпрямившись, как столб. Она занервничала ещё сильное, когда мы направились вниз по Кровавой тропе в поисках места с отличным видом на небо и… кукурузные поля.

Я выяснил, что она фанатела от истории, но это нормально, потому что эти карие глаза загорались, когда она начинала говорить о поле битвы. Так же я выяснил, что она спешила побыстрее покончить с этим.

Никогда в жизни я не сомневался в своих способностях заинтересовать девушку так, как с Эвери. Она себя вела, словно времяпрепровождение со мной было похоже на посещении класса музыки в течение двух семестров подряд. Как бы самодовольно это не звучало, я знал, что могу появиться в кампусе и назначить свидание любой свободной девушкой. Возможно, даже несвободной, но с Эвери, это походило на попытку соблазнения монашки. И не порочной монашки.

— Как думаешь, сколько это займет? — спросила она.

— А что? — Я замолчал, меня осенила мысль. Может мое очарование меня не подводило. Черт, как я раньше об этом не подумал? — У тебя сегодня свидание?

Она сухо рассмеялась, — Эм, нет.

Часть меня была рада услышать это. Другая была в полном замешательстве. — Так сказала, как будто это безумная идея, что кто-то пойдет на свидание в субботу вечером.

Пожимая плечами, она отпустила прядь волос, с которой играла. — Я не с кем не встречаюсь.

Я пошел дальше, опустив руки вниз, ветерок колыхал стебли кукурузы, от чего они трещали, словно ветхие кости. — Так к чему эта спешка? — Когда ответа не последовало, я взглянул на неё через плечо, улыбаясь. — Ты волнуешься, что я привел тебя сюда со злым умыслом?

Пироженка остановилась, лицо побледнело так, что аж веснушки исчезли. — Что?

Ничего себе. Я повернулся к ней лицом, чувствуя, образовавшийся комок в груди и что-то еще. Ее реакция была слишком быстрой и такой настоящей. Во рту появился неприятный привкус. — Эй, Эвери, я пошутил. Серьезно.

Она уставилась на меня, а потом отвела глаза, краснея. — Знаю, я просто…

— Нервничаешь?

— Да, именно.

Я надеялся, черт, да я молился, чтобы причина была в этом. Наблюдая за ней, возящейся с браслетом на левом запястье, я не мог позволить мыслям идти дальше. Ярость переполняла меня только от одной мысли, что что-то ужасное могло с ней произойти. Я был уверен, что слишком остро отреагировал. — Пойдем. Скоро стемнеет.

Я продолжил идти, направляясь к башне, и приветствуя двух студентов с нашего курса. Выбрав место на холме, с видом на переулок, я вытащил фонарик, пред тем как сесть.

Трава была сухой и в абсолютной тишине, гул сверчков был почти такой же громкий, как и стук моего сердца. Не знаю, почему мой пульс так участился, но было такое чувство, что я бежал от машины, а не шел.

Подняв голову, я увидел Пироженку, застывшую на месте в нескольких метрах позади меня. Я похлопал по траве. — Присоединишься? Пожалуйста-пожалуйста. Мне тут совсем одиноко.

Она прикусила нижнюю губу, и у меня свело желудок. Наконец-то она подошла и присела… в метре от меня. У меня поползли брови вверх, но потом… потом мы встретились взглядами, я задержал дыхание, не так уж это и далеко.

Сколько веснушек у нее на переносице? Девять. Девять с

половиной. Одна из них была блеклой. Ее губы были приоткрыты, словно она ждала поцелуя.

Мне безумно захотелось ее поцеловать. Это был не первый раз. Я хотел её поцеловать, тогда, когда убирал крошку, чтобы почувствовать вкус её мягких губ. Другая бы уже сделала ход, но не Пироженка.

И тогда произошло самое странное.

Я захотел притормозить. Не знаю, как я мог притормозить эти несуществующие отношения. Сердце все еще колотилось.

Эвери прокашлялась, наклонила подбородок и стала изучать свою тетрадь.

Я выдохнул, не осознавая, что задержал дыхание, и спросил:

— Какое созвездие мы должны нанести на карту?

— Корону Бореалис, по-моему, — ответила она, просматривая записи в то время, как я держал фонарик.

— А, Северную Корону.

Она подняла брови. — Вот так с ходу сообразил?

Меня рассмешило её сомневающееся выражение лица. — Может, я и не записываю, но я слушаю.

Она наморщила нос. — Правда, не понимаю, как кто-то видит фигуры в звездах.

— Серьезно? — Я подвинулся ближе и заглянул через её плечо. — Фигуры довольно очевидны.

— Не для меня. То есть, это просто пару звезд на небе. Наверно, в них можно разглядеть все что захочешь.

— Посмотри на Бореалис, — я указал на карту. — Совершено очевидно, что это корона.

Она рассмеялась… по-настоящему рассмеялась, и в груди все сжалось. — Это не похоже на корону. Выглядит как неправильный полукруг.

Ухмыляясь, я покачал головой. — Посмотри. Ты можешь с легкостью её увидеть. Это корона. Ну же, видишь эти семь звезд.

— Вижу семь звезд, как и сотни других. — Она схватила

ручку. — А еще, вижу печенюху-монстра.

Я засмеялся. — Ты забавная.

Пока я за ней наблюдал, улыбаясь, она ткнула ручкой в карту. Было ясно, что она понятия не имела с какой широты начинать чертить. Она взглянула на небо еще раз и, наконец-то, соединила две точки.

— Знаешь, откуда взялось это название? — спросил я.

Пироженка покачала головой, я наклонился и забрал у нее ручку. В процессе, наши пальцы соприкоснулись. Было очень приятно, но она резко отдернула руку. — Оно олицетворяет собой корону, которую бог Дионис преподнес Ариадне, — сказал я. — Когда она вышла за Бахуса замуж, он поместил корону на небеса в честь их свадьбы.

Она смотрела недоумевающим взглядом. — Профессор Драге не рассказывал об этом.

— Знаю.

— Тогда откуда ты это знаешь?

— Почему ты этого не знаешь?

Поджав губы, она склонила голову набок.

— Ладно. Может, и не все это знают. — Я повертел ее ручку. — Вообще-то, я посещал этот предмет на первом курсе, но пришлось бросить.

Любопытство наполнило ее карие глаза. — Серьезно?

Я кивнул.

— Ты сейчас на предпоследнем курсе?

— Да. — Я сделал паузу, раздумывая, как много ей рассказать. — Мне пришлось взять академку на год, поэтому я и отстал.

Немного помолчав, она спросила, — Почему опять пошел на астрономию? Это по твоей специальности?

— Нет. Просто нравится предмет и профессор Драге. — Я выключил фонарик. — Моя специальность — отдых и спорт. Хотел бы заняться спортивной реабилитацией.

— Так ты….

Когда она запнулась, я оглянулся и проследил за ее взглядом. Те двое с нашего курса, сидя на скамейке почти уже были в процессе обзаведения потомством.

— Интересный метод наблюдения за звездами, — сказал я.

Она наблюдала за ними какое-то время, широко распахнув глаза, будто пытаясь выяснить, что они делали. Было очевидно, чем именно они там занимались.

Я ткнул ее ручкой.

— Что?

— Ничего. Просто… — Не знал, как правильнее это сказать. — Ты наблюдаешь за ними так… будто никогда не видела целующихся парочек.

— Серьезно?

Я кивнул. — Даже если ты воспитывалась в монастыре, могу предположить, что ты сидела на коленях пару раз, верно?

— Нет, не сидела! — Она съежилась, сосредоточив внимание на кукурузе. — То есть, я не сидела на коленях у парня.

Мои губы дернулись в улыбке.

— Как насчёт колен девушки?

У неё отвисла челюсть.

— Что? Нет!

Я улыбнулся во все тридцать четыре, представляя её на коленях девушки, и это был не плохой вид. Однако, стало ещё лучше, когда я представил, как она сидит у меня на коленях.

— Я пошутил, Эйвери.

Она выпятила подбородок.

— Знаю, просто….

— Что? — Я снова ткнул её ручкой. — Что ты?

— У меня никогда не было отношений.

Никогда? Вообще никогда? Да ладно.

Сжимая в руках тетрадь, она посмотрела на меня.

— И что? Подумаешь.

Я открыл рот, но ничего не сказал. Моргнув, покачал головой и уставился на небо.

— Никогда не было отношений?

— Нет.

— Никаких?

— Именно это я и сказала.

Я не знал, что сказать.

— Сколько же тебе лет?

Она закатила глаза.

— Девятнадцать.

— И у тебя никогда не было отношений?

— Нет. Мои родители… были строгими. — Она сглотнула. — Очень строгими.

— Могу представить. — Я постучал ручкой по блокноту. Мне было так любопытно, до чертиков любопытно, как такая милаха, как Эвери никогда ни с кем не встречалась. — Ты хоть на свидания ходила?

Она глубоко вздохнула. — А мы не должны созвездия на карту наносить?

— Мы этим и занимаемся.

— Нет, не занимаемся. У меня тут *кривенькая* линия прочерчена, а у тебя вообще пусто.

— Эта кривенькая линия соединяет Дельту и Гамму. — Я наклонился и соединил точки. — Тут у нас Тета, а это Альфа — самая яркая звезда. Видишь, мы уже половину работы сделали.

Она нахмурилась, медленно покачала головой и посмотрела на небо. Пока она отвлеклась, потому что я возился с этой астрономической фигней, я наклонился к ней и прижался плечом к плечу, доделывая карту, заканчивая наше домашнее задание.

Я повернул голову. — Все, со звездами мы закончили… — Наши

лица были так близко друг к другу, что я слышал ее мягкое дыхание. Она не отодвинулась, а я улыбнулся. — Видишь? Это было просто.

Эвери опустила глаза, и я знал, что она не слышала ни слова, доносящегося из моего рта, хоть и пристально на него смотрела. Не то, чтобы я жаловался. Она могла смотреть на мои губы хоть вечность.

Она подняла свои густые ресницы, и наши взгляды опять встретились. Между нами повисло ощутимое напряжение. Мы сидели неподвижно, хоть мне и хотелось заключить её в свои объятья. Куда подевалась вся эта штука с «притормозить» я понятия не имел. Она пошевелилась, было видно, что ей неудобно, и хорошая, порядочная часть меня подсказывала отвернуться или пошутить, чтобы ей стало лучше, но я не мог противостоять соблазну ее глаз. В темноте они были, как темный омут.

— Как думаешь, ты что-то узнала о звездах? — неохотно спросил я.

Ответа не последовало, что, вероятно, было хорошо, так как вопрос был ужасный. И я спросил то, что действительно хотел знать. — Ты когда-нибудь была на свидании?

По-прежнему тишина.

Я улыбнулся. — Ты меня слушаешь?

Пироженка моргнула, как будто приходила в себя после обморока. — Что? Да! Да. Конечно.

После такой длительной игры в гляделки, сомнений не было — она чувствовала то же, что и я. — Ага… значит, на свидании ты не была?

— Что?

Я усмехнулся. — Ты и правда меня не слушала. Была слишком занята, разглядывая меня.

— Не правда.

— Нет, правда. — Я легонько толкнул её плечом.

Она так скривилась, как будто лимон целиком проглотила. — Ты слишком самонадеянный.

— Самонадеянный? Это была констатация факта. — Бросив свой

блокнот в сторону, наблюдая за ней, я прилег на землю, опираясь на локти. Нравилось мне ее дразнить. Словно я новое хобби нашел. — Нет ничего плохого в том, что ты на меня засмотрелась. Мне это нравится.

Она уставилась на меня. — Я не разглядывала тебя. Не совсем. Я вроде как… зависла. Вот как захватывающе разговаривать с тобой.

— Я такой волнующий.

— Такой же волнующий, как и наблюдение за тем, как твоя черепаха дорогу переходит.

— Ага. Продолжай убеждать себя в этом, милая.

— Будешь продолжать называть меня милая и станешь хромым.

Мне это понравилось. — Ты послушай себя.

— Неважно.

— Нам стоит сделать это.

Она сжала губы. — Что сделать? Пойти домой? Я готова идти домой хоть сейчас.

Я улыбнулся. — Пойти на свидание.

Глава 6

Пироженка посмотрела на меня так, словно я только что предложил ей раздеться до гола и бегать по кукурузному полю. Она захлопнула тетрадь и схватила сумку. — Не уверена, что понимаю о чем ты.

— На самом деле это не так уж и сложно. — Меня рассмешил её взгляд полный ненависти. — Нам стоит сходить на свидание.

Она пристально на меня посмотрела, а потом запихнула с силой тетрадь в сумку. — Не понимаю.

Почему я не был удивлен тем, что она не понимала? Откидываясь назад, вытянул руки за головой, и почувствовал, как хрустнули костяшки.

Я наблюдал, как её взгляд скользнул по моему телу, задержавшись там, где между футболкой и ремнем оголилась кожа.

Моя улыбка расползалась ещё шире. — Как правило, свидание — это, когда двое идут куда-нибудь вечером, а иногда и днём. Не важно, днем или вечером, но ужин обычно обязателен. Иногда кино или прогулку в парке. Хотя, я не гуляю по паркам. Можно пойти на пляж, но так как здесь нет никаких…

— Я в курсе, что такое свидание. — Она подскочила на ноги, её глаза в ночи были похожи на черные льдинки.

— Ты сказала, что не понимаешь. Поэтому, я объясняю, что это.

Ее губы дрогнули, когда она скрестила руки на груди. — Не это мне непонятно, и ты это знаешь.

— Просто хотел убедиться, что мы на одной волне.

— Нет.

Бесстыже улыбаясь, я опустил руки, но не одернул вниз футболку. — Теперь, когда мы оба знаем, что такое свидание, мы должны на него сходить.

— Уф…

Смеясь, я сел. Смятение на её лице было странным образом восхитительно. — Это не похоже на ответ, Эвери.

— Я… — Покачав головой, она сделала шаг назад. — У тебя разве нет девушки?

Откуда вообще у Пироженки возникла эта мысль? — Девушки? Нет.

— Тогда кто та брюнетка, которая спотыкаясь, уходила от тебя в среду вечером? — возмутилась она.

Когда до меня дошло о чем она, я улыбнулся во все 32. — Ты следила за мной, Эвери?

— Нет. Нет! — Она побледнела. — Что? Я не следила за тобой. У меня есть собственная жизнь.

Я изогнул бровь. — Тогда как ты узнала о Стефани?

Пироженка переминалась с ноги на ногу. — Это её имя?

— Да, у неё есть имя, и нет, она не моя девушка. И она не спотыкалась. Может быть уворачивалась.

Она округлила глаза.

— Так как ты могла увидеть её, если не следила? — я скрестил лодыжки. — Я не возражаю против того, чтобы ты за мной наблюдала. Помнишь, мне это нравится.

Её грудь поднялась с глубоким вдохом, и я видел, что её терпение на приделе. — Я не следила за тобой. Не могла уснуть и смотрела в окно гостиной. И случайно увидела, как ты шёл с ней к машине.

Я не поверил ей. Совершенно. Кто вот так просто пялиться в окно в такое позднее время? Как бы мне сильно не хотелось подразнить её, было похоже, что она вот вот надерет мне задницу, но я относился к категории азартных людей. — В этом есть смысл. Не так увлекательно, как если бы ты стояла возле окна в надежде мельком меня увидеть.

Она уставилась на меня.

Я подмигнул. — Стеф не моя девушка, кстати. У нас не такие отношения.

Её рука потянулась к браслету на левом запястье. — Я не такая.

— Какая?

Подняв взгляд к звездам, она вскинула вверх руки. — Я не такая как она.

— Ты её знаешь?

— Я не сплю с парнями просто ради развлечения, понятно? Не вижу в этом ничего плохого. И совершенно не осуждаю, но это не по мне. Так что мне не интересно. Прости.

— Подожди секундочку. Я запутался. Ты её не осуждаешь, но предположила, что она вступает в случайные связи? Что она моя секс-подружка? Разве это не опрометчивый вывод на основе предположений?

Она нахмурилась. — Ты прав. Не знаю, какие там между вами отношения. Может вы просто друзья детства или что-то типа того.

— Нет, — я улыбнулся. — Время от времени мы занимаемся сексом.

У Пироженки отвалилась челюсть. — Я была права! Тогда почему ты меня обвинил в склонности к критике?

— Я просто указал на это, — я не мог перестать над ней подтрунивать. Букет эмоций на её лице был таким увлекательным для меня. — И кстати, мы не занимались сексом в среду. Не то чтобы она не хотела, но я просто был не в настроении.

— Не важно. Это дурацкий разговор.

— Мне нравится этот разговор.

Она потянулась за сумкой, но я опередил её, схватил сумку и встал. Она издала глубокий, раздраженный стон. — Отдай.

Опуская подбородок, я сказал:

— Я пытаюсь. — Накинул ремешок на её плечо, пробегая пальцами по её шее. Сейчас это было непреднамеренно, и когда она подскочила, с ней подпрыгнуло и мое сердце. Отступая назад, я поднял фонарик. — Видишь? Я просто веду себя как джентльмен.

— Не думаю, что ты джентльмен, но спасибо.

В её словах странно сочеталась искренность и разочарование, и она не проронила больше ни слова, пока мы возвращались назад, и дорогу нам освещал лишь узкий луч от фонарика.

— Здесь как-то страшновато по вечерам, не считаешь?

Она кивнула, посмотрев в темноту, нависшую над тенью монументов. — Полагаю, если где-то и водятся приведения, то это будет место, подобное этому.

— Ты веришь в приведений?

Пироженка вздрогнула. — Не знаю. Никогда их не видела.

— Я тоже.

Один уголок её губ приподнялся в улыбке. — Полагаю, это к лучшему.

Я остановился возле пассажирской двери пикапа. — Миледи.

— Спасибо.

Так как её голос звучал уже не так расстроено, я решил попытать удачу. Я облокотился на открытую дверь, наблюдая, как свет из салона ласкает её лицо. — Так что ты думаешь?

— По поводу?

Я склонил голову на бок. — Сходить со мной на свидание.

Она застыла. — Зачем?

— Почему бы и нет?

— Это не ответ. — Она схватила ремень безопасности, перекидывая его через себя.

— Что за вопрос? Как насчет, я… Эй, это просто ремень безопасности. Не так уж и сложно. — Я наклонился, забирая у неё ремень. Когда наши руки соприкоснулись, она вжалась в сидение. От такой странной реакции у меня сзади на шее встали волоски, и я поднял взгляд. — Почему мы не можем пойти на свидание?

На коленях она сжала руки в кулачки. Мне захотелось отпустить этот чертов ремень, взять её руки в свои, и разомкнуть эту хватку. — Потому… потому что мы не знаем друг друга.

Я слегка улыбнулся, и поднял взгляд чуть выше, сосредоточившись на её губах. — В этом и есть смысл свидания. Узнать друг друга получше. Сходи со мной на свидание.

— Обо мне нечего узнавать, — прошептала она.

— Уверен, ты интереснее, чем можешь себе представить.

— Это не так.

Я наклонился ещё ближе, вдыхая её сладкий аромат. — Тогда мы можем просто провести время разговаривая.

— Звучит весело.

— Это будет более захватывающе, чем наблюдать, как Рафаэль переходит через дорогу.

— Ха! — в её темных глазах промелькнула искорка задора.

— Подумал тебе понравиться.

Её взгляд переместился к сумке, лежащей у её ног, а потом обратно ко мне. — Мы уже можем ехать?

— Мы можем сходить на свидание?

Нотки расстроенности послышались в её голосе. — Боже, ты не сдаешься.

— Неа.

Пироженка рассмеялась, и я не смог сдержать улыбки. Мне понравился её смех, когда она смеялась по-настоящему. — Уверена, куча девушек, хотела бы пойти с тобой на свидание.

— Так и есть.

— Вот это да. Скромность тебе не знакома?

— А зачем? И я хочу сходить на свидание с тобой. А не с ними.

Она легко покачала головой. — Не понимаю, почему.

А я не понимал, почему она не могла понять. — В голову приходит две причины. Ты не такая, как большинство девушек. — Это правда. — Это меня привлекает. — На самом деле очень. — Ты неуклюжая в очень… восхитительной манере. Умная. Хочешь, чтобы я ещё продолжал?

— Нет. Совсем нет, — ответила она. — Я не хочу идти с тобой на свидание.

Я не верил ей. Называйте это интуицией, опытом, или простым самомнением, но я ей ни чуточки не верил. — Знал, что ты так ответишь.

Тогда зачем спрашивал?

Я отстранился, ухватившись за дверь. — Потому что захотелось.

— Ладно. Хорошо. Рада, что ты выбросил это из головы.

Как она считает, что это было? Черт, даже я не знал, что это было. — Я не выбросил это из головы.

Её плечи поникли. — Нет?

— Неа. — Я улыбнулся. — Всегда есть завтра.

— А что завтра?

— Спрошу тебя снова.

Она помотала головой. — Ответ будет все тот же.

— Может да, а может и нет. — Я легонько ударил её по кончику носа, улыбаясь, когда она пристально уставилась на меня. — И может, ты согласишься. Я терпеливый парень, и как ты сказала, я не сдаюсь так легко.

— Великолепно, — прошептала она, но её глаза блеснули также как и когда она оценивала меня.

— Знал, что ты так это воспримешь. — Я ущипнул её за нос, и она ударила меня по руке, отталкивая её в сторону. — Не волнуйся. Я знаю правду.

— Какую правду?

Я отошел назад, на случай если она снова замахнется. — Ты хочешь сказать «да», но просто пока не готова.

Пироженка посмотрела так, будто она по правде увидела призрака.

— Всё нормально. Я могу со многим справится, но должен тебя уверить, тебе будет весело справляться со мной. — Прежде чем она смогла бы ответить, я ударил её по носу, а затем закрыл дверь, усмехаясь про себя, вприпрыжку огибая пикап спереди.

Я наблюдал, как Эвери направилась в свою квартиру. Она остановилась на полпути, заправляя за ухо блестящие рыжие волосы, и посмотрела на меня через плечо.

Легкая, застенчивая улыбка появилась на её лице, когда она помахала мне на прощание и скрылась за дверью, тихо её закрыв.

Немного постояв, как дурак, я, наконец, развернулся к своей двери. Когда дотянулся до ручки, дверь распахнулась.

Появился Джейс, загораживая проход. Он серьёзно посмотрел. — Чем это ты тут занимаешься, стоя посреди коридора, как неудачник?

— Какого лешего ты делаешь в моей квартире?

Он пожал плечами. — С Олли тусовался, но он пошел за начос.

— Вечер начос. — Это означало, что Олли целую ночь не будет спать. Я переступил с ноги на ногу — Может, впустишь меня?

— Ну, раз уж это твоя квартира. — Он склонил голову набок, пряча половину своего смуглого лица в тень. — Заходи, наверное.

Джейс отступил в сторону, позволяя мне протиснуться мимо него. Я направился к холодильнику, взял бутылочку пива и упал на диван. — Ты не на ферме?

Покачав головой, он сел рядом со мной и схватил бутылку пива с журнального столика. — Нет. Джек у бабушки с дедушкой.

— А… — Это все объясняет. Джейс обычно бывал на семейной ферме по выходным.

Он взглянул на меня. — Итааак, ты гулял с рыженькой?

— Пироженкой?

Из-под кудрявых волос поползли вверх нахмуренные тёмные брови. — Чего?

— Эвери рыженькая. И нет. Мы выполняли задание по астрономии. Мы партнёры.

— О. — Он сделал глоток пива и состроил физиономию. — Иии, — он продолжил, а я закатил глаза. — Почему ты пялился на её дверь?

— Откуда ты знаешь?

— Я наблюдал за тобой в глазок.

— Прекрасно. — Засмеявшись, я сделал глоток пива. Чуть помолчав, я сказал, — Я её на свидание пригласил.

Кажется, Джейсу было это не интересно. — Хорошо.

— Она отшила меня.

Он наклонился ко мне, а в его серо-голубых глазах промелькнул интерес. — Чего?

Я откинулся на диване, ухмыляясь. — Отшила.

Опервшись на подлокотник дивана, Джейс так рассмеялся, что казалось, сейчас со смеху лопнет. — Нравится мне эта девчонка.

— Мне тоже, — вздыхая, сказал я. — Мне тоже.

Глава 7

Свежий бананово-ореховый хлеб остывал на барной стойке, наполняя квартиру своим пикантным ароматом.

Я взглянул на часы на плите. Пять минут восьмого.

Запуская пальцы во влажные волосы, я окончательно отбросил идею лечь спать. В гостиной Олли валялся на полу в отключке и храпел, а когда в последний раз я заходил в свою спальню, Джейс лежал, распластавшись поперёк моей кровати. И скорее ад замёрзнет, прежде чем я хоть пальцем прикоснусь к кровати Олли.

Это была не совсем вина Джейса и Олли, что я не спал всю ночь. В любую минуту этой бесконечной ночи я мог бы закрыться в спальне, но мой мозг не смог бы отключиться. Частично причиной была пятничная встреча и пламенная речь доктора Бейла. Я не мог перестать думать о том, как Джейс старался, чтобы всё получилось, после того, как Олли отключился, а Джейс был пьянее всех пьяных, он начал говорить, а я не знал, чем ему помочь.

И я не мог перестать думать о девчонке, живущей по соседству.

Пироженка меня отшила.

Я усмехнулся, думая о том, как собираюсь изменить её решение.

Я повернулся, потянулся к холодильнику и остановился. Что это? Вызов? С момента, как я встретил Эвери, она постоянно от меня убегала, в то время как другие девушки бежали мне *навстречу*.

Но то, что я сказал ей вчера вечером, о причине моего желания пойти на свидание, было правдой. Эвери меня интересовала. Она не была похожа на девушек, с которыми я тусовался — фигуристых кокеток.

Не то, чтобы с ними было что-то не то, просто Эвери была другой. Она меня веселила. Может, не специально, но мне нравилось смотреть, как она краснеет по поводу и без, а когда она улыбалась?

Пироженка сияла ярче любой другой девчонки, которую я знал.

Возможно, это было связано с брошенным мне вызовом. Я действительно не знал, и в тот момент, когда открыл холодильник и

достал пару яиц, меня это вообще не волновало.

Она мне нравилась.

И спать я в ближайшее время не собирался, так почему предмет моего обожания должна спать в воскресное утро?

Как только мне пришла в голову эта идея, я даже не раздумывал. Пироженка, наверно не обрадуется моему плану, но никто — даже она — не может устоять перед бананово-ореховым хлебом.

Собрав всё, что нужно, я побрёл к входной двери. И тут Олли промямлил:

— Без помидоров. Двойной бекон.

— Что за? — я посмотрел на него через плечо. Он все ещё валялся на животе, щека припечатана к брошенной подушке, которую мне дала мама, теперь про неё можно забыть. — Чудик, — пробормотал я, выскальзывая из квартиры.

Подойдя к двери Эвери, я тихонько постучал, чтобы не разбудить соседей, но когда спустя целую минуту не услышал шагов, постучал громче и продолжал барабанить в дверь.

После того, как я, по ощущениям вечность, колотил в ее дверь и оборачивался, чтобы убедиться, не стоит ли кто за спиной, чтобы надрать мне задницу, я наконец-то услышал шаги и дверь открылась.

— Все в порядке? — спросила она самым сексуальным голосом, который я когда-либо слышал.

Повернувшись спиной к двери, я стал рассматривать растрепанную Эвери.

Медно-рыжие, спутанные клубком, волосы свисали на плечи, касаясь загорелой кожи её рук. Не думаю, что когда-нибудь видел её в рубашке с коротким рукавом. Мой взгляд, сам по себе, бродил по её телу и остановился, наслаждаясь тем, как тонкая рубашка обтягивала её вздымающиеся груди. Не знаю, откуда у меня взялось такое чувство воли, но я заставил себя оторвать взгляд и посмотреть на её пылающее лицо.

Внезапно, не понимая какого черта делаю, я криво улыбнулся и сказал. — Нет, но случится через 15 минут.

— Ч-ч-что? — она отошла в сторону, когда я проскользнул мимо

неё. Все квартиры были одинаковые, так что я знал, где находилась кухня, но бегло осмотрел гостиную. Мебель выглядела новой — диван и темный журнальный столик. Чёрный стул луна стоял рядом с телевизором. На стенах ни одной картины. Стул, возможно, был самой личной вещью в комнате.

— Кэм, что ты делаешь? Сейчас восемь утра.

— Спасибо, что сообщила. Это единственное, что мне никак не дается: угадывать время.

Она плелась за мной, и я чувствовал, как она взглядом прожигает мне спину. — Почему ты здесь?

— Готовлю завтрак.

— А на своей кухне не можешь этого делать?

— Моя кухня не такая интересная, как твоя. — Я положил яйца и хлеб на стойку и повернулся к ней. Протирая глаза, она выглядела так чертовски мило, и хотел бы я быть одет в что-то более приличное, чем треники и футболку, я даже не был уверен, что они были чистыми. — А Олли дрыхнет на полу в гостиной.

— На полу?

— Ага. Лицом вниз, храпит и пускает слюни. Не очень аппетитная атмосфера.

Она быстро улыбнулась и так же быстро улыбка пропала. — Ну, как и в моей квартире.

Я сложил руки, облокотившись на столешницу. — Не знаю, не знаю… — Я позволил взгляду блуждать по её изящному телу. Её набухшие соски, торчащие через рубашку, умоляли, чтобы их касались, облизывали, целовали, и Бог знает, что еще я бы с ними сделал. Во мне проснулась похоть, и я почти сделал шаг к ней навстречу. — Твоя кухня, в эту секунду, очень аппетитно выглядит.

Она покраснела. — Я никуда не пойду с тобой, Кэм.

— Я разве тебя о чём-то сейчас спросил? — усмехнулся я. — Но со временем ты передумаешь.

— Ты бредишь.

— Я полон решимости.

— Это раздражает, — парировала она. Её карие глаза сверкнули.

— Большинство сказали бы, что это удивительно.

Она закатила глаза. — Мечтать не вредно.

— Я бы так не сказал. — Я повернулся к плите. — А еще я принес бананово-ореховый хлеб. Сам испёк.

Повисла пауза. — У меня аллергия на бананы.

Я развернулся. — Ты издеваешься?

— Нет. У меня аллергия на бананы.

— Какая жалость. Ты не знаешь, от чего отказываешься. Бананы делают мир лучше.

— Ну не знаю.

Вот блин. Видимо она смогла противостоять моему бананово-ореховому хлебу. — На что еще у тебя аллергия?

— Кроме пенициллина и парней, вламывающихся в мою квартиру? Ни на что.

— Хорошая шутка юмора. — Я повернулся и нагнулся, открывая ближайшие шкафы. — Сколько слабых, не таких самоуверенных парней погубил твой язычок?

— Видимо не достаточно. — Она громко вздохнула. — Я сейчас вернусь.

Я понятия не имел, что она задумала, но сомневался, что она собиралась сбежать из квартиры. Мурлыкая себе под нос мелодию, я нашёл кастрюлю, чтобы сварить яйца, и налил в нее воды. Поставил её на плиту и зажёг огонь. Я слышал её шаги в спальне, они были тяжелее, чем я думал. Прошло пару минут, и я повернулся к дверному проему. Вполне возможно, что она закрылась в своей комнате.

Чёрт.

— Ты что там прячешься? — громко крикнул я. — Потому что я приду и вытащу тебя оттуда.

— Не смей заходить сюда! — крикнула она.

Я негромко рассмеялся. Как бы мне не хотелось воочию увидеть, чем она там занималась, перспектива оказаться в больнице меня не

радовала. — Тогда поторопись. Мои яйца ждать никого не будут.

К тому времени как она вернулась, я нашел тёртый сыр и решил, что она не откажется от глазуньи с сыром. Я молчал, хотя знал, что она сидела сзади, сверля меня взглядом.

— Кэм, почему ты здесь? — наконец-то спросила она.

— Я уже сказал. — Я выложил яичницу на тарелку и поставил ее на маленький столик у стены. — Хочешь тост? Подожди. У тебя есть хлеб? Если нет, я могу…

— Нет. Тост мне не нужен. — Она смотрела на меня, широко раскрыв глаза. — Тебе больше некому надоедать?

— Есть масса людей, которых я мог бы *осчастливить* своим присутствием, но я выбрал тебя.

Она шевельнула губами, но не сказала ни слова и развернувшись на стуле, уселась, подтянув ноги к груди, и взяла вилку. — Спасибо, — пробормотала она.

Я поднял брови. — Хотелось бы верить, что это искренне.

— Искренне!

Я развернулся к плите. — Что-то я в этом сомневаюсь.

Последовали пару секунд тишины, а потом: — Я благодарна за яичницу. Просто не ожидала увидеть тебя здесь… в восемь утра.

Наблюдая за ней, я ждал, пока сварятся яйца. — Ну, по правде говоря, я планировал завоевать тебя своим бананово-ореховым хлебом, но увы. Так что вся надежда на мою вкуснейшую яичницу.

— Очень вкусно, но этим ты меня не завоюешь.

— О, поверь мне. — Я открыл холодильник и нашёл апельсиновый сок. Взял два стакана, разлил в них сок и поставил один перед ней. — Всё дело в хитрости. Ты просто этого ещё не понимаешь.

Она посмотрела на свою тарелку. — А ты есть не будешь?

— Буду. Я люблю варёные яйца. — Сев напротив неё я подпер подбородок кулаком. Её волосы почти оказались в тарелке. Она постоянно поправляла их. Какой же милой она была. — Так что, Эвери Морганстен, я весь твой.

Она резко подняла глаза. — Ты мне не нужен.

— Очень жаль. Расскажи мне о себе.

Пироженка поджала губы в тоненькую линию. — И часто ты так делаешь? Заходишь в квартиру к первой встречной и жаришь ей яичницу?

— Ну, ты не первая встречная, так что нет. — Я встал, чтобы проверить сварились ли яйца. — Я всегда любил делать сюрпризы девушкам.

Что было не совсем правдой. То есть, если я каким-то образом оказывался в чужой квартире и бодрствовал, то готовил завтрак, но так? Это было впервые. Но ей необязательно это.

— Серьезно? Ты обычно так делаешь?

Я взглянул через плечо. — С друзьями, да, а мы друзья, не так ли, Эвери?

Она пристально осматривала меня некоторое время, а потом положила вилку на стол. — Да, мы друзья.

— Наконец! — прокричал я. — Ты, в конце концов, признала, что мы друзья. И потребовалась всего неделя.

— Мы знакомы всего неделю.

— Всё равно заняло неделю.

Когда я стал поглощать яйца, она поинтересовалась, как быстро я могу перейти в разряд лучшего друга. Вернувшись обратно за стол, я встретил её пристальный взгляд. — Обычно, мне требуется пять минут, чтобы получить статус лучшего друга.

Крохотная улыбка появилась у неё на лице. — Тогда, полагаю, я просто странная.

— Может быть.

— Думаю, для тебя это необычно.

— Хммм? — Я очистил яйцо от последней скорлупы.

— Бьюсь об заклад, девушки сами вешаются тебе на шею. Сотни, наверно, убили бы за то, чтобы оказаться на моем месте, а тут я, с аллергией на твой хлеб.

Я поднял взгляд. — С чего бы? Потому что мое тело

совершенно, как у бога?

Она откровенно рассмеялась, и этот дурацкий клубок снова образовался у меня в животе. — Я бы так далеко не заходила.

Пожимая плечами, я хихикал. — Не знаю. На самом деле, не задумывался об этом.

— Ты совсем об этом не думал?

— Нет, — я закинул в рот яйцо и вытер руки о салфетку. — Я думаю только о том, что важно.

Она оторвала свой пристальный взгляд от меня и стала играться со своим стаканом. — Так ты исправившийся бабник?

— С чего ты взяла?

— Слышала, ты был ещё тем ловеласам в школе.

— Серьезно? Кто тебе такое сказал?

— Не твое дело.

Я сделал глубокий вдох. У нее язык острый как бритва. — С твои язычком у тебя не так много друзей, верно?

Пироженка вздрогнула. — Нет. В школе я не очень-то пользовалась популярностью.

Твою мать, теперь я чувствовал себя мудаком. Я бросил яйцо на тарелку. — Черт. Прости. Глупо было с моей стороны говорить такое.

Она покачала головой.

Я наблюдал за ней, когда поднял яйцо и очистил его, тщетно пытаясь её разгадать. — Сложно поверить в это. Ты можешь быть веселой и милой, когда не оскорбляешь меня, и ты симпатичная девушка. Вообще-то, ты очень горячая.

— Эм… спасибо. — Она ерзала на стуле.

— Я серьезно. Ты сказала, что у тебя строгие родители. Они не разрешали тебе веселиться в школе? — Я проглотил ещё одно яйцо, нуждаясь в дозе протеина. — Всё равно, не могу представить, что ты не была популярной в школе. У тебя есть три главных качества — умная, веселая и горячая.

— Я не была. Понятно? — она поставила стакан, начиная дергать резинку на шортах. — Совсем наоборот.

Не уверенный в том, как расценить этот комментарий, я очистил третье яйцо. Я видел её в кампусе с девчонкой, с которой учился в одной школе, и Джейкобом Месси. Было не похоже, что она не умеет заводить друзей. — Мне жаль, Эвери. Это… отстой. Школа — это важный период.

— Да, так и есть. У тебя было много друзей?

Я кивнул. У меня было безумно много друзей.

— Все ещё общаешься с ними?

— С некоторыми. Мы с Олли вместе учились в школе, но он первые два года учился в Университете Западной Вирджинии и перевелся сюда. А с некоторыми я пересекаюсь в кампусе и дома.

Она вжалась в себя, выглядя невероятно маленькой. — Есть сёстры или братья?

— Сестра, — я потянулся за последним яйцом, улыбаясь. — Она младше меня. Только что исполнилось восемнадцать. Выпускается в этом году.

— Вы близки?

— Да, мы близки. — Мне нравилось, что она задает мне вопросы, но разговоры о сестре вызывали мысли совсем о другом. — Она много для меня значит. А что насчёт тебя? Есть ли старший брат, о котором мне стоит беспокоиться? Который придёт и надерет мне задницу за то, что я здесь?

Один уголок её губ приподнялся.

— Нет. Я единственный ребёнок. Есть старший двоюродный брат, но сомневаюсь, что он так поступит.

— Хорошо, — я закончил с последним яйцом, отклонился назад и погладил живот. — Откуда ты? — Когда она не ответила, я решил что просто так это не оставлю. Я хотел *узнать* её, а для этого было необходимо обмениваться информацией. — Ладно. Очевидно, ты знаешь откуда я, если слышала о моих внеклассных занятиях в школе, но я просто подтвержу это. Я из района Фронт Хилл. Никогда не слышала? Большинство людей нет. Это рядом с Моргантауном. Почему я не пошёл в Университет Западной Вирджинии? Все хотят об этом знать. Просто хотел уехать подальше, но быть поближе к семье. И да, я был… очень активный в школе.

— А теперь нет?

— В зависимости от того, кого ты спросишь, — я засмеялся. — Не знаю. Когда я был первокурсником… первые два месяца в окружении девушек постарше? Наверно, я уделял больше сил им, нежели занятиям.

Она усмехнулась. — А теперь нет?

Я покачал головой и вернулся к тому, что хотел знать. — Так откуда ты?

Пироженка простонала. — Я из Техаса.

— Техаса? — Я склонился над столом. — Серьезно? У тебя нет акцента.

— Я родилась не в Техасе. На самом деле, моя семья из Огайо. Мы переехали в Техас, когда мне было одиннадцать, и у меня нет склонности к перениманию акцента.

— Из Техаса в Западную Вирджинию? Огромная разница.

Наши взгляды встретились на долю секунды, а потом она встала, забирая тарелку и кастрюлю. — Я жила в той части Техаса, где был стрип-молл, а кроме этого, там также как и здесь.

— Я должен сам убрать, — я начал подниматься. — Я навел беспорядок.

— Нет. — Она одарила меня серьезным взглядом. — Ты готовил. Я убираю.

Наблюдая за тем, как она моет посуду, я не мог ничего поделать и думал насколько это был интимный момент — я готовлю, она убирает. Невзирая на то, что я готовил до этого завтрак для девчонок, это было совершенно по-другому.

И я на самом деле не был уверен, как относиться к этому.

Повернувшись к хлебу, я убрал фольгу. — Почему ты выбрала это место?

Она закончила мыть маленькую сковородочку, которую я принес, прежде чем ответить на вопрос. — Просто хотела убраться подальше, как и ты.

— Всё же, должно быть тяжело.

— Нет. Решение далось невероятно легко.

Серьезно? Не могу представить, чтобы я переехал так далеко от семьи. Я был вполне уверен, что мама выследила бы меня, если бы я сделал это. Я отломил полбуханки. — Ты — загадка, Эвери Моргенстен.

Она облокотилась на столешницу. — Не совсем. А вот ты, похоже, да.

— Это как?

Она указала на меня и наполовину съеденную буханку хлеба.

— Ты только что съел четыре вареных яйца, доедаешь половину буханки хлеба, и у тебя мышцы, как в рекламе тренажеров.

Я улыбнулся во все 32, а то и шире.

— Ты оценивала меня, не так ли? В перерыве между твоими пылкими оскорблениями? Чувствую себя желанным мужчиной.

Она засмеялась, и смех был таким мягким и милым.

— Заткнись.

— Я растущий мужчина.

От этих слов её брови поползли вверх, и я расхохотался. В последовавшей тишине, я рассказал ей больше, чем девушкам, с которыми я дружил годами.

— Мой отец адвокат, возглавляет собственную фирму дома. Так что, скорее всего, ему хотелось, чтобы я пошел на юридический.

Она так и стояла возле кухни.

— Почему не пошел?

— Юриспруденция не для меня. Мама врач — кардиолог — и прежде чем ты задашь вопрос, медицинский тоже не для меня.

Её правая рука потянулась к браслету, нервная привычка, как я начал понимать.

— А спортивная реабилитация — твоё?

— Футбол — это мое. Поэтому, если я могу поддержать команду, помогая её игрокам, то я счастлив. — Я сделал паузу, переместив вес с ноги на ногу. — Или я бы с удовольствием стал

тренером, возможно, в какой-нибудь школе или где-то ещё.

Ее пристальный взгляд опустился в пол, когда она двинулась вперед. Она напомнила мне испуганного животного, которому прежде причинили боль, и оно с подозрением относилось к тем, кто её окружал. Комок в моей груди стал ещё шире, и ужасное покалывание вернулось снова, говоря мне о том, что я не хотел слышать.

— Почему ты не играешь в футбол? — спросила она.

А это тема, которую я не хотел затрагивать, но она задавала вопросы и я ни в коем случае не мог её оттолкнуть. — Это длинная… запутанная история, но я не могу заниматься этим сейчас.

Она стояла рядом со столом, паря возле стула. — А потом?

— Потом… Потом, возможно, получиться. — И это была правда. Если я останусь в форме, буду связан с игрой, кто знает? Я просто не позволял себе об этом много думать. — Так, ты полетишь домой на осенние каникулы или День Благодарения?

Она фыркнула. — Скорее всего нет.

— Другие планы?

Эвери пожала плечами и стала расспрашивать меня о футболе. Прошли часы, и я был уверен, что она была так же хорошо осведомлена о футболе, как и когда-либо будет в будущем. Близилось к полудню, когда я встал. На самом деле, я не хотел уходить, но я занял все ее утро.

Вертя в одной руке маленькую сковородочку, и неся банановый хлеб в другой, я остановился напротив её двери.

— Итак, Эвери…

Она облокотилась на диван. — Итак, Кэм…

— Что ты делаешь во вторник вечером?

— Не знаю. — Она настороженно подняла брови. А что?

— Как насчет свидания со мной?

— Кэм, — вздохнула она.

— Это не «нет».

— Нет.

— Тогда, это «нет», — признал я.

— Да, это нет. — Она отошла от дивана, хватаясь за дверь. — Спасибо за яичницу.

Я отступил назад, неустрашимый. — Как насчет вечера среды?

— Прощай, Кэм.

Пироженка закрыла дверь, но я успел увидеть её улыбку, и я знал, что скоро она согласиться.

Глава 8

Видимо, я серьезно просчитался с тем, сколько времени «намного дольше» займет на самом деле.

Лето наконец-то плавно перетекло в осень. Дни превратились в недели, а листва дубов сменила окраску на красно-золотую. Небо начало с каждым днём темнеть всё раньше, а облака и ветер, задувающий с Потомак, предупреждали, что зима уже на подходе.

Я приглашал Эвери на свидание минимум два раза в неделю. Она постоянно отказывала, а я становился всё более решителен. В какой-то момент посреди лекции по астрономии, когда она торопливо записывала информацию, а я рисовал Импалу Винчестеров, я понял, что вызов в этой ситуации теперь в общем-то отсутствует.

Глядя на неё, наблюдающей, как Драгэ ходит туда-сюда по аудитории в своих мраморных джинсах, я расплылся в нежной улыбке.

Чем больше я проводил времени с Эвери, тем больше я хотел находиться рядом с ней, это притом, что мы с ней всего лишь общались. Проводить время с девушкой без каких-либо физических утех, была неизведанная территория для меня. В то время, как я должен желать большего, намного большего, я был *счастлив* просто находиться с ней рядом. Это было для меня в новинку.

Каждое воскресенье я приходил к ней с яйцами и разнообразной выпечкой, довольно быстро поняв, что всё шоколадное беспроигрышный вариант. Во второй раз, когда я к ней зашёл, она была мне рада так же, как и в первый раз, но быстро вышла из роли. Она играла, потому что увидев, как потеплели её карие глаза, когда она меня увидела, я понял все, что она не хотела мне говорить.

Каждый раз, когда мы были вместе, она была осторожна, но через некоторое время, начинала расслабляться и тогда появлялась настоящая Эвери.

Профессор Драге сделал паузу в своей лекции, и Пироженка перестала писать, сжав правой рукой запястье, как будто пыталась сделать из него узел.

Кинув ручку на колени, я не думал, что делаю. Когда дело

касается Пироженки, мой мозг отключается. Возможно, в этом и была проблема.

Пироженка ахнула, когда я забрал у нее из рук ручку и положил на тетрадь. Она резко повернулась ко мне, подняв брови. — Ты что это делаешь? — тихо спросила она.

— Ничего, — пробормотал я, пододвигаясь к ней.

Грудь Эвери поднялась, когда я положил руки на её правую. — Ты что делаешь?

— Шшш. — Я прижал большими пальцами её руку, нежно продвигаясь вверх, по мизинчику и между пальцами.

У неё округлились глаза, взгляд метался от наших рук к моему лицу. — Что… что ты делаешь?

— А на что это похоже? — прошептал я, переходя к безымянному пальцу, а потом к среднему, пробегаясь по длине её тонких косточек. — Было похоже, что твою руку судорога свела. Я свершаю благой поступок сегодняшнего дня.

— Но…

— Просто помолчи. — Мой палец скользнул между ее указательным и большим, и Эвери громко вздохнула. — Из-за тебя у нас будут неприятности.

Её щеки порозовели. — Это ты ко мне прикасаешься.

— А ты — издаешь звуки.

Она замолчала, а я перевернул руку, занимаясь ладонью. Она сделала глубокий вздох, а потом расслабилась в кресле, её рука и тело стали не такими напряженными. Я наблюдал за ней из-под ресниц, и когда она закусила нижнюю губу, это послало импульс по моему телу. Мой член подпрыгнул, и я внезапно осознал, что то, что я делаю не совсем хорошая идея. Нет ничего более неловкого, чем стояк во время занятий.

Но её кожа согревалась под моими прикосновениями, гладкая и мягкая, как сатин, и Дэвид Бэкхем мог бы послать мне мяч в голову, а я был бы не в силах его остановить.

Мои пальцы направились вверх к её запястью, проскальзывая под рукав её легкого свитера. Там её кожа была ещё более мягкой,

тоненькая синяя венка образовывала линию, по которой мне бы хотелось пробежаться губами, а потом языком.

Боже, мне хотелось попробовать её кожу на вкус. У меня было ощущение, что мои джинсы ужались на три размера в области паха. Не было никаких сомнений, что меня к ней влечет, но иногда, как, например, сейчас, притяжение было почти болезненным. Мне было интересно, если бы я мог её поцеловать, заметил ли бы кто-нибудь, если бы я притянул её руку к губам? Мы сидели так далеко, что Драге не имел бы понятия, чем мы занимались, даже если бы я её поцеловал… или запустил руку между этими симпатичными бедрами.

Но что-то… это чёртово покалывание вдоль затылка заставило отклониться назад… Не имея ни малейшего понятия, откуда у меня появился такой самоконтроль, я заставил себя положить её руку и откинуться назад до того, как сделал какую-нибудь глупость. Через пару секунд моё дыхание замедлилось, и я смог на неё посмотреть.

Пироженка глядела на меня, полными загадки, глазами. Наши взгляды встретились и между нами проскочило что-то, искра, клянусь, я почти её увидел.

Боже, я рассуждал как баба.

— Спасибо, — затаив дыхание, сказала она, подбирая ручку.

Сползая вниз по сиденью, я раздвинул бедра, надеясь облегчить боль, но подозревал, что буду идти по универу со стояком. — Эвери? — прошептал я.

— Кэм? — прошептала она в ответ.

— Сходи со мной на свидание.

Она сглотнула и немного улыбнулась. — Нет.

Облокотившись головой о спинку кресла, я усмехнулся.

В среду, я должен был быть на курсах Правильного Спортивного питания, вместе с Олли и Джейсом, но был не в настроении тащить свою задницу аж до Корпуса Батчера. Если бы я поехал на машине, то потерял бы парковочное место, и это было бы оочень паршиво.

И я был рядом с «Логовом», по совпадению, примерно в тоже

время, когда Эвери обедала с друзьями. Не то чтобы это было связано с Пироженкой.

Кого блин я обманываю? Я точно знал, почему моя белая задница стаяла напротив «Логова». Я стал подниматься по лестнице, когда двери книжного магазина распахнулись.

— Кэм!

Я обернулся на крик и увидел Сьюзен и Салли. Или это были Молли и Мэри? Не имел понятия. Эти двое выглядели для меня одинаково. Одна была платиновая блондинка, а другая шатенка с высветленными прядями. Обе были загорелые. У обоих сногсшибательное тело, и думаю, я как-то сосался с одной из них.

Или обеими.

— Привет, — сказал я, улыбаясь. — Что делаете?

— Ничего, — ответила блондинка. Она подпрыгнула вверх по лестнице, внимательно наблюдая за своей подругой. Именно тогда я понял, что это была Сьюзен, значит вторая, должно быть, Салли. — Не виделись уже целую вечность.

— Очень давно, — подтвердила Салли. — В последнее время не ходишь на вечеринки.

Это было правдой. Я не ходил на вечеринки братства уже несколько недель, если не месяцев. Я пошел вверх по лестнице. — Я был занят.

Сьюзен надула губки и запрокинула волосы через плечо. — Это грустно. Всем тебя не хватает.

Интересно, кто же были эти все. Я прошел через балкон и открыл сине-золотые двойные двери, ведущие в «Логово». — И много веселья я пропустил?

— Много. — Сьюзен каким-то образом оказалась передо мной. Мы стояли у диванов, расположенных вокруг телевизора. Она положила руку мне на грудь, а я осматривал столики, стоявшие за ней. — Уверенна, мы с Салли помогли бы восполнить пробелы.

— Да что ты? — рыжая макушка появилась в поле зрения, и я узнал темнокожего парнишку, сидящего напротив нее. Девочки что-то там болтали, но я не обращал внимания. Улыбнувшись им, я отошел назад. — Слушайте, мне надо бежать. Как-нибудь потом

свидимся.

Я не стал дожидаться ответа, пробираясь через группу людей, направился к осеннему солнцу. Джейкоб широко улыбнулся, заметив меня. Он что-то сказал Пироженке, и она заметно напряглась. Я не удивился. Это было ожидаемо. Каждый раз, когда мы встречались, вынуждены были начинать все сначала. Даже я удивлялся своему терпению, когда подходил к ней.

— Привет, Кэмерон! — очень радостно сказал Джейкоб. — Как делишки?

— Привет, Джейкоб, Бриттани. — Я сел рядом с Пироженкой и толкнул ее в плечо. — Эвери.

Она еле слышно поздоровалась и спросила, — Что тебя сюда привело?

— Ну, знаешь, зло и хаос.

— Это так напоминает мне «Гарри Поттера», — мимолетно улыбаясь, сказала Брит. — Надо перечитать.

Мы все уставились на нее.

Когда она убрала с лица волосы, показались её красные щеки. Я не очень хорошо был знаком с Бриттани, но знал, что мы учились в одной школе, и она казалась прикольной девчонкой. — Что? — спросила она. — Мне не стыдно признаться, что иногда некоторые вещи напоминают мне о «Гарри Поттере».

— Тот парень похож на Снегга, — сказал я, кивая в сторону соседнего стола. — Так что я понимаю.

Бриттани расплылась в благодарной улыбке.

— А вы чем, ребятки, заняты? — заёрзав на стуле, я ногой коснулся Пиреженки. — Играетесь с конфетками?

— Да, и готовимся к экзамену по истории на следующей неделе. — Нам нужно нарисовать карту Европы, — объяснил Джейкоб.

— Ауч. — Я толкнул Пироженку ногой.

Она в долгу не осталась.

— Но Эвери, замечательная, Эвери… — Улыбнулся Джейкоб, а

Пироженка одарила его проницательным взглядом. — Она помогала нам готовиться к зачёту.

— Это она умеет. — Бриттани переглянулась с Джейкобом, и мой интерес достиг своего пика.

Джейкоб наклонился вперед, подперев подбородок рукой. — Перед тем как мы начали заниматься, я говорил Эвери, что ей следует чаще носить зеленый цвет. В сочетании с её рыжими волосами это очень сексуально.

— Тебе нравиться, когда она в зелёном, Кэм? — спросила Брит.

Я не заметил во что она была одета, но повернулся и взглянул на её зелёный свитер. — Цвет отличный, но она каждый день красивая.

Щёки Пироженки налились румянцем, и она вздохнула.

— Красивая? — переспросила Брит.

— Красивая, — повторил я, опять толкая ее коленку. — И как, выучили уже что-нибудь?

— Думаю, прогресс есть, — сказала Пироженка.

— Все благодаря тебе. — Джейкоб с Бриттани опять переглянулись. — Эвери придумала песенку, чтобы мне легче было запомнить расположение стран.

— Спой ему песенку. — Бриттани так толкнула ее локтем, что она отскочила на меня.

— Какую песенку? — спросил я.

— Не буду я опять петь эту песню. — Покачала она головой.

— Это песня про Хорватию. — Улыбнулся Джейкоб.

У Эвери было такое убийственное выражение лица.

Я засмеялся. — Песня про Хорватию? Чего?

— Нет, — повторила она. — Не буду я ее петь опять. Я в этом профан.

— А в чем ты профи, какие у тебя таланты? — после этого вопроса она посмотрела на меня своими невероятно большими глазами.

— Колись, — сказал Джейкоб.

— Таланты — это весело, — поддержала его Брит.

— Бывает и такое. — Я опустил взгляд и начал думать обо всех моих талантах, которыми я бы хотел с ней поделиться. Между нашими губами было небольшое расстояние, и ее мягкое дыхание будоражило мою кровь. — Расскажи мне о своих талантах, милая.

— Милая, — вздыхая, пробормотал Джейкоб.

— Танцы, — сказала она. — Я *раньше* танцевала.

Мне стало дико интересно. Ну а вдруг? — И что это были за танцы?

— Не знаю. — Она схватила пакетик «Скиттлз» и высыпала себе целую горсть. — Балет, джаз, чечетка, контемп и всякое такое.

— Да ладно? — удивленно спросил Джейкоб. — Я отбивал чечетку лет в шесть, около месяца, а потом решил, что хочу быть пожарником. Это было очень трудно.

Брит хихикнула. — Я тоже пыталась танцевать, но поняла, что у меня нет ни координации, ни грации, могу только задом трясти. Ты добилась каких-нибудь успехов?

Пироженка пожала плечами, пристально смотря на конфеты. — Занималась лет десять, были и концерты, и сольники.

— Значит, ты была хороша! — воскликнула Брит. — Уверена, ты делала все эти виражи и трюки.

Я смотрел на нее и не мог поверить. Она была танцовщицей. Никогда бы не подумал, потому что все танцоры, которых я знал были чертовски в себе уверенны. Но это объясняет ее накаченные ножки.

— Моя сестра танцует лет с пяти. — Немного изумленно, сказал я ей. — До сих пор танцует. Думаю, она прирежет любого, кто попытается ее остановить.

Кивая, она доела пачку «Скиттлз». — Танцы затягивают, если они тебе нравятся.

— Или если у тебя хорошо получается, — добавила Брит.

Я подтолкнул ее плечом, чтобы привлечь внимание. Она так долго танцевала, и я удивился, что теперь говорит об этом в прошедшем времени. — Почему бросила?

Она смотрела в никуда, и я знал, где бы сейчас она не была, то явно не в настоящем. Я частенько видел этот взгляд, и мне всегда было интересно, где она находится в такие моменты.

Наконец-то, она пожала плечами и принялась за пакетик с «Эм-энд-Эмс».

— Наверное, просто устала. — А твоя сестра участвует в конкурсах?

Я ей не поверил. Ни на йоту. Танцы были у нее в крови, но я не давил. — Она много путешествует, а на лето получила стипендию в школе «Балета Джоффри».

— Ничего себе! — удивилась она. — Она, должно быть, чертовски талантлива.

Полон гордости, я улыбнулся. — Так и есть.

Эвери мне улыбнулась, но не прошло и минуты, как от улыбки и следа не осталось, а ее взгляд переместился на пустую пачку от конфет. После этого она не проронила ни слова, как бы ни старались мы с друзьями разговорить ее. Что-то с ней происходило, и я знал, что это как-то связано с мыслями, посещавшими ее.

Когда она поднялась, чтобы уйти, я попрощался и последовал за ней наружу. На улице веял прохладный ветерок и ярко светило солнце… Всё время по дороге на холм я молчал, не зная, как с ней заговорить. Хоть я и узнал много нового об Эвери, в ней оставалось ещё столько загадок. Ее прошлое и мысли были слишком личными.

Переходя дорогу, я услышал, как кто-то, около Центра Бёрд, окликнул меня.

Мы остановились у пустой скамейки перед Кнутти. Сделав глубокий вдох, я спросил:

— Ты в порядке?

Она приподняла голову, прищурилась и ответила:

— Да, я в порядке. А ты?

Не ощущая улыбки на моем лице, я кивнул. — Завтра вечером все в силе?

— Завтра вечером? А! Задание по астрономии. Да, все в силе.

— Хорошо. — Я попятился назад, зная, что мне надо на занятия. — Тогда увидимся.

Пироженка отвернулась, а потом снова развернулась ко мне. — Кэм?

У меня участилось сердцебиение. — Да?

Она вертела свой браслет, взгляд её стал отстраненным, а потом снова сосредоточился на мне. — Что ты делал в «Логове»? Разве у тебя нет обычно пар, прямо сейчас?

Я улыбнулся, ловя на себе ее взгляд. — Да, обычно в это время у меня занятия, но я хотел увидеть тебя.

У неё на лице появилось шокированное выражение, а потом я увидел, как улыбка зарождается в её глазах и перемещается затем на губы. Чувствуя, как все внутри веселиться и переворачивается, я развернулся, прежде чем схватил бы её и поцеловал.

Потому что я был очень близок к этому.

Я перешел улицу, и тихий свист привлек мое внимание. Посмотрев налево, я увидел Джейса, стоящего под деревом с телефоном в руке. Черт. Похоже он притащился с Западного Кампуса.

— Прогуливаешь пары без меня? — спросил он, когда я подошел к нему, его глаза скрывали очки-авиаторы. Совсем немного людей могут надеть такие очки и выглядеть нормально. Я в их число не входил.

Я пожал плечами, смотря вдаль через плечо Джейса, на противоположный конец улицы, улавливая последний раз фигурку Пироженки, исчезающую за дверями Холла Кнути.

Джейс вздохнул.

— Ты одержим.

— Что?

Он кивнул в сторону Кнути.

— Не припомню, чтобы ты когда-нибудь пропускал пары ради девчонки.

Я застыл.

— Откуда ты знаешь, что я прогулял пару, чтобы побыть с Эвери?

Его брови взметнулись над очками.

— Я не тупой.

— А с этим можно поспорить.

Джейс отбрил меня.

— Давай-ка посмотрим. Пара закончилась раньше, и я попал сюда как раз вовремя, чтобы увидеть, как ты прогуливаешься, как маленький хороший мальчик. Я позвал тебя по имени. Ты *помахал* мне и продолжил идти… или пялиться на неё.

Мои брови поднялись в изумлении, я развернулся, направляясь к дверям. — Так это ты окликнул меня?

— Именно, — ответил он, вздыхая. Он посмотрел на меня, и все что я увидел, это отражение моего лица в его очках. — Она уже согласилась пойти с тобой на свидание?

— Неа.

Джейс покачал головой.

— Чувак, ведешь себя как маньяк, когда дело доходит до этой девчонки.

Глава 9

— Яблочный пирог тебе. — Я протянул Эвери кусочек и достал ещё один из пакета. — И яблочный пирог мне.

Пироженка открыла свою коробку.

— Думаешь, здесь настоящие яблоки?

— Честно, даже и знать не хочу. — Я откусил кусок хрустящего пирога и застонал от сладости. — Чёрт, как же это вкусно.

Она устремила на меня свой взгляд.

— Клянусь. Каждый раз, когда ты что-то ешь, ты издаешь такие звуки, как будто у тебя вот вот оргазм случится. — Она покраснела от своих слов. — Или ещё чего.

— Ну, теперь ты знаешь, какие звуки я издаю, когда на подходе.

Она наморщила нос и отломала кусочек пирога.

— Всю жизнь мечтала об этом узнать.

— Так и знал.

Пироженка рассмеялась и положила кусочек в рот.

— Ты ужасен.

— Я идеален. — Я сосредоточенно посмотрел через лобовое стекло. Мы сидели на парковке за зданием исследовательского центра. Небо быстро темнело, а густые облака выглядели зловеще. — Мы, наверное, должны выбрать другую ночь.

Она взяла пакетик и сгребла в него все яблоки, оставляя лишь корж.

— Это же перевод продуктов.

Она одарила меня теплым взглядом.

— Хочешь достать яблоки из пакета и съесть их? Думаю, парочка стонов у тебя еще найдется.

— Сладенькая, ты ничего еще не слышала… — я сделал паузу и подмигнув, сказал: — Пока что.

Она закатила глаза. — И не надейся.

— Не слишком ли много леди возражает?

— Ну ты и дурень. — Искренне рассмеялась Пироженка. — Правильно, по-моему, леди слишком много возражает.

Я потянулся и убрал густую прядь волос с ее плеча. Она даже не вздрогнула, а это уже был прогресс. — То, что ты меня поправила, еще одно тому доказательство.

Она еще раз рассмеялась, вытирая пальцы о салфетку. — Как скажешь. Готов?

— Давно готов, но тебе приспичило остановиться и поесть яблочного пирога.

— Что? — Она развернулась ко мне. — Это была твоя идея.

Я невинно моргнул. — Не так мне вспоминаются последние 20 минут.

Она одарила меня сухим взглядом.

— Ты такая: «Хочу яблочного пирога», что мне оставалось делать? Я живу, чтобы служить тебе.

Она замахнулась сумкой, чтобы треснуть меня, но я вовремя поймал ее. — Вообще-то, это ты сказал, что хочешь чего-нибудь пожевать.

Я рассмеялся. — Не так мне вспоминается это маленькое приключенице.

Она ударила меня в плечо, и отстранилась назад, я поймал её руку. Её губы приоткрылись, когда я приподнял её руку, быстро запечатлев на все 100 процентов целомудренный поцелуй на её ладони. — Готова?

С широко раскрытыми глазами, она притянула руку обратно к груди и кивнула. Когда мы вышли из машины и направились в здание, она пылала. Милый румянец пробуждал во мне желание прогнать его губами, но потом она проскользнула передо мной.

Но я не жаловался.

Я наблюдал за тем, как мило Эвери виляла попкой, когда она взбиралась по лестнице предо мной, и к тому времени, как мы

добрались до крыши и стояли напротив телескопа Philips, я чувствовал пульсацию между ног.

Это уже становилось смешным.

Я уже *пару месяцев* ни с кем не развлекался, кроме своей руки, и знаю, Джейс предложил бы трахнуть кого-нибудь, чтобы выбросить Эвери из головы, но я не мог думать ни о ком другом, кроме нее.

Вчера Джейс был прав.

У меня сносило крышу, когда дело доходило до нее, но не так, как хотелось бы.

— Ты уверен, что знаешь, как пользоваться этой штукой? — спросила она, наклонив голову набок.

Обогнув и встав перед ней, я одарил её взглядом. — Что? А ты не знаешь как?

— Неа.

— Кто-то невнимательно слушал профессора Драге, когда он рассказывал о телескопах?

Она выпятила бедро, сложив руки. — Ты рисовал утиную династию Дагов, когда он об этом рассказывал.

Я довольно рассмеялся, потому что именно этим и занимался, когда Драге объяснял, как работать с телескопом. Что означало, что Пироженка чертовски много обращала на меня внимание. Я отрегулировал настройки. — Я слушал.

— Ага. — Она подошла ближе, когда поднялся ветер, кружа по крыши, поднимая пряди её волос и сдувая их назад с её лица. Иисусе, она выглядела так красиво. Я встряхнул головой, концентрируясь снова на телескопе, но это было сложно… Я был возбужден.

— Ты на самом деле довольно хороший актер, — сказала она.

— Знаю.

Она издала не совсем дружелюбный звук.

Я переместил рычаг. — Я пользовался пару раз телескопом.

— Не густо.

— Ладно. Я пользовался им, когда посещал курс до этого. — Я мимолетно ей улыбнулся и проверил расположение индикатора. —

Черт, не знаю, удастся ли нам что-нибудь рассмотреть, прежде чем хлынет.

— Тогда тебе лучше поторопиться.

— Командирша.

Пироженка усмехнулась.

— Подойди сюда, и я покажу тебе как им пользоваться. — Оставив ей достаточно пространства, чтобы протиснуться, я прикусил щеку, когда её бедро задело мое, в непосредственной близости к месту, которое в прямом смысле изнывало от боли. — Ты будешь слушать?

— Сомневаюсь. — Она все ещё улыбалась.

— По крайней мере, ты честна. — Я занимался самоистязанием. Это было единственное оправдание, почему я наклонился, приобнимая её. Её запах, эта райская смесь ягод и мускуса, вызывал содрогание во многих частях моего тела. Я смутно осознал, что она не зажалась. Это было хорошо.

— Это вебкамера новейшей модели. — Я прочистил горло. — Он подключается к телескопу. При данных настройках, ты должна получить чистую картинку Сатурна. Нажми вот здесь, и он уловит картинку.

— Ладно. — Она заправила пряди волос назад за уши. — Не думаю, что наше задание получить картинку Сатурна.

— Ха. — Что черт подери за Сатурн? Все о чем я мог думать, как мы были близки, как я ощущал теплоту её тела. Я даже не знаю, почему мы на крыше. — Эй.

Она отклонила голову назад, от чего пряди её волос скользнули по моей щеке. Мой пульс участился, когда я представил, как эти волосы скользят по другим частям моего тела.

— Эй, что?

— Сходи со мной на свидание.

— Заткнись. — Сказала она, устремляя свой взгляд в телескоп. — Она опять коснулась меня, и я отпрянул назад, издавая стон. — Ничего не вижу.

Я приглушенно засмеялся. — Это потому, что я не снял крышку

с объектива.

Она двинула меня локтем в живот, от чего стало еще смешнее. — Придурок.

Сегодня я раздвигал границы. Не знаю даже почему, но я не мог остановиться, когда потянулся до линзы, прижимаясь к её спине. В этот момент она замерла, и её нежный вдох пронесся через меня. Я ждал, когда она отстраниться, потому что могла, если бы захотела, но не сделала этого.

Я взглянул на нее и увидел густые ресницы, веером прижатые к щекам. — Что?

— Было бы легче просто отойти в сторону и сделать это, — сказала она, ее голос звучал по-другому, тяжелее.

— Правда. — Я наклонился так, что мой рот оказался рядом с её ухом. — Но тогда бы это было не так весело?

Эвери вздрогнула, и все мое тело напряглось. — Иди-ка веселись сам по себе.

Она и не представляет, как часто мне приходилось это делать. — Понимаешь, это совсем не весело. — Я остановился, не двигаясь.

— Попробуй снова.

На мгновение засомневавшись, она наклонилась вперед, и посмотрела в телескоп. Прошло пару секунд. — Вау.

— Ты видишь?

Она выпрямилась. — Да, это очень здорово. Я никогда еще не видела планету, можно сказать, вживую. Даже не думала, что это так классно.

— Я тоже так думаю. — Я схватил несколько прядей её волос, чтобы они не лезли мне в глаза.

— За чем мы должны наблюдать?

— За созвездием Стрельца, а потом астеризмом Чайник и его паром…, - неприятная, холодная капля дождя упала ей на лоб, и она отскочила назад, прислонившись спиной к моей груди. — Вот черт.

Когда упала еще одна капля, Пироженка вскрикнула и обернулась ко мне. Наши взгляды встретились. Еще чуть-чуть и мы

намокли бы. Чертыхаясь себе под нос, я схватил ее за руку и повел через крышу. Мы уже почти промокли насквозь, когда начался леденящий дождь.

— О, боже! — она взвизгнула. — Чертовски холодно!

Смеясь, я остановился и обернулся, притянув её к груди. На короткое мгновение она заглянула широко раскрытыми глазами в мои, в то время как дождь лил сверху на нас ручьем. Единственным предупреждением была моя улыбка.

Я приобнял её за тонкую талию, опустился, отрывая от земли и перекидывая через плечо. Её внезапный вопль рассмешил меня, и подобное воздушному шару давление — только так я мог объяснить его — распирало мою грудь, и это чувство было таким приятным, словно забивание гола.

— Ты слишком медленно бежала!

Её пальцы вцепились мне в свитер. — Отпусти меня на землю, сукин ты…

— Держись! — Обвив рукой её за бедра, я побежал.

Поскальзываясь в глубоких лужах, мы чуть не поцеловали асфальт, когда я забежал под крышу. Вылетающие из её ротика слова, адресованные мне, могли бы солдата в краску вогнать.

Я тут же остановился и распахнул дверь, наклонившись, мы спрятались от дождя. Повернувшись так, чтобы она не оказалась лицом к двери, я схватил её за бедра и поставил на пол.

Острая потребность прошибла меня насквозь, когда ее тело скользнуло вниз по моему. Мои руки сжались на ее бедрах, и она откинула голову назад. Ее глаза потемнели до темно-коричневого с шоколадным оттенком, мой мозг отключился, и каким-то образом я притянул ее ближе. Я знал, что она чувствует мое возбуждение, и учитывая тот факт, что мы ещё не целовались, это было как-то неправильно, но я не мог её отпустить.

Её руки приземлились мне на грудь, и я думал, что она собирается меня оттолкнуть, и клянусь Богом, как бы это тяжело не было бы, я бы её отпустил, если бы она сделала это.

Но она не оттолкнула.

Эвери прижала руки к моей груди, над моим бьющимся сердцем,

и она должна была бы это почувствовать.

Моя рука сама по себе двигалась по изгибам её талии, по руке, шее и, наконец, я дошел до ее щеки. Она ахнула, когда мои пальцы коснулась ее щеки, убирая волосы, прилипшие к вискам. Убрав пряди за уши, я задержал руку.

— Ты промокла.

— Так же как и ты.

— Думаю, надо будет попробовать в другой раз, — сказал я, поглаживая ее пальцем по щеке.

— Да, — она прошептала, на секунду закрыв глаза и так же быстро открыв их.

— Возможно, нам следовало сначала проверить прогноз погоды. — Когда она улыбнулась, я подвинулся к ней ближе в ответ. Ее тело умопомрачительно содрогнулось, и она опустила глаза вниз. Она приоткрыла рот, и мне так не хотелось ее отпускать. Мне было хорошо, когда она была так близко.

Ее груди поднимались от глубоких вдохов и выдохов. Я наклонил голову с желанием ее поцеловать. Хотя бы разочек. Я начал закрывать глаза.

Эвери резко дернулась назад, прижимая ладонь к груди. — Думаю… на сегодня хватит.

Какое-то мгновение я не мог пошевелиться, а потом отклонился назад, прижимаясь затылком к стене. Потребовалось несколько минут, прежде чем я смог заговорить. — Да, хватит.

Дорога до машины, а потом до дома далась не легко. Я по-прежнему был напряжен, как натянутая тетива лука. Казалось, ничто не могло снять его. Я пытался пересказать алфавит наоборот, пытался думать о старой бабуле, живущей в соседнем доме, которая изредка выгуливала собаку в длинной белой ночной рубашке. Картинка была не из приятных, но все равно не сработала.

Дождь все ещё лил, когда мы неслись через парковку и спрятались под навесом. Я потряс головой, разбрызгивая повсюду воду. Эвери остановилась у края лестничной клетки, ведущей к нашим квартирам, и я подумал, что дело в том, что просто только что обрызгал её. Я приоткрыл рот, чтобы извиниться, но она повернулась

боком, ее лицо побледнело, когда она посмотрела на меня.

Я почувствовал в груди совершенно иную боль, которая завязывалась в узел от вида смятения и страха в ее глазах. Страх.

Я не мог понять. Это я сделал с ней? Нет. Я не мог в это поверить. Не с тем, как она реагировала на меня. Я видел это в ее глазах. Она хотела, чтобы я поцеловал её, вероятно, даже также сильно, как и мне хотелось её поцеловать, но она отстранилась потому что… Честно, я не имею понятия.

Я провел рукой по волосам, убирая их со лба. — Сходи со мной на свидание. — Нет, — прошептала она.

Я слегка ухмыльнулся, и её грудь опустилась, плечи расслабились, словно ей было нужно услышать это. — Всегда есть завтра. — Она поднималась за мной по лестнице.

— Завтра ничего не измениться.

— Увидим.

— Нечего ждать. Ты тратишь впустую свое время.

— Когда дело касается тебя — это не трата моего времени впустую.

И это чистейшая правда.

Глава 10

В среду перед весенними каникулами я снова пропустил курсы по питанию и отправился на поиски Эвери. Я нашел её там, где она всегда была во время этой пары: в «Логове» с Британни и Джейкобом. Хорошо, что я сделал это. Я узнал три важных вещи.

Пироженка разговаривала обо мне со своими друзьями, так как они были в курсе того, что я приглашал её на свидание. Одно очко.

А ещё она сравнила меня с серийным убийцей.

Не то, чтобы я обижался, но не каждый день тебя сравнивают с Чикатило.

И её друзья мне нравились, они были двумя руками «за» наше свидание.

— В любом случае, — сказала Бриттани, с искрящимися от удовольствия глазами, наблюдая за пунцовой, абсолютно подавленной Эвери. — Дело не во мне и моей осведомленности в серийных убийцах. А в тебе, Эвери. Этот прекрасный молодой джентльмен, кто вовсе не серийный убийца, зовёт тебя на свидание. Парня у тебя нет, так что соглашайся.

— О, Боже. — Простонала она, закрывая лицо ладонями. — Не пора бы вам всем домой?

Я от души рассмеялся. — Пошли со мной на свидание, Эвери.

Она повернулась ко мне, с несколько удивленным взглядом. — Нет.

— Видите? — обратился я к Бриттани и Джейкобу. — Продолжает меня отшивать.

Видно было, что Джейкоб опешил. — Ну ты и дурында, Эвери.

— Как скажешь. — Она встала, поднимая свою сумку. — Я на занятия.

— Мы любим тебя! — крикнул Джейкоб.

Она пробормотала:

— Да-да-да, — но остановилась, чтобы попрощаться. На

следующий день начинались осенние каникулы, и они собирались домой. Меня всё ещё удивляло то, что Эвери никуда не уезжала. Доехать до Техаса и обратно за четыре дня дело не из лёгких, но она могла поехать с кем-то из друзей. Надо сказать, не нравилась мне перспектива оставлять её в городе одну.

Я подождал, пока она закончила, а затем пошёл за ней через «Логово.» Она удивлённо посмотрела на меня. — Преследуешь меня?

— Как настоящий серийный убийца, — ответил я.

— Надеюсь, ты понял, что мы не серьезно? И прости, что наговорила им лишнего. Просто они расспрашивали о тебе, и я не сдержалась…

— Всё хорошо. — Я приобнял её за плечи, направляя в сторону деревьев за зданием. Было холодно, и она прижалась ко мне ближе, осознанно или нет. — Меня это не волнует.

— Не волнует?

Я отрицательно покачал головой. Возможно, меня и должно было волновать, что о моих неоднократных неудачах знает лишняя публика, но не волновало. Я взглянул на неё и улыбнулся. Её внимание было сосредоточено на голубом фургоне, который был всегда на территории кампуса.

— О-хо-хо, — пробормотал я.

— Что? — она взглянула на меня.

Я опустил руку, поймав прядь волос, упавшую на её лицо и заправил её за ухо. После той ночи на крыше, я пытаюсь воспользоваться каждой возможностью прикоснуться к ней, и она позволяет. — Ты о чём-то думаешь.

— Думаю.

— И о чём же?

— Ни о чём важном. — Она рассеянно улыбнулась. Это была небольшая улыбка, но она уже чаще улыбалась. — Едешь на выходные домой?

— Еду. — Я подошёл ближе, разделил оставшиеся волосы на две части. Она выглядела мило, и я улыбнулся. — Уезжаю завтра с самого утра. Приеду аж в воскресенье вечером. Так что на этой

неделе никакой яичницы.

— У-у. — Разочарованно сказала она.

— Не слишком расстраивайся. — Я пощекотал её щёку кончиками её же волос, и ещё раз попытался узнать, что она будет делать кроме того, чтобы торчать в одиночестве. — Примешь предложение Брит и поедешь к ней в гости?

Она отрицательно помахала. — Побуду здесь, почитаю.

— Заучка.

— Придурок.

Я улыбнулся, распределяя её волосы по плечам. — Знаешь что?

— Что?

Глубоко вздохнув, я шагнул назад и засунул руки в карманы моих джинсов. — Ты должна пойти со мной сегодня вечером, потому что я уеду на все выходные.

Она рассмеялась. — Никуда я с тобой не пойду.

— Тогда проведи со мной время.

— А в чём разница? — нахмурив лоб, спросила она.

— В чём разница между тем, что мы встретимся вечером и нашими воскресными завтраками?

Она понемногу начала оттаивать. — И чем же ты хочешь заняться?

Я небрежно пожал плечами, но сердце стучало, как барабан. — Закажем какую-нибудь еду, фильмец посмотрим.

Она заметно насторожилась. — Похоже на свидание.

— Для меня это не свидание, сладенькая. — Рассмеялся я. — На свидание я бы тебя куда-нибудь пригласил, а мы поедим и посмотрим фильм — это обычные посиделки двух друзей.

Она поджала губы и отвернулась в сторону. Прошло пару секунд, и я уже приготовился к очередному отказу. Не знаю почему, но если бы она сказала «нет», это был бы самый неприятный отказ. И если бы она не согласилась на это, мне предстояло хорошенько подумать, какого чёрта я вообще делаю.

Пироженка вздохнула. — Да, конечно. Заходи.

Ни хрена себе? Она сказала «да»? Я с трудом смог сдержать эмоции, хоть и хотелось танцевать от радости. — Вау. Ты только успокойся, а то ты слишком взволнована.

— Я взволнована. — Она игриво ткнула меня в плечо. — Когда тебя ждать?

— Как насчет семи часов?

Она улыбнулась, играясь со своим браслетом. — Хорошо. Тогда увидимся.

Я подождал пока она дойдет до тротуара, а потом окликнул её. — Эвери?

— Что? — отозвалась она, оборачиваясь.

Уголки моих губ приподнялись в улыбке, когда по мне промчался комок энергии. — Увидимся вечером.

— Ты проводишь много времени с этой девчонкой.

— Эй! — я вышел из душа с голой задницей и увидел Олли, стоящего в дверном проеме ванной. — Какого хрена, чувак?

— Что? — Пожал он плечами. — Как будто я твоих причиндалов раньше не видел.

Качая головой, я схватил полотенце и обернул его вокруг бедер. — О чем ты вообще? И это что подождать не может? Мне нужно кое-какие дела поделать. — А именно купить ужин и фильмы.

Олли поплелся за мной в мою комнату. — Я говорил об Эвери. Ты проводишь с ней уйму времени.

Не отвечая, я натянул джинсы, застегнул их и сбросил полотенце.

— Труселя не одеваешь? — ехидно улыбнувшись, Олли ударил по двери рукой. — Кто-то тут надеется на перепихончик?

Одарив его сердитым взглядом, я развернулся и взял футболку. — Тебе заняться больше нечем?

Он наклонился вперед, вытягивая руки. Его волосы упали на лицо, закрывая большую его часть. — Нет. Не сейчас.

— Великолепно. — Я надел футболку.

— У Стива сегодня вечеринка. Ты идешь?

— Нет.

— Конечно же, нет.

Подняв бровь, я убрал Олли с пути, направившись в гостиную, чтобы найти свои кроссовки. — Если для тебя это не новость, зачем спрашивать?

— Раньше ты ходил на все тусовки. — Пожав плечами, сказал Олли.

Вздохнув, я достал кроссовки и выпрямился. Он был прав. Последний раз я куда-то ходил аж в конце августа. — Пойду на Хэллоуин. Этого я не пропущу.

— Ага. — Олли плюхнулся на диван.

Я посмотрел на него секунду, покачал головой и схватил кое-какие фильмы со стола. Иногда складывалось впечатление, что Олли не знает, что говорит или делает.

— Кэм?

— Да.

Он запрокинул голову назад и усмехнулся. — Думаю, это очень круто, что ты проводишь время с Эвери. Мне она нравиться. Она милая.

— Спасибо. — Я понятия не имел, зачем это сказал. Я покраснел, а Олли начал ржать. — Да пошёл ты.

Смех Олли сопровождал меня по лестнице аж до самой машины. Спасибо? Бред какой-то. За что я его поблагодарил?

Но когда я приехал в ближайший китайский ресторанчик и заказал любимое блюдо Эвери — жаренные креветки — я понял, что благодарен. Чертовски странная вещь, Пироженка ведь огласилась лишь фильм вместе посмотреть, но зная, что она не очень близко подпускает к себе людей, это… это был большой шаг вперёд.

Эвери была для меня такой загадкой, парадоксальное сочетание невинности и очарования. Загадкой, которую я был полон решимости разгадать.

Глава 11

— Давай начнём с «*Обители зла*», — сказала Эвери, обжаривая креветки. Её волосы спадали свободными волнами до средины спины. Она была одета по-домашнему, в спортивные штаны и свободного кроя рубашку на одно плечо, оголяя полосу гладкой, загорелой кожи и тоненький ремешок.

Девушка понятия не имела, насколько хорошо она выглядела. Я пытался не поддаться искушению приблизиться к ней. Когда я подошел к ней на кухне раньше, она отреагировала странно, замерла и побледнела.

— Девушка моей мечты, — ответив, я поднял два DVD со стола и пошел в гостиную. — Зомби побеждают.

В её присутствии становилось так тепло.

— Что будешь пить? — спросила она.

Я посмотрел через плечо.

— Молоко есть?

— Будешь пить молоко с китайской едой? — поморщившись, спросила она.

— Мне нужен кальций.

Скорчив гримасу, она пошла на кухню и вернулась со стаканом молока и банкой содовой.

— Фу, какая гадость. — Она села, поджав под себя ноги. — Странное сочетание.

— Ты когда-нибудь пробовала? — Я сидел, уставившись на пульт.

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, что это гадость?

— Я предположила. — Она взяла свою тарелку, одарив меня ухмылкой.

— До конца года я заставлю тебя попробовать молоко с китайской едой.

Всем своим видом она дала понять, что этому не бывать, а я сидел и улыбался. Когда начался «*Обитель зла*», мы принялись за еду и обсуждение того, как женщины в зомби-Апокалипсисе могут быть такими привлекательными. Пока Элис боролась с зомби-доберманами, я собрал наши тарелки и отнес их на кухню. На кухне я налил себе еще стакан молока, а Эвери захватил баночку рутбира [2].

— Спасибо, — сказала она, ставя шипучку на стол.

Я сел ближе к ней.

— Любой каприз.

Пироженка улыбнулась, и мы продолжили смотреть фильм. Внезапно, зазвонил её мобильный. Я посмотрел на экран айфона и увидел высветившийся на дисплее «Неизвестный номер».

— Не ответишь? — поинтересовался я.

Она быстро наклонилась вперед и, выхватив телефон, выключила звонок. Мне показалось немного странной её жестокая реакция во время этого действия. — Думаю, не вежливо — отвечать на звонок, когда у тебя гости.

Единственное, чем мы занимались — обсуждали фильм. — Я не возражаю.

Пироженка откинулась на спинку дивана, и грызя ногти уставилась в телевизор. Если задуматься, я ни разу не видел ее с телефоном — ни перед занятиями, ни у кампуса. У большинства девушек телефон чуть ли к щеке не приклеен. Она сказала, что в школе была не популярна, и было очевидно, что она не очень и с семьей ладит, но…

Минуты шли, а она все еще грызла ногти, раньше за ней такого не наблюдалось… Я потянулся и взял ее за запястье.

Ее подбородок дернулся вверх, и ее взгляд упал на мою руку. — Что?

— Ты ногти грызёшь последние десять минут. — Держа свою руку на ее запястье, я положил ее руку на бедро. Ее запястье было таким тонким, что обхватив его, подушечки мои пальцев соприкоснулись. — Что случилось?

— Ничего. — Она резко вдохнула. — Я кино смотрю.

— Что-то мне слабо верится, что ты его смотришь. — Наши взгляды встретились. — Что происходит?

Она выдернула свою руку, и я отпустил. Неохотно. — Ничего не происходит. Смотри кино.

Я оставил эту тему, зная, что Пироженку бесполезно о чем-то расспрашивать.

Она сидела тихо, а я взглянул на электронные часы возле DVD-плеера. Было далеко за десять, и я думал, что Эвери вышвырнет мою задницу в любую минуту, но когда я прислонился к дивану, закинув руку вдоль спинки, она всей своей левой стороной прислонилась ко мне.

Я замер и, наверное, мое сердце в буквальном смысле остановилось, в ожидании того, что она улизнет от меня, оставив между нами бездну в два фута [3].

Но она этого не сделала.

Нифига себе, она этого *не сделала*.

Я взглянул на её макушку, стараясь дышать равномерно. В течение следующего получаса, каждая клетка в моем теле ощутила ее вес, ее тепло и глубокое, ровное дыхание.

Мое сердце екнуло, когда ее голова опустилась чуть ниже моего плеча. Спала ли она?

— Эвери?

Когда ответа не последовало, я понял, что она на самом деле уснула на мне. В груди образовалась опухоль, больше и крепче, чем узел, что, казалось, появлялся всякий раз, когда я был рядом с ней. И самое странное произошло, когда я уставился на нее. Части моего тела стали тверже от такой близости, но внутри я весь потек, как растаявшее на солнце мороженное.

Тебе голову сносит, когда дело доходит до этой девчонки.

Эти слова постоянно крутятся у меня в голове. Возможно так и было, но я бы не променял этот момент ни на что на свете. Аккуратно, чтобы не разбудить ее, я убрал руку со спинки дивана и нежно опустил ее голову себе на бедро.

И кое-что чуть чуть севернее увеличилось. Возможно, это была

не лучшая идея. Конечно, было заманчиво находиться с ней так близко, но это… Казалось, это правильно, а такого я не чувствовал ни с одной другой девчонкой.

Моя грудь колыхнулась, когда Пироженка прижалась, сложив руки вместе под подбородком. Какое-то время я наблюдал за ней, любуясь ровной линией челюсти, изгибом щеки и этими розовыми губами.

Черт, у меня сносило крышу по-хорошему.

Я попытался сосредоточиться на фильме, но даже не понял, когда он закончился и переключился обратно на телевидение. Мой взгляд снова был прикован к Эвери. Я даже не уверен, что мое внимание когда-либо отрывалось от нее.

Я посчитал, что в комнате прохладно, поэтому стянул со спинки дивана коричнево-зеленое лоскутное одеяло и укрыл её. Оголенный участок плеча привлек моё внимание. Рубашка сползла с ее правого плеча, и ничего, кроме тоненькой лямки больше не было.

Мягкое свечение ее кожи манило меня, и я абсолютно не мог противостоять этому. Дыхание перехватило, когда опустив руку, я коснулся элегантного изгиба ее плеча.

Эвери побормотала во сне, немного поворочалась, но не проснулась. Наверное, было не очень хорошо, что я продолжал касаться ее, но я водил пальцами по ее руке, наслаждаясь этими ощущениями. Остановившись у подола ее рубашки, пробежал весь путь по ее шелковистой коже до щеки.

Я был рад, что она спала, потому что мысль о том, что она знала бы, как бесстыже вели себя мои руки, наверное, ввела бы меня в краску. Боже, руки дрожали так, будто я трогал девушку первый раз в жизни.

Эвери… Черт, она полностью все перевернула внутри меня.

Откинув голову назад на спинку дивана, я закрыл глаза и трудно глотнул, положив руку ей на бедро. Скорее всего, мне хватит двух пальцев, чтобы посчитать сколько раз я проводил вечер с красивой девушкой, которая свернулась рядом со мной и уснула, а я просто был рад быть с ней рядом. Одна половина головного мозга говорила мне, что для этого есть название, но так как оно было просто сумасшествием, я ее проигнорировал.

— Нет, — прошептала она, и я открыл глаза. Она наморщила лоб, но, кажется, все ещё спала. — Я здесь не по этому…

Я наклонил голову в сторону, старясь расслышать, что еще она говорила, но единственное слово, которое я смог уловить было «простите» прежде чем она снова успокоилась.

Мое сердцебиение участилось, когда я прокрутил в голове эти слова. Они не имели никакого значения и, вероятно, ничего не значили, но живот скрутило от чувства беспокойства.

Время пролетело, а я не уснул, не совсем. Я застрял в странном промежуточном состоянии, наполовину бодрствуя, на половину отсутствуя. Но я знал, когда она проснулась. Ее тело сковало, и она медленно сделала глубокий вдох. Прошло какое-то время, и она не пошевелилась, и не заговорила. Я бы себе палец отрезал за то, чтобы прочитать ее мысли.

Пироженка медленно перевернулась на спину, удивив меня и не дав времени отреагировать. Моя рука соскользнула с ее бедра и приземлилась на нижнюю часть живота, пальцы оказались у ремешка ее штанов. Господь знает, я должен был убрать руку, но не сделал этого.

У моих рук как будто был собственный разум, решавший, что им делать. Мой палец медленно вырисовывал круги вокруг ее пупка. Я наблюдал за ней из-под ресниц и едва не застонал, когда она прикусила свою нижнюю губу. Затем я перевел свой взгляд и смог увидеть затвердевшие кончики ее грудей, проступавшие через тонкий материал. Я снова был возбужден. Ничего удивительного.

Я повернул голову в сторону и улыбнулся оттого, что она глубоко вздохнула. Я стиснул зубы, когда она опрокинула свою голову на мое бедро, подбираясь ближе к моей эрекции.

— Кэм.

Я открыл один глаз. — Эвери?

— Ты не спишь, — произнесла она хриплым и невероятно сексуальным голосом.

— Ты спала. — Я покачал головой из стороны в сторону. — И я спал. — Абсолютная ложь, но сомневаюсь, что ей бы понравилось, что я сидел здесь почти все это время и смотрел на неё.

Она облизнула губы, и черт меня подери, если бы мне не захотелось склониться и поймать кончик этого язычка. — Прости за то, что уснула на тебе.

— Не за что просить прощение.

Ее щеки залились румянцем. — Который час?

— За полночь, — ответил я, уставившись на ее влажные губы.

— Ты даже на часы не посмотрел.

— Я просто знаю.

— Серьёзно? — прошептала она.

— Да.

— Выдающийся талант. — Ее рука сжалась в кулак, лежа на ноге. — Во сколько ты завтра утром уезжаешь?

— Будешь по мне скучать?

Она скорчила рожицу, но ее взгляд озарил меня. — Я не поэтому спрашиваю. Мне просто интересно.

— Я сказал родителям, что буду дома к обеду. — Используя другую руку, я убрал с ее лица пару прядей, а потом положил ее ей на голову.

— Так что, скорее всего до девяти мне надо выехать.

— Рано.

— Да. — Когда она закрыла глаза, мне захотелось поцеловать ее. — Но дорога лёгкая.

— И ты не вернешься до вечера воскресенья?

— Верно. — Я глубоко вздохнул. — Ты уверена, что не будешь по мне скучать?

Она улыбнулась, но обеспокоенно. — Для меня это будет словно отпуск.

Я рассмеялся. — Это было очень грубо.

— Правда?

— Но, я знаю, что ты обманываешь.

— Знаешь?

— Ага. — Я нежно коснулся её щеки. Она моментально открыла глаза, а я улыбнулся в ответ. — Ты будешь скучать, но не признаешься в этом.

Пироженка молчала, когда я провел пальцами от ее челюсти к подбородку, подбираясь все ближе к ее нижней губе. — Я буду скучать.

— Серьезно?

— Да.

Она закрыла глаза и снова расслабилась, лежа на мне. Я продолжал подбираться к ее губе, переваривая ее слова, произнесенные во сне. — Ты говоришь во сне.

Она открыла глаза, и, клянусь, она побледнела. — Серьезно?

Я кивнул.

— Ты издеваешься, потому что если да, то четное слово, я тебя тресну.

Это беспокойство вернулось, и я не был уверен, почему. — Не издеваюсь я, милая.

Она села и повернулась ко мне лицом. — И что я сказала?

— Ничего особенного.

— Не врёшь? — Выражение её лица было настолько серьёзным, что я пожелал, что сказал ей об этом.

Я наклонился вперед, потерев лицо руками. — Ты что-то там пробормотала, я не смог разобрать что. Я посмотрел на неё. — Это было даже мило.

Она взглянула на меня, пытаясь понять говорю ли я правду и потом перевела взгляд на часы. — Твою дивизию, фигово ты умеешь время определять.

Я пожал плечами. Я знал, что уже больше трёх ночи. — Думаю, пора мне домой.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но потом передумала. А потом попробовала снова. — Будь внимателен за рулём.

Я встал и вытянулся. — Буду. — И пока она не успела ничего сказать, я нагнулся и поцеловал её в лоб. — Спокойной ночи, Эвери.

Она сидела с закрытыми глазами и сложенными на груди руками. Когда она заговорила, показалось, что она прошептала молитву. — Спокойной ночи, Кэм.

Я уже дошел до двери, когда она, подскочив, как пружина и вцепившись руками в спинку дивана, окликнула меня:

— Кэм?

Когда я остановился, моё сердце начало биться с бешеной скоростью. — Что?

Она глубоко вздохнула, и на её лице появилось то искреннее выражение. — Сегодня был замечательный вечер. — Я улыбнулся и удивился, увидев улыбку в ответ. — Знаю. — Открыв дверь, я остановился и обернулся к ней. Эвери все еще стояла на диване на коленях и смотрела на меня. — Увидимся в понедельник.

— Хорошо.

Я не хотел уходить. — С утречка пораньше.

Её улыбка добралась до ее глаз. — Хорошо.

И впервые в жизни, я не хотел идти домой. Мне пришлось заставить себя выйти за дверь.

Глава 12

Прежде чем я выехал из города, Джейс шокировал меня своей эсэмэской о том, что хочет поехать со мной. Его поездки ко мне домой были обычным делом, но я думал, что на эти четыре выходных дня он поедет на ферму.

Он ждал меня в доме, в котором останавливался, когда был не дома — в общаге студенческого братства не далеко от кампуса. Я провел там много ночей, но не в последнее время, отключившись на диване в одной из множества комнат этого трехэтажного дома.

Садясь в машину, Джейс хлопнул в ладоши, потирая их. — Боже, становится чертовски холодно.

— Согласен. — Я завел машину и развернулся. — Ты разве не проводишь…

Он провел рукой по волосам, взъерошив их. — Есть еще бейсболка?

— Только та, что на голове. Дать?

— Нет. — Он сполз по сидушке, вздохнул и убрал волосы назад. — Они решили съездить в Пенсильванию, проведать каких-то там кузенов.

Я украдкой бросил взгляд на него, когда съезжал с главной дороги, направляясь к шоссе. — И ты не захотел ехать?

— Неа.

Что-то там было неладно, потому что Джейс никогда бы не отказался провести время с Джейком, но насколько я знаю Джейса, он чертовски разговорчив, когда готов к этому.

На полпути, Джейс отрубился и проснулся только когда я свернул на узкую дорожку, ведущую к дому моих родителей. Солнечные лучи пробиваясь сквозь листву деревьев, бросали мерцающие пятна на дорогу. Когда мы с сестрой были детьми, играли в прятки в этой роще.

Я проехал по дорожке за домом и припарковался у гаража, который помогал строить отцу во время моего отстранения.

В доме было тихо и тепло, когда мы вошли внутрь через заднюю дверь. В воздухе пахло тыквой, и я улыбнулся. Мама, похоже, что-то пекла. Хотя и было еще очень рано, но ни родителей, ни сестры дома не было.

Мы с Джейсом слопали тыквенный пирог под пиво. С задумчивым лицом он пошел наверх, в гостевую комнату, где обычно останавливался; я не стал к нему приставать и пошел в свою старую спальню.

Мама в ней ничего не поменяла, вот только убралась. Та же кровать стояла у стены посреди комнаты. Все мои трофеи стояли на стеллажах, которые смастерил отец. На телевизоре, который стоял на комоде и столе, которыми я очень редко пользовался, не было ни пылинки.

Я улыбнулся и поплелся в сторону кровати, скинув кроссовки. Было время, после инцидента с Терезиным бывшим парнем, когда я ненавидел эти четыре стены. Я ненавидел этот дом, этот город, этот штат и себя.

Рухнув на кровать, я прилег и закрыл глаза. Сейчас все было по-другому… лучше. Единственная проблема, что приходя домой, невозможно было не думать о том, что произошло в доме почти три года назад на День Благодарения, утром, когда Тереза наконец-то рассказала нам правду. Такой ярости я не испытывал никогда, только читал о ней в книгах.

Убийственная ярость. Она действительно существует и похожа на привкус крови во рту. И эта злость не исчезла ни спустя пару часов после того, как я узнал правду, ни после того, как я нашел этого кретина и отдал ему должок, познакомив с моими кулаками. Позже, этот гнев превратился во что-то неуправляемое, и он поглощал меня, как раковая опухоль.

Сейчас, думаю, я мог бы поступить по-другому в тот вечер, но я все еще ни на секунду не жалел о сделанном. Судья, адвокаты, общественные работы и еженедельные собрания не изменили этого, но когда я думал об Эвери, я хотел бы жалеть. Сомневаюсь, что она захотела бы иметь со мной дело, узнай она правду.

Мамины объятия были самые лучшие. Ее глаза блестели, и она отстранилась, сдавив мои плечи. Она все ещё была одета в белый

халат, пришла домой сразу же после операции. — Вижу, ты нашёл пирог, который я оставила для тебя.

— Мне помогли.

Она расплылась в улыбке. — Джейс приехал с тобой?

Я кивнул и облокотился о стол. — Он спит наверху.

Она убрала назад пару прядей выбившихся из прически. — Уверенна, кое-кто будет очень рад узнать, что ты приехал с ним.

Мои брови взлетели, и я простонал. — Пожалуйста, скажи мне, что она больше не сохнет по Джейсу.

Мама рассмеялась и сбросила свитер, который был ей велик, повесив его на спинку стула. — Думаю, «сохнет» не подходящее слово.

Закатив глаза, я застонал. Когда я был в домашнем заточении, Джейс проводил почти каждую свободную минуту здесь, приводя меня в порядок. А Тереза проводила *каждую* свободную секунду, шпионя за нами и преследуя Джейса.

— Даже не начинай, — предупредил я, сложив руки. Джейс был хорошим парнем — хорошим парнем с кучей проблем и длинным списком разбитых сердец, которые и в подмётки не годятся моей маленькой сестрёнке. — Где папа? — Спросил я, ловко меняя тему.

— Он всё ещё в офисе, но скоро будет дома. — Она наполнила кофейник водой. — Я подумала, мы все могли бы поужинать «У Джо». Думаю, вам с Джейсом там нравится, там же подают красное мясо…

— Папа будет рад. — Я улыбнулся, отталкиваясь от стола. — Я не против.

— Кофе будешь?

— Конечно. — Я подошел к ней сзади и обнял за плечи. — Я уже говорил тебе, что ты лучшая мама в мире?

Она засмеялась и погладила меня по рукам.

— Я твоя единственная мама, сынок.

— И всё же, — ответил я. — Лучшая мама.

Я отпустил её, она покачала головой и направилась наверх,

чтобы разбудить Джейса — ленивую задницу, когда Тереза показалась в дверях.

— Кэм! — она пронзительно завизжала, увидев меня в фойе, и уронила свою сумку для книг на пол. Этот миниатюрный кошмарик, сделав один прыжок, *повис* на мне.

Смеясь, я поймал ее прежде, чем она сбила меня с ног.

— И тебе привет.

— Ты когда приехал? — спросила она, как только я усадил ее.

— Сегодня утром.

Она ударила меня по руке.

— Надо было написать мне! Я бы пропустила дневные занятия и пришла домой пораньше.

— Я всё слышала! — крикнула мама с кухни.

Тереза закатила глаза, а я рассмеялся. Где-то за последние два года или около того, она выросла из долговязого ребенка в потрясающую молодую женщину. И каждый раз, когда я видел ее, я хотел надеть бумажный пакет ей на голову. Куда бы она ни пошла, парни на неё так и пялились, *реально* пялились.

Она унаследовала темные волосы и голубые глаза от папы, а от мамы тонкие черты лица. Её красота и миниатюрность вводили в заблуждение, потому что от мамы она получила еще и энергичность и находчивость. Когда они с мамой были вместе, никто не был застрахован.

— Я пропущу сегодня танцы, — сказала она, стягивая резинку с волос. Казалась, что они стали ещё длиннее за ночь, спадая ниже плеч.

— Зачем, — сказал я ей. — Я же буду здесь все выходные.

— Да, но мы опять не побудем вместе! — она надула губки, посмотрев на меня таким взглядом, с помощью которого, скорее всего, она выклянчила немало вещей. — Ты теперь слишком занят и слишком крут, чтобы тусоваться со своей сестрёнкой.

— В точку, — сказал я, улыбаясь.

Она *сильно* ударила меня по руке.

— Тупица.

Сидя лицом к лестнице, я раньше Терезы увидел, что Джейс спускается вниз. Он был тих, как чёртов ниндзя. Он остановился внизу, весь такой наглаженный, напомаженный, с влажными волосами. Тереза стояла, как вкопанная, хотя Джейс не проронил ни слова. У нее, как и у меня, глаза на лоб вылезли от удивления.

Я пристально на нее посмотрел.

Тереза развернулась с грацией танцора, и я съежился, когда она вскрикнула: — Джейс!

Задумчивое выражение, которое было до этого на лице Джейса, исчезло, словно ночной кошмар. Он ступил на пол за секунду до того, как моя сестра набросилась на него, приветствуя в той же манере, как и меня. Его взгляд был сосредоточен лишь на ней и, невзирая на мое полнейшее доверие к Джейсу, даже он мог не устоять.

Мне также не понравилось, когда он приобнял ее, предотвращая их падение назад.

— Кэм мне не сказал, что ты здесь! — прокричала она, прилипнув к нему, словно маленькая обезьянка. — Ты тоже остаешься у нас на все выходные?

Джейс улыбнулся, смотря вниз на макушку Терезы — голову, которая теперь приклеилась к его груди. — Да, я здесь, пока Кэм не поедет обратно.

С этого самого момента я знал, что Тереза прогуляет танцы не только сегодня, но и во все выходные. Я тяжело вздохнул.

Тереза сказала что-то, что мог услышать только Джейс, и его улыбка стала ещё шире, от чего я сделал глубокий вдох. Потом он поднял глаза, и наши взгляды встретились. Он посмотрел на меня беспомощно, и я закатил глаза, устремившись вперед.

Ладно, — я схватил её за руки, отдирая её от Джейса. — Думаю, ты можешь теперь его отпустить. Скорее всего, он априори хочет дышать.

Джейс рассмеялся, в то время как Тереза одарила меня смертоносным взглядом и расцепила руки. Я сделал шаг назад на случай, если она попытается снова меня ударить. Моя сестренка была силачкой.

— Кажется, мама хочет видеть тебя на кухне, — сказал я, подталкивая её в нужном направлении.

Она нахмурилась, и улыбка исчезла. — Зачем?

— Наверное, это как-то связано с занятиями, которые ты планируешь пропустить, — подразнил её я.

— Ты прогуливаешь занятия? — спросил Джейс, скрестив руки на груди. — Ты не должна так делать, Тесс. Это выпускной год.

Тесс? Что это ещё за на фиг. Когда появилось это прозвище? Я знал, что эти двое выросли по соседству, но *твою ж мать*. Джейс раздает такие советы всем, что ли?

Легкий румянец залил её щеки.

— Не часто.

Я был удивлен.

Джейс подмигнул мне.

Наконец Тереза оставила нас, и я затащил Джейса в подвал. Папа создал здесь поистине мужское логово. Бильярдные столы, аэрохоккей и телевизор размером со стену.

Взяв кий, Джейс посмотрел на меня, приподняв бровь.

— Кто рассердил Ваше Величество?

— Тереза сохнет по тебе, — сказал я, зная, что это прозвучало так, словно я лимон проглотил.

Джейс рассмеялся, взглянув на меня.

— Серьезно?

Я метнул в него взгляд, схватив кий.

— Что? — Он снова заржал. — Ты что, удивлен? Это все мое очарование и красивая внешность. Перед ними сложно устоять.

— Что ж, ей лучше устоять.

Джейс смотрел на меня, пока я разбивал шары.

— Приятель, не смотря на то, что твоя сестра сексуальная… прости. — Он поднял руки, когда я выпрямился. — Не смотря на *красоту* твоей сестры, это твоя *сестра*. Я бы даже и мечтать не посмел о том, о чем ты беспокоишься.

Я натянуто улыбнулся.

— Рад слышать.

— Ты серьезно думаешь, что я стал бы? Она — ребенок.

— Ей недавно исполнилось восемнадцать, Джейс. Она больше не ребенок. — Я нахмурился, осознав это. Живот скрутило. — Черт, она действительно больше не ребенок.

— Она по-прежнему твоя сестра, — сказал Джейс, указывая на меня кием. — И это никогда не измениться.

«Пойдем со мной на свидание.»

Улыбаясь, я положил телефон на стол и ожидал ответа Эвери. Сидя напротив меня, папа изучал свои карты. У него было много седых волос, но ни одной морщинки.

— Теперь в любое время, старик. — Я уселся обратно на стул. — Я не становлюсь моложе.

— Это правда? — Папа поднял взгляд, прищурив глаза. — Нельзя торопить совершенство.

Джейс хихикнул себе под нос. Рядом с ним нависла голова Терезы. У неё не было тренировки, так как это была суббота, так что сегодня это продолжалось весь день. Она бы уже отрубилась, как мама, которая уснула в зале, но я знал, почему она все ещё не спит.

Я мельком взглянул на Джейса, и он вопросительно посмотрел на меня, сделав глоток пива.

Мой телефон завибрировал.

«Приглашение по смс-ке не меняет суть дела.»

Пока я отвечал ей, по лицу расползалась улыбка во все тридцать два.

«Подумал, что стоит попробовать. Что сейчас делаешь? Я выигрываю у отца в покер.»

В то время как отец скинул две карты, она ответила: *«Готовлюсь ко сну»*.

Как бы мне хотелось там быть. И я отослал: *«Ты что, голая?»*

«Нет!!!» — ответ пришел мгновенно.

Я уже представлял её, лицо пунцово-красное и широко распахнутые глаза, и ухмыльнулся. Даже за километры, я не мог устоять перед тем, чтобы подразнить её. Черт, я не мог перестать думать о ней. Было странно не увидеться в пятницу, а субботу не начать с яичницы казалось просто не правильным. Мы обменялись ещё парой сообщений, а потом я отложил телефон в сторону, пока папа не рассердился и не выкинул его в окно.

Во время следующей партии Джейс попрощался, после чего Тереза быстро исчезла, и игра в покер уже не пошла.

— Как учеба? — спросил папа, стоило нам остаться наедине.

Попивая пивко, я откинулся в кресле. — Хорошо. Выдался очень легкий семестр.

Он кивнул и взглянул на этикетку своей бутылки. — А собрания? Ходишь?

Я поставил бутылку. — Пап, ты бы первым узнал, если бы не ходил. И я разговаривал об этом с доктором Бейлом на этой неделе. Он не возражал.

— Просто хотел убедиться. — Он откинулся назад, закинув ногу на ногу. Если бы кто-то увидел сейчас моего отца во фланелевой рубашке и рваных джинсах, то не поверил бы, что он успешный адвокат. — А что насчет футбола? Думаешь что-нибудь насчет следующего года?

— Пап… Я не смогу присоединиться к команде в Шеферде в выпускной год. — Я пробежался по волосам и уронил руку. — И мне к тому времени будет двадцать два.

А что насчет потом? — спросил он, не желая бросать тему. Мой взгляд упал на холодильник за его плечом. Фотографии меня забивающего голы и танцующей Терезы покрывали почти всю дверь. — Не знаю, пап.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского, — сказал он, сделав хороший глоток.

Я нахмурился. — Разве правильно не, если не пытаться, не добьешься успеха?

— А есть какая-то разница? — он сверкнул ухмылкой. — Кэм, ты чертовски хороший игрок, или, по крайней мере, пылал страстью к игре. У нас есть видео, чтобы отправить тренерам. И ты знаешь, тренер из Шеферда поможет записать тебе новые.

— Знаю. — Кивнул я медленно. — И я продолжаю тренироваться с парнями, когда могу… Не знаю, может в следующем, выпускном году…

— Ну, да. — Он проницательно посмотрел на меня. — Кэмерон… Кэмерон…

Мне было не просто сидеть и болтать о футболе. Я мог бы еще играть, поэтому и продолжал тренироваться, но в данный момент я ничего не мог сделать.

— У тебя есть дама сердца? — спросил он.

Лучше бы он продолжал говорить о футболе. — Пап…

— А что? — улыбнувшись, он допил своё пиво. — Мне хочется знать о жизни моего сына.

Я откинулся назад. — Знать о жизни, ты что пьяный?

— Я прокурор.

Я громко рассмеялся. — Миленько.

— Ты не ответил на мой вопрос.

Дотянувшись до бутылки, я посмотрел на отца, а потом посмеяться над собой, ответ пришёл мне на ум сразу же. — Есть… Кое-кто есть.

— Рассказывай. — Интерес промелькнул в его глазах.

Я улыбнулся и допил последний глоток. — Мы друзья.

— Друзья, как…

— Перестань, пап. — Я застонал, качая головой.

— Что? — склонив голову набок, сказал он. — Можно подумать, я не знаю нынешнею молодежь. Сам был таким.

Меня начало подташнивать. — Мы не такие друзья. Эвери не такая.

— Ооо, у нее имя есть? Эвери?

Блин. Не могу поверить, что сказал, как ее зовут. Я что, пьян? — Мы друзья, пап. И она… Она…

Тёмные брови папы поползли вверх. — Она…?

Идеальная. Красивая. Умная. Весёлая. Гордая. Этот список можно было продолжать. — Я приглашал её на свидание пару раз. — «Пару раз» — это почти целый год. — Она меня постоянно отшивает.

— А ты продолжаешь приглашать?

Я кивнул.

— И ты думаешь, она однажды согласится?

Немного улыбнувшись, я опять кивнул.

Папа наклонился вперед, скрестив руки на круглом, дубовом столе. — Я когда-нибудь рассказывал, сколько раз меня отшила твоя мама, прежде чем согласилась погулять со мной? Нет? Много.

— Серьезно? — Я этого не знал.

Папа кивнул. — Я был немного… гулящим парнем в колледже. Имел определенную репутацию.

— Он слегка улыбнулся, обнажив ямочку на левой щеке. — Твою маму не так-то и просто было уломать.

— И как ты её всё-таки «уломал»?

Он пожал плечами. — Она была тайно влюблена в меня с самого начала, но знаешь что? Мне пришлось гоняться за ней, и честно говоря, если ты не добиваешься женщину, она, вероятно, не стоит усилий. Понимаешь, о чём я?

Не совсем. Была велика вероятность, что мой папа просто гонял слова по воздуху, но я кивнул в ответ. Но следующие его слова будто озарили меня.

— Сюрприз, — сказал он, подмигивая. — Удиви девчушку. Сделай то, на что она не рассчитывает. *Всегда* удивляй её.

Удивить? Я многое мог бы сделать, что удивило бы Пироженку, но сомневаюсь, что он говорил об этих вещах. Как только я пожелал папе спокойной ночи и начал подниматься по лестнице, то знал, что сделаю.

И я хотел это сделать.

Улыбаясь, я поднимался по лестнице, перешагивая по две ступеньки. Когда я добрался до второго этажа, то увидел, как Тереза проскальзывает в свою спальню. Я открыл рот, чтобы окликнуть ее, но она закрыла дверь прежде, чем я успел вымолвить слово.

Ладно.

Качая головой, я направился в гостевую комнату, где остановился Джейс — зеленая комната. По крайней мере, так её называла мама из-за стен, выкрашенных в темно-оливковый зеленый.

Дверь была сломана, и я открыл ее толчком. Джейс сидел у подножия кровати, наклонившись немного вперед, руки разместил на бедрах, уткнувшись лицом в ладони.

— Привет, приятель. — Я вошел в комнату, обеспокоенный. Что-то случилось дома? — С тобой все в порядке?

— Да. Да, — ответил он, встав и запустив обе руки в волосы. Он подошел к своей сумке и достал пару нейлоновых шорт. — Я просто чувствую себя… хреново. Пиво как-то не пошло, понимаешь? Что случилось?

Разве он не выпил всего две бутылки пива? Я наблюдал за тем, как он кинул шорты на кровать, его спина была напряжена. — Я думал над тем, чтобы изменить планы.

— Да? — Он подошёл к тумбочке, вытащил телефон и бросил его в шкафчик. — И что у тебя на уме?

— Я раздумываю над тем, чтобы уехать рано утром, — ответил я. — Где-то в пять. Ты не против?

Он расслабился. — Да, дружище, просто отлично. Только разбуди меня.

— Супер. — Уходя, я остановился в дверном проеме. — Уверен, что все нормально?

— Замечательно, — ответил он, снова усевшись на кровать. — Увидимся утром.

Когда я захлопнул за собой дверь, то осознал, что все время пока я был в комнате, Джейс не смотрел мне в глаза.

Было немного за девять, когда следующим утром я стоял

напротив квартиры Эвери и постучал. Надеясь, что совет папы «удиви ее» не обернётся в «отпугнуть ее».

Сомнение быстро разрасталось, словно огонь по деревянному дому, и я развернулся, собираясь ринуться обратно домой. Но дверь распахнулась так широко, словно она пыталась снять ее с петель.

— Кэм?

Сделав глубокий вдох, я повернулся к ней лицом и криво улыбнулся. В руках у меня был пакет с едой. — Я проснулся около четырёх сегодня утром и подумал, что съел бы пару яиц. А кушать яйца с тобой гораздо приятнее, чем с моей сестрой или отцом. К тому же мама испекла тыквенный хлеб. А я знаю, как ты его любишь.

С широко распахнутыми глазами и приоткрытыми губами она медленно отступила в сторону, позволяя мне зайти. Она была в шоке. Это уже хорошо. Но она не произнесла ни слова. Я отнес пакет на кухню и положил на столешницу. Закрыв глаза, я выругался про себя. Может это была плохая идея. Я снова ощутил боль в груди, но на этот раз совсем другую, ощущение укола.

Я развернулся, приготовившись извиниться, хотя я никогда не извинялся до этого, когда заваливался к ней домой, но она была на кухне, практически зависнув в воздухе. Она подошла ко мне также как и Тереза, когда приветствовала меня. Так же как моя сестра бросилась на Джейса.

Я поймал ее, приобняв за талию, когда отшатнулся назад, ударившись о столешницу. Я испытал шок быстро переросший в теплоту, разлившуюся по венам.

Я крепче её обнял, когда она прижалось щекой к моей груди так же сильно, как я её держал в объятьях. Я уткнулся ей в макушку, вдыхая ее запах и впитывая её ответ, прижав ее к моему сердцу.

Колеблясь, Эвери сделала вдох и произнесла: — Я скучала по тебе.

Глава 13

Наш маленький городок перед Хэллоуином накрыло холодом. Прохладный ветер пронесся через кампус, образовывая прозрачный, леденящий воздушный туннель между зданиями.

Джейс ошарашено смотрел на Олли. В такую холодрыгу Олли был в шортах и сандалиях. По крайней мере, он был в толстовке с капюшоном, но сомневаюсь, что под ней было что-то еще. И было ли ему хоть немного холодно.

А вот Пироженка это совсем другая история.

Мы вчетвером стояли между Уайтхолл и Кнутти, ждали начала следующего занятия. Она сидела на корточках, в облегающем ее тонкую талию и шикарные бедра, свитере.

— Я сделаю это, — сказал Олли, улыбаясь. — Никто не сможет меня остановить.

Я вздохнул.

Пироженка убрала прядь волос, которая вылезла из пучка на ее затылке. — Это действительно будет выглядеть странно.

Джейс кивнул. — Вынужден согласиться.

— Мне плевать, — объяснил Олли. — А я думаю, идеально.

Эвери обдало ветром, пронесшимся через поляну. Задрожав, она крепко сжала губы. — Думаю, я никогда не видела, чтобы черепаху водили на поводке.

— Это ещё ничего не значит, — ответил Олли, раскачиваясь на пятках. — Мне нравиться идея быть первооткрывателем.

Джейс закатил глаза, а я подошел к Пироженке в надежде закрыть её от сильного ветра. — Как ты нацепишь на Рафаэля поводок? — спросил Джейс с искренней заинтересованностью.

Еще один порыв ветра пронзил аж до костей, и у Пироженки начали дрожать губы. Мне надоело просто стоять рядом. Подойдя к ней сзади, я взял ее за плечи и притянул к себе, обнимая. Она напряглась и резко выдохнула. Джейс и Олли этого не заметили, потому что увлеченно обсуждали не будет ли грубым обращением с

животными, если обвязать Рафаэля клубком ниток вокруг панциря.

— Не сопротивляйся, — сказал я тихо ей на ухо. — Ты замерзла, я замерз. Не нравится — иди внутрь.

Она продолжала стоять, прижавшись ко мне спиной. — Почему не идешь внутрь?

— Пойду, если ты пойдешь.

Она пробормотала что-то весьма нелестное себе под нос, но не отстранилась, а я улыбался всё шире, чувствуя, как она расслабляется. — Это, наверное, самый глупый разговор, который я когда-либо слышала, — сказала она, наблюдая за Джейсом и Олли.

— И не поспоришь. — Моё тело отреагировало, когда она опёрлась на меня. Ничего не поделаешь. — Дело в том, что я готов поставить тысячу долларов, что когда я вернусь домой сегодня вечером, Рафаэль будет обмотан ниткой.

Она хихикнула. — Не забудь сфоткать.

— Для тебя, хоть звёздочку с неба. — Я закрыл глаза, зная, что если Олли или Джейс случайно увидят нас, я никогда не отделаюсь от них, но я обнимал ее, и игра стоила свеч.

— Надеюсь, он не додумается вынести его на улицу, — сказала она тихо. — Слишком холодно для малыша.

Удивившись, я открыл глаза и наклонил голову набок. — А ты откуда знаешь?

Она пожала плечами и повернулась ко мне, ее губы оказались на расстоянии поцелуя от моих. — Рафаэль — русская черепаха, да? — Когда я кивнул, она закусила нижнюю губу, и я чуть не застонал. — Однажды вечером мне было скучно, и я почитала о них. Этих черепах надо держать в тепле, так ведь?

— Ты права. — По какой-то странной причине мне понравилось, что она прочитала про мою черепаху. — Я не позволю Олли вынести Рафаэля на улицу.

Пироженка вздохнула. — Мне пора на занятия.

— Мне тоже.

— Так не хочется.

Я усмехнулся. — Давай прогуляем.

— Ты плохо на меня влияешь.

— Тебе как раз это и нужно. — Когда она рассмеялась, мне в каком-то роде стало легче. — Так ты действительно собираешься пойти на вечеринку по случаю Хэллоуина?

— Из-за тебя и Бриттани — придётся. — Она стала отдаляться, но я все сильнее прижимал её. — Я сказала, что пойду, значит пойду.

Не был уверен, поверил ли я ей. Было такое чувство, что завтра вечером она придумает какое-нибудь оправдание, почему у нее не получается пойти, так что я не очень-то надеялся. Эвери не была ни на одной тусовке с момента поступления в колледж, хотя знал, что Бриттани и Джейкоб завсегдатаи.

Вздохнув, я отпустил её и отступил назад. У меня занятия были в Бёрд. — Уверенна, что не хочешь, чтобы я тебя подвез завтра вечером?

Я мрачно на него посмотрел. — Я не это имел в виду.

На ее щеках был румянец или от того, что Олли сказал, или от холода. — Знаю. И все нормально. Подвозить меня не надо, но я буду там.

Я действительно не верил ей.

На вечеринке было много ангелов и кошек на высоченных каблуках, так много, что не было времени делить их на две группы: падшие и кошечки.

Бриттани, подруга Эвери, была из категории падших, её белое платье абсолютно не защищало от прохладной ночи. Она была с Джейкобом, который выглядел поразительно похожим на Бруно Марса, но я не видел Эвери.

Понял.

Я провел большую часть вечера думая, придёт ли она и если да, во что она будет одета. Она будет ангелом? Кошечкой? Очень глупо, потому что мне было на чём зациклиться.

Сердитый, я скитался из комнаты в комнату. Дом был битком набитый людьми, все стояли, и народ разбредался на крыльцо и

газон. Я удивлюсь, если своим приездом вечеринку не прервут полицейские.

Как по мне, в доме слишком много всего происходило. Музыка была громкой, но не совсем заглушала крики и смех. Парочки были в каждом углу, некоторые забывали, где находится их вторые половинки. Раньше мне это нравилось, но сейчас от одного вида у меня начинался зуд.

Я пошел с Джейсом в гараж, там как раз народ вовсю играл в пиво-понг.

— Ты так рад здесь находиться, — сказал Джейс, прищурившись, целясь белым мячиком в пластиковые стаканчики.

— Что-то сегодня нет настроения.

— Ага. — Джейс бросил мячик в первый ряд. Ребята по другую сторону стола застонали. — Это из-за отсутствия *Пироженки*?

И зачем я сказал Джейсу, как её называю. Я не ответил, а мячик с другой стороны отскочил прямо от стола.

Джейс усмехнулся. — Любители. — Он повернулся ко мне. — Но знаешь, кто здесь? Стеф. И она тебя искала.

— И что?

— Просто доношу до твоего ведома. — Он протянул мне мячик. — Давай покажем салагам, как надо играть.

Делать было больше нечего, да и отвлечься надо было чем-нибудь, я включился в игру. Джейс был прав. Группка напротив нас действительно были дилетантами. Через пятнадцать минут игры, наши оппоненты шатались, как трава на ветру.

— Это действительно позорно, — пробормотал я, разглядывая одного из ребят, который схватился за край стола, чтобы не грохнуться на пол.

Джейс злобно улыбнулся. — Надо было думать, прежде чем мне вызов бросать.

Я рассмеялся, складывая руки на груди, положив одну руку на свой голый бицепс. Джейс сделал еще один идеальный бросок, и наши противники разразились проклятиями в нашу сторону. Выпрямившись, Джейс поставил руки в боки и потом застыл с

изумленным взглядом.

Он ткнул меня локтем и сказал шёпотом. — Смотри-ка, кто пришел.

Я поднял брови и проследил за его взглядом, он смотрел сквозь группу танцующих. Я выдохнул. Я не мог в это поверить. Расправив руки, я стоял секунду в шоке, уставившись на неё.

Там была Эвери.

Она стояла рядом с Бриттани и Джейкобом, и выделялась, но не потому, что она была без костюма. Облегающая черная водолазка обнажала её плоский животик. Я впервые увидел её живот. Безумие… У меня пересохло во рту.

Большая, дурацкая улыбка появилась на моём лице и, поставив стакан, ничего не говоря Джейсу, я пересек переполненный гараж. Джейкоб что-то сказал ей отчего она покраснела и, секундой позже, она была в моих объятиях.

Я поднял ее на руки, и когда она обняла меня за плечи, я закружил ее. — Чёрт, не верится, что ты все-таки пришла.

Ее теплые карие глаза встретились с моими. — Я же сказала, что приду.

Я поставил её на землю, но не отпустил. Боже, она выглядела великолепно с ее медно-рыжими волосами, спадающими волнами на плечи и завивающимися на груди. — Ты когда приехала?

— Не знаю. Недавно.

— Почему не подошла поздороваться?

— Ты был занят, и я не хотела тебя отвлекать.

Она смотрела на мои губы, что очень отвлекало до последней произнесённой фразы. Я наклонился и шепнул ей на ухо. И заметил, как она вздрогнула. — Ты никогда мне не помешаешь.

Когда я поднял голову, наши взгляды встретились. Мы стояли и смотрели друг на друга. Цвет её глаз стал более глубоким и почти сливался с её зрачками. Между нами существовала связь. Между нашими губами определенно летали искры. И когда она приоткрыла рот, я наклонил голову, намереваясь поцеловать её.

— Эй, Кэм! — крикнул Джейс, испортив момент. — Твоя

очередь.

Я широко улыбнулась. — Далеко не уходи.

— Хорошо, — сказала она, убирая руки.

Вернувшись к столу, я одарил Джейса недобрым взглядом. — Ты как всегда вовремя.

— А что такого-то? — он посмотрел на меня, поднимая мячик для пинг-понга. — Я не дал Эвери очередной раз тебя отшить?

— Юморист, блин. — Я бросил мяч и промазал. Чертыхаясь, я взял в руку стакан с выпивкой. — Да пошли вы все.

Джейс громко рассмеялся и сказал что-то, но я нашел взглядом Эвери. Её едва ли было видно. Она с двух сторон была окружена друзьями, а в руках держала красный стаканчик. Она не пила и, по какой-то причине, я был этому рад. Их становилось всё больше, так что она исчезла из поля зрения, появившись спустя несколько минут. Когда эта дурацкая игра закончилась, были только она и я и никого больше. И, черт возьми, сегодня вечером она скажет мне «да», когда я приглашу ее на свидание.

— У нас гости, — предупредил Джейс.

Я сначала не понял, о чем он говорит, пока кто-то не обнял меня сзади. Я сразу догадался, что это не Эвери. Я не такой везучий.

— И в кого ты нарядился? — спросила Стеф.

— В себя, — сказал я, оборачиваясь. Она была одета, как Красная Шапочка, блуждающая на съемках порнофильма.

Она улыбнулась, накручивая косичку на палец. — Это не совсем костюм.

— Мы слишком клёвые, чтобы носить костюмы, — сказал Джейс, разглядывая подругу Стеф.

Я аккуратно убрал руки Стеф. — Вы, девчонки, круто выглядите.

— Знаю. — Хихикнула Стеф. — Мы можем присоединиться? — спросила она, кивая на игру.

Джейс отступил, и я знал, что он запал на подругу Стеф, так что ночь он проведет не один.

Я быстро нашёл Пироженку. Второй раз за вечер я был удивлен,

когда увидел, что она делала.

Она танцевала.

Это не должно было быть так уж весомо, но было у меня подозрение, что причина, по которой она бросила профессионально танцевать стоила ей танцев вообще.

Боже, она была… словами не передать.

Песня была быстрой, с множеством ударов, и ее бедра справлялись со всеми ними. Они с Бриттани танцевали, держась за руки. Я расплылся в улыбке, когда к ним присоединился Джейкоб. Её голова была запрокинута назад, руки подняты вверх и она *смеялась*.

В тот момент я понял, что видел совсем другую Эвери. Я никогда раньше не видел её такой оживлённой и беззаботной, и это было чертовски круто.

— Я когда-нибудь женюсь на этой девушке, — сказал я вслух.

Джейс поперхнулся пивом и наклонился, делая глубокий вдох.

— *Твою мать*.

Я улыбнулся.

Но улыбка сразу же начала таять, когда какой-то парень подошел к ней сзади, положив руки ей на бедра. Эвери отскочила в сторону и оглянулась через плечо.

Тони. Так его звали. Первокурсник, только что посвященный в братство Джейса. Он был частью первой группы, которую мы победили в пиво-понг — тот, кто почти зарылся мордой в стол. Я не знал его, но он мне не понравился. И мне уж точно не нравилось то, что он делал с её бедрами.

Эвери отошла в сторону, но Тони прицепился к ней как гребаный осьминог. Он явно был пьян в хлам, а она явно не хотела с ним танцевать. Каждый раз, когда она от него отходила, он притягивал её обратно.

От гнева меня разрывало изнутри. Я шагнул вперед, игнорируя Джейса, окликнувшего меня. Я был на другом конце гаража, когда Тони положил ей руку на живот.

— Отпусти меня! — крикнула она.

У меня волосы стали дыбом ты её крика. Я споткнулся — *споткнулся, твою мать,* — и потом, сшибая всех с ног, я бросился вперёд. Я их даже не видел.

Меня захлестнуло яростью, когда я взял Эвери за руку и оттащил назад. Её испуганный вздох прозвучал громом в моих ушах, когда я оттолкнул Тони. Этот кретин споткнулся, влетая задом в стену.

Я прижал его в мгновение ока.

Глава 14

Я собирался размозжить рожу этому придурку. Вот так просто. Он прикасался к ней, а было и ежу понятно, что она не хотела, чтобы к ней прикасались.

Толкая его рукой в грудь, я впечатал его обратно в стену, а вторую руку сжал в кулак. — Какого хрена, чувак? У тебя со слухом проблемы?

— Прости. — Тони поднял руки, весь трясясь. — Мы просто танцевали. Я ничего такого не имел в виду.

— Кэм, — закричала Эвери.

Я толкнул Тони, когда он опять открыл рот. Внезапно за спиной появился Джейс, хватая меня в охапку за плечи. Он уволок меня прочь, а Тони, пошатываясь, подошел к стене.

— Твою мать, сбавь обороты, — сказал Джейс.

Я попытался увернуться от Джейса. — Отпусти меня, Джейс.

— Разбежался. — Он смотрел мне в лицо, а его руки находились у меня на груди. — Тебе проблемы не нужны, забыл что ли? Ввязываться в драку тебе сейчас не стоит. Так что остынь.

Руки так и чесались врезать этому парню по морде, но Джейс… черт его дери, Джейс был прав. Мне нельзя было встревать в драку. Мой испытательный срок будет аннулирован, а я не мог так поступить со своей семьей, или Эвери.

Эвери.

Я резко развернулся. Между нами собралась толпа, и она стояла с Бриттани. Она была бледная, а глаза блестели от невыплаканных слез. Я шагнул к ней, но Джейс преградил мне дорогу.

— Сначала тебе нужно успокоиться.

Возле меня возник Олли, всовывая пиво мне руку. — Джейс прав, дружище. С Эвери все будет хорошо, но вот с тобой… — Серьезно, первый раз в своей жизни, он покачал головой. — Тебе надо немного остыть.

Я позволил им вытолкать себя за дверь, и когда обернулся, не

смог найти Эвери в толпе. Она ушла.

Сидя на краю кровати, на которой Джейс спал всякий раз, когда останавливался в этом доме, я достал свой телефон и отправил Эйвери эсэмэску. Джейс захлопнул дверь, но я проигнорировал его, ожидая ответа. Я не должен был позволять им затащить меня сюда. Олли стоял за дверью, корча из себя охранника. Я должен был быть с Эвери, убедиться, что с ней все в порядке.

— Какого хрена с тобой происходит, чувак?

Я уставился на Джейса. — Она раньше танцевала.

Он удивленно посмотрел на меня. — И что? — он опять возмутился. — Это то тут причем?

Закрыв лицо руками, я пожал плечами. Я понятия не имел причем тут это, но было чувство, что танцы для Эвери — сам процесс — многое значили.

Джейс выругался, резко развернулся и затем обернулся обратно ко мне. — Что с тобой происходит, Кэм? Ты не должен так злится. Расстраиваться из-за…

— Следи за языком. — Подняв подбородок вверх, я прищурившись крикнул на Джейса с такой яростью, будто грузовик с неисправными тормозами. Я поднялся на ноги. — Он *трогал* её, Джейс. Он хватал её и… — я остановился, прежде чем сказать слова, которые я не хотел произносить.

— И что?

— Ты что, серьезно? — Я вырвался вперед, но Джейс от меня не отставал. Он шел за мной по пятам.

— И что, ты считаешь всю ситуацию с этим парнем нормальной?

— Нет, конечно, но, Боже мой, Кэм, он напившийся идиот первокурсник, но и ты, и я, видели ситуации и похуже. — В его глазах мелькнула искра — верный признак того, что он сейчас взорвется. Хорошо. Так же, как и я. Снова. — И прежде чем ты скажешь, что вмешивался в эти ситуации тоже, я это знаю. Мы оба это делали, но ты никогда не пытался оторвать парню голову.

Он был прав. Ну и что. — Это другое.

— Потому что это *она*?

То, с каким выражением он произнес «она», вызвало у меня дикое желание влупить кулаком по стене. — Следи за языком, бро.

У него расширились зрачки, и он поднял вверх руки. — Слушай, Эвери кажется милой девушкой. Серьезно, но, насколько мне известно, она не твоя девушка.

— И что? — спросил я.

Джейс выглядел так, как будто у него было дикое желание *врезать мне* кулаком. — Сколько раз она тебя отшила? А ты ведешь себя, как разозленный, одержимый парень. Тебе сейчас драки ни к чему. Или надо напомнить, что в случае чего твой испытательный срок смениться на лишение свободы? В тюрьму не сядешь, но…

— Не надо мне ничего напоминать. — Я повернулся, засовывая руки в волосы. — Ты не понимаешь.

Он не сразу ответил. — Ты прав. Я не понимаю, как эта девчонка умудрилась тебя так себе *подчинить*. Ты никогда не думал, что она играет тобой в своих целях?

Я повернулся к нему, сжимая руки в кулаки. Если бы он не был моим самым близким другом, тем, кто не дал мне окончательно свихнуться, когда я был под домашним арестом, я бы сломал ему челюсть. Я сделал несколько глубоких вдохов, прежде чем ответить. — Она не такая, Джейс. Знаю, тебе трудно в это поверить. Понимаю.

Тебя предали, так, что врагу не пожелаешь, но она не такая.

Покачав головой, Джейс повернулся и прислонился к закрытой двери. — Так все парни говорят, пока их жестоко не надуют.

— Эвери другая, — сказал я, доставая снова телефон. Эвери не ответила. На душе стало тревожно. — Ты не знаешь её так как я. Ты вообще её не знаешь.

Он уставился на меня, и проведя ладонью по челюсти, сказал:

— Сейчас я не знаю тебя.

А вот на это я не знал, как ответить.

— Что в ней такого? — спросил он, как будто действительно пытался понять это притяжение, в котором я еще не до конца разобрался. — Она отличается от всех девушек, с которыми ты

мутил. Она очень застенчивая и тихая. Она симпатичная, но не….

— Она чертовски *красивая*, — перебив его, не согласился я с ним.

— Она того стоит?

— Да, — сказал я, пялясь в свой телефон. По-прежнему ничего. — Да, стоит, и я должен убедиться, что с ней все хорошо.

— Кэм…

— Я сию секунду ухожу из этой комнаты, и ты меня не остановишь. — Когда Джейс не двинулся с места, я выругался себе под нос и напомнил себе, что он делает это только потому, что он мой друг. — Я не собираюсь ни из кого выбивать дерьмо. Я хочу найти Эвери. Сейчас меня волнует лишь это.

Джейс отвел взгляд, поигрывая мышцами челюсти, и покачал головой, — Я уверен, с ней все хорошо, Кэм.

— Нет… — Я остановился, потирая грудь, казалось, белые стены в комнате поплыли. Грудь сковало. — Ты не понимаешь, Джейс. Думаю… Я думаю, с ней *что-то* произошло в прошлом.

На его лице отразилось понимание, и он отступил в сторону. — Чёрт.

— Да, — пробормотал я, чувствуя затылком это ужасное ощущение. — Черт.

Мое сердце бешено колотилось, когда я уставился на Бриттани. — Ты ее не видела?

— Нет. — Она покачала головой, в результате чего ее ангельские крылья упали. — После того как ты с Олли и Джейсом ушел внутрь, она сказала что пойдет подышать воздухом, но так и не вернулась.

— Черт. — Я посмотрел на телефон и нажал кнопку вызова под ее именем снова. Направляясь к дороге, я снова выругался, когда никто не ответил. Я не видел Тони внутри или где-либо ещё, но сомневался, что он стал бы преследовать ее. Джейс был прав. Парень был просто пьяным тупицей, но это не говорило о том, где находилась Эвери.

А я проверил везде.

Британни следовала за мной. — Она не отвечает ни на мои звонки, ни Джейкоба. Не думаю, что она вообще все еще здесь. — Она замолчала, откидывая волосы с лица. — Я поеду к ней…

— Нет, — возразил я, сжимая телефон. — Я поеду.

— Но…

— Я дам тебе знать, если найду ее. — Я пошел шагом, но потом пустился трусцой в сторону, где была припаркована моя машина рядом с тупиком.

Захлопнув дверь, я включил зажигание и поехал вниз по жилой улице. Беспокойство сформировало ледяной ком у меня в животе. Страх в ее голосе… Она была *в ужасе*, когда Тони схватил ее. Чувство головокружения снова вернулось. Как бы мне не хотелось это отрицать, выкинуть из головы, я больше не мог. Что-то произошло с ней. Но я не был уверен, что именно.

Я попытался позвонить ей по дороге домой, но, как и ожидал, она не ответила. Я сжал руль так сильно, что костяшки побелели. Я въехал на первое попавшееся парковочное место в Юниверсити Хайтс, которое смог найти, и побежал через всю парковку. Не было никакого смысла искать ее машину. В темноте это словно иголку в стоге сена искать.

Живот совсем скрутило, когда я добрался до нашего этажа и затарабанил в дверь. Если она не ответит, я вышибу эту дверь, и если ее там не окажется, то переверну всю округу в ее поисках.

Затем дверь открылась, и Эвери предстала предо мной с опухшими и красными глазами, слезы и тушь оставили подтеки на щеках.

Но с ней все было в порядке.

Она была в порядке.

Сердце подпрыгнуло к горлу, я вошел внутрь и обнял ее, прижав к груди. Дотянувшись до нее, я притянул ее еще ближе, уронив щеку на ее склоненную голову.

Сначала я не решался заговорить, а когда все же смог, мои пальцы запутались в ее волосах. — Боже, почему ты не отвечаешь на чертов телефон?

Не поднимая головы, она ответила:

— Думаю, я забыла телефон в машине.

— Черт, Эвери. — Я отстранился, беря ее лицо в ладони. — Я обрывал твой телефон… Также как и Джейкоб с Бриттани.

— Прости. Я не…

— Ты плакала. — Я вновь почувствовал прилив гнева. — Ты, черт возьми, плакала.

— Нет, не плакала.

— Ты смотрелась в зеркало? — Когда она отрицательно помотала головой, я закрыл позади себя дверь и взял ее маленькую ручку. — Пойдем.

Она тяжело сглотнула, но позволила мне тянуть ее. Я отвел ее в ванную и включил свет. Она резко втянула воздух, увидев свое отражение. — Боже… — Наши взгляды встретились в зеркале, и она уронила голову на руки. — Отлично… просто отлично.

— Все не так плохо, милая. — Внутри все заныло, когда я нежно убрал ее руки от лица. — Присядь.

Эвери села на закрытую крышку унитаза и уставилась на пальцы. — Что ты здесь делаешь?

Схватив полотенце, я намочил его под краном и присел на корточки перед ней. Не веря своим ушам, я не мог сначала говорить. — Что я здесь делаю? Ты что серьезно об этом спрашиваешь?

— Полагаю, нет. — Она не подняла глаз.

— Посмотри на меня. Черт побери, Эвери, посмотри на меня.

Она вскинула подбородок, глаза сузились до тех пор, пока не стали видны лишь тонкие темно-коричневые полоски. — Счастлив?

Зубы заскрежетали, когда я стиснул челюсти. — С чего бы мне приходить сюда? Ты ушла с вечеринки, не сказав никому ни слова.

— Я сказала…

— Ты сказала Бриттани, что пойдешь подышать свежим воздухом. Это было три часа назад, Эвери. Они думали, что ты была со мной, но когда они увидели меня позже, то поняли что это не так. После того, что произошло с этим кретином, ты перепугала их.

Ее лицо поникло. — Я не хотела. Я просто забыла телефон в машине.

Тишина, я провел полотенцем по щекам, стирая потекший макияж. — Тебе не стоило уходить.

— Я слишком остро отреагировала. Парень… он на самом деле ничего плохого не сделал. Он просто застал меня врасплох, и я слишком остро отреагировала. Я испортила вечеринку.

— Ты не испортила вечеринку. И этот сукин сын не должен был тебя хватать. Черт. Я слышал, как ты сказала «Отпусти меня», и я полностью уверен, что он тоже. Возможно, мне не стоило реагировать так… сильно, но к черту. Он схватил тебя, и мне это не понравилось.

Она ссутулилась. — Тебе не стоило приходить сюда. Нужно было остаться на вечеринке и веселиться.

Я честно не мог поверить, что она считала, что я должен был быть на вечеринке, пока она здесь плакала. Она смотрела на меня, на ее лице промелькнуло смятение. — Мы же друзья, верно?

— Да.

— Так поступают друзья. Они присматривают друг за другом. Бриттани и Джейкоб были бы здесь, но я настоял, чтобы они остались.

— Мне нужно забрать телефон и позвонить…

— Я напишу Бриттани. У меня есть ее номер. — Я сел обратно, смотря на нее. Тот факт, что ты не думала, что тебя кто-то придет проверить… Даже не знаю, как на это реагировать.

Она открыла рот, покачала головой и отвернулась в сторону. Я погладил ее по щеке, останавливая. Пальцем я вытер оставшиеся слёзы. Она подняла свои влажные ресницы, и я отдал бы всё на свете, чтобы она никогда не плакала.

— Почему ты плакала? — поинтересовался я. — Подожди. Этот ублюдок сделал тебе больно, потому что я…

— Нет! Совсем нет.

— Тогда почему? — Я задержал дыхание, когда она уткнулась щекой в мою ладонь. — Поговори со мной.

— Не знаю. Полагаю, я просто девчонка.

Мои брови взлетели. — Ты уверена, что это все?

— Да, — прошептала она.

Было что-то большее, должно было быть, но как можно спросить о таком? — Ты в порядке?

Пироженка кивнула.

Убирая руку вниз, я случайно задел ее губу пальцем, но когда я это сделал, она тихонько вздохнула. Наши глаза встретились. В грудь ударили те же чувства, которые я испытывал, когда мы были на вечеринке. Я захотел поцеловать ее. Я хотел заставить ее забыть Тони и вечеринку, и все те слезы. Но я не хотел, чтобы наш первый поцелуй был с привкусом ее же слёз.

Приблизившись к ней, я прижал свой лоб к ее и устало вздохнул. — Ты иногда сводишь меня с ума.

— Прости.

Я отстранился, ища ее лицо. — Не убегай так больше, ладно? Я так сильно волновался, когда я не смог найти тебя, и никто не знал, где ты. Пироженка посмотрела на меня, а потом наклонилась и поцеловала меня в щеку, удивив меня до глубины души. Мои глаза расширились, когда я откинулся, не в силах отвести взгляд от нее. Я уже начал подумывать, что зря отказался от идеи с поцелуем, но вовремя остановился. — Эвери?

— Кэм?

Со всей серьезностью, я посмотрел на неё. — Ты сходишь со мной на свидание?

Она секунду колебалась, её рот приоткрылся, а щеки залились румянцем, но потом она заговорила. Сначала я подумал, что услышал не верно, но слух меня не подвел.

— Да, — сказала она.

Глава 15

Когда Бриттани загнала меня в угол за спортивным корпусом в следующую среду, я понятия не имел, чего она хотела.

— Мы можем поговорить? — спросила она, поправляя свою ярко-розовую толстовку. Короткие пряди светлых волос обрамляли ее лицо.

— Конечно. — Я отвел ее к свободной лавочке. — С Эвери всё хорошо?

Она улыбнулась, наклоняясь вперед. Её одежда немного пахла дымом. В руке она крутила зажигалку. — Она в порядке, насколько Эвери может быть.

Я повернул голову в ее сторону, слегка нахмурившись. — Это еще что значит?

Она посмотрела мне в глаза. — Ну же, Кэм. За время вашего с Эвери общения… — Она замолчала, поджав губы, покачала головой. — Во всяком случае, она сказала мне, что наконец-то согласилась сходить с тобой на свидание.

Мой хмурый взгляд исчез, но я действительно понятия не имел, к чему был этот разговор. — Да, согласилась. Идём в субботу вечером. — Или, по крайней мере, я так думал. — Если только она не передумала и не планирует продинамить меня.

Бриттани покачала головой. — Нет. Не думаю, что она передумала.

— Не думаешь?

Она рассмеялась. — Ну, с Эвери никогда нельзя заглядывать наперёд.

— Это да. — Я сделал паузу, поворачиваясь к ней. — Значит, ты пришла не для того, чтобы подтвердить, что она согласилась на свидание.

— Нет. — Она сделала глубокий вдох, крутя синюю зажигалку между пальцев. — Буду честна с тобой.

— Хорошо.

Она подняла взгляд, ее светлые глаза посмотрели в мои, и я заметил ухмылку на серьезном выражении ее лица. — Ты нравишься Эвери. Знаю, она, наверное, этого не показывает, но это так.

Я расслабился. — Я знаю.

Она приподняла бровь. — Но действительно ли она тебе нравится? — Ещё одна пара закончилась, и повалила целая толпа, заполнив собой все пространство, закрывая нас от ветра. — Потому что я знаю, каким ты был в старшей школе, и что ты можешь заполучить любую девушку в колледже. Но тебе нужна девушка, отшившая тебя.

— И? — Я сложил руки на груди. — Это тут причём?

— Это потому что она бросила тебе вызов? — спросила она, не отводя взгляд. — Потому что, если ты идешь на свидание с ней, потому что она не легкая добыча, Богом клянусь, я тебя грохну.

Я рассмеялся. — Грохнешь меня?

Она прищурилась. — Я не шучу.

Пытаясь перестать смеяться, я кивнул и, надеюсь, сделал серьезный вид. — Я верю.

— Хорошо. — Кивнула она. — Но ты не ответил на мой вопрос.

Я прикусил изнутри щеку. — Она мне нравится, Бриттани. Это не имеет ничего общего с вызовом или ещё какой-нибудь хренью. И кстати, я уже не такой, как в школе. — Я глубоко вздохнул и медленно выдохнул. — И я знаю, что она… другая.

Бриттани кивнула и снова ничего не сказала. Часть меня была рада, что не только я заметил ее исключительность, но была и другая часть. Я взглянул на нее. — Она говорила тебе что-нибудь?

— О тебе?

— Нет, — рассмеялся я. — Она говорила о…? — Я понятия не имел, как задать вопрос. К счастью, Бриттани сказала то, на что не осмелился я.

— После ее реакции на вечеринке, на следующий день я спросил ее, что случилось. — Бриттани засунула зажигалку в карман джинс. У меня свело живот от ожидания. Она стиснула ремешок на сумке. — Она сказала, что ничего с ней не случилось.

У меня перехватило дыхание. — И ты ей поверила?

Она переступила с ноги на ногу, понизив голос. — Она посмотрела мне прямо в глаза и заверила, что ничего не случилось. Я не знаю верить или нет. А ты?

— Не знаю, но ты ее подруга, она бы тебе сказала. — Я на это надеялся. — Так ведь?

— Наверное, — ответила она, улыбаясь. — Мне пора бежать, а то опоздаю на историю.

— Эй, — окликнул ее я.

Бриттани обернулась. — Что?

— Ты хорошая подруга.

Она улыбнулась, доставая сигарету из сумки. — Я знаю.

Немного нервничая, я надел черный свитер и пошел искать свои башмаки. Я не мог вспомнить, когда я так нервничал последний раз. Но это и понятно, сколько недель, чёрт, месяцев прошло, пока она согласилась? Я не просто так нервничал.

Я выскользнул из квартиры, пока не пришел Олли. Моё сердце билось слишком быстро, а голова была забита, чтобы выслушивать комментарии этого умника.

Когда я постучал в дверь к Пироженке, она открылась почти сразу, и нервозность превратилась в нечто совершенно иное, стоило мне увидеть Эвери.

Тёмно-зелёная блузка подчёркивала красоту её волос и цвет лица. Часть меня даже не поверила, что я заметил это и чуть не стал сочинять стихи в голове. На руке как всегда был пресловутый браслет. Я пробежался взглядом по её облегающим джинсам, заправленным в черные сапожки, и вернул взгляд обратно на её мягкие рыжие волосы, лежащие на груди.

Я откашлялся. — Ты выглядишь… просто великолепно.

Она наклонила подбородок, я шагнул в ее квартиру. — Спасибо. Ты тоже неплох.

Усмехнувшись, я облокотился на спинку ее кресла. — Готова?

Куртку берешь?

Пироженка резко развернулась, практически бросаясь вперед по коридору. Она вернулась с черным пальто и направилась к двери. Я взял её сумку и протянул ей.

— Спасибо. — Она покраснела и, затаив дыхание, добавила: — Я готова.

— Не совсем. — Я остановил её, убрал волосы назад и начал застёгивать её плащ. — На улице холодно.

Пироженка наблюдала, как я застёгивал пуговицы на её пальто. Мои руки добрались до места, где возвышались два бугорка… Она вздрогнула так, что мне захотелось заключить её в свои объятья.

— Прекрасно, — пробормотал я, заставляя себя опустить руки. — Теперь, мы готовы.

Я держал дверь открытой, и как только мы вышли в коридор, Олли вылетел из квартиры с мобильным телефоном в одной руке и Рафаэлем в другой.

Что за…?

— Улыбочку! — Олли щелкнул нас на телефон. — Вы как двое моих детишек, которые идут на выпускной.

О. Боже. Мой.

— Прицеплю себе её в альбом. Веселитесь! — Ухмыляясь, Олли забежал обратно в квартиру, закрыв за собой дверь.

Пироженка посмотрела на меня. — Да уж…

Я громко рассмеялся. — О, Боже, это было что-то.

— Он обычно так не делает?

— Нет. — Я положил руку ей на поясницу. — Пошли отсюда, пока он за нами не увязался.

Она улыбнулась. — Вместе с Рафаэлем?

— Рафаэля я бы с собой взял, а вот Олли — нет. — Улыбаясь, мы дошли до лестницы. — Я не хочу, чтобы что-то тебя отвлекало на этом свидании.

— Почему я? — Эвери выпалила, а потом зажмурилась. — Ладно. Не отвечай.

Между нами колыхалось пламя маленьких свечек, которые стояли на столе, накрытом белой скатертью. Мы сделали заказ, и Эвери нервно перескакивая с темы на тему, лопала хлеб.

Этот вопрос спровоцировала правда. Я сказал ей, что она не должна волноваться о том, чтобы впечатлить меня. Из-за чего она уставилась на меня, словно я обдолбался и задала этот вопрос.

Я даже не мог поверить, что она задала этот вопрос. Иногда я вообще не понимаю женщин.

Официант принес наш заказ, задержав меня на две минуты. — Я отвечу на твой вопрос.

Она насторожилась. — Ты не обязан.

Я поднял свой бокал, глядя на нее поверх него. — Нет, думаю, обязан.

— Знаю, это глупый вопрос, но ты такой шикарный, Кэм. — Она вцепилась в приборы. — Ты милый и весёлый. Ты умный. Я отказывала тебе два месяца. Ты можешь встречаться с кем угодно, но ты здесь со мной.

Я улыбнулся. — Да, это так.

— С девушкой, которая никогда не ходила на свидание раньше. — Она подняла глаза, встречаясь с моими. — Просто такое ощущение, что это не по- настоящему.

— Хорошо. Я здесь с тобой потому, что хочу быть — потому что ты мне нравишься. Дай закончить. — На её лице появилось сомнение. — Я уже говорил тебе. Ты другая — в хорошем смысле, так что убери-ка это выражение со своего лица.

Она прищурилась, глядя на меня.

— И, я признаю, что каждый раз, приглашая тебя на свидание, знал, что ты откажешь. И может быть, я иногда и дурачился, надоедая тебе своими приглашениями, но я серьезно хотел сводить с тобой на свидание.

Поняла? И мне нравится проводить с тобой время. — Я засунул кусок стейка себе в рот. — Эй, я думаю, что я чертовски хорошая

партия для первого свидания.

— Боже. — Она рассмеялась, и вокруг ее глаз образовались морщинки. — Не могу поверить, что ты сказал, что ты хорошая партия.

Я пожал плечами. — Так и есть. А теперь ешь свою курицу, пока этого не сделал я.

И она ела.

Что еще важнее, она, наконец, расслабилась достаточно, чтобы быть собой. Не в этом ли весь смысл свидания? Мне нравилось так думать.

— Итак, что ты делаешь на День Благодарения? — спросил я. — Возвращаешься домой в Техас?

Она скорчила гримасу. — Нет.

— Ты не едешь домой?

Пироженка доела свою курицу. — Я остаюсь здесь. А ты домой едешь?

— Я еду домой, но не знаю точно, когда. — Мне не нравилась идея, что она остается здесь одна. — Ты серьезно не собираешься домой? Это же больше недели — девять дней. У тебя есть время.

— Мои родители… путешествуют, так что я остаюсь здесь. — Она отвела взгляд. — Твои родители устраивают большой ужин на День Благодарения?

— Да, — сказал я, отвлеченно.

Мы расплатились по счету и вышли на прохладный ночной воздух. Я положил руку ей на плечо, поправляя воротник, пока мы шли через темную парковку. Она не сопротивлялась, вместо этого прижалась ко мне.

— Тебе понравился ужин? — спросил я в машине, растирая руки.

— Да. И спасибо за еду. То есть, за ужин. Спасибо. — Она закрыла глаза и, хотя было слишком темно, я знал, что она покраснела. — Спасибо.

— Не за что. — Улыбнулся я. — Спасибо, что наконец-то согласилась поужинать со мной.

Она робко мне улыбнулась, и между нами наступила комфортная тишина, что было хорошо. Мои мысли продолжали возвращаться к тому, что она ничего не делала на День Благодарения. Это казалось неправильно и одиноко — оставаться на праздники одной. У меня появилась идея, с которой Эвери вряд ли согласится, но я должен был попробовать.

Когда мы вернулись в Юниверсити Хайтс, мы остановились у её двери и у нас назревал самый неловкий момент, который случается на всех свиданиях. Часть меня не могла дождаться, чтобы увидеть, как она справилась с этим. Пироженка повернулась ко мне, взгляд её был устремлён на мою грудь. Она стояла и перебирала ремешок от сумки в руках.

— Итак… — Я взял инициативу в свои руки, пока она не сказала мне «пока».

— Зайдёшь? — спросила она… — Чего-нибудь выпить. У меня есть кофе и горячий шоколад. А вот с алкоголем у меня туго….

— Горячий шоколад самое то. — И воды из крана было бы достаточно. — Только если у тебя есть маленькие зефирки.

Пироженка широко улыбнулась, чем развеселила меня. — Есть.

— Тогда показывай дорогу, милая.

Она пошла на кухню, а я направился в гостиную. Эвери присоединилась ко мне на диване с двумя чашками горячего шоколада. Она скинула сапоги и села, спрятав ноги под себя. Я никогда не видел ничего более милого. Никогда.

— Спасибо. — Я взял одну чашку, наблюдая, как из нее идет пар. — У меня есть вопрос.

— Хорошо.

Маленькая зефиринка коснулась моих губ, и я сделал глоток. — Итак, основываясь на опыте первого свидания, пойдёшь на второе?

Она слегка улыбнулась. — Вообще на второе?

— Да.

— Ну, первое было очень хорошим. Если второе будет таким же,

тогда думаю, да.

Я присмотрелся к ней. — С кем угодно или…?

Она опустила ресницы. — Не с кем угодно.

— Так это должен быть кто-то конкретный? — спросил я.

— Думаю, да.

— Интересненько. — Когда она посмотрела на меня, ее взгляд был мягким и бесконечным. — Этому, кому-то конкретному, придется ждать еще два месяца, если он пригласит тебя?

Её улыбка была видна из-за кружки, прислонённой к губам. — В зависимости…

— От чего?

— … от моего настроения.

Я рассмеялся. — Готовься.

— Хорошо.

— Я приглашу тебя, но не на ужин, не люблю однообразие. Мы пойдём в кино.

Она постучала пальцем по щеке. — В кино?

Но это будет «драйв-ин» [4], их остались единицы.

— На улице? — Волнение промелькнуло в ее глазах.

— Ага. Не переживай. Я тебя согрею.

Она кивнула головой, улыбаясь. — Хорошо.

— Согласна на кино?

Закусив нижнюю губу, она кивнула.

Подождите-ка. Что? Вот так просто? — Серьезно, мне не придется ждать ещё два месяца?

Она отрицательно помахала головой.

Я засмеялся себе под нос, зная, что самое трудное впереди. — Хорошо. Как насчёт среды?

— Следующей среды? — спросила она.

— Неа.

Она облокотилась о спинку дивана. — В эту среду?

— Ага.

Она нахмурилась. — Подожди. Это же будет среда перед Днем Благодарения.

— Так и есть.

— Кэм, ты же домой едешь.

— Еду.

— Когда? — спросила она. — После кино, посреди ночи или в четверг утром?

— Видишь ли, кинотеатр «драйв-ин» находится в моем родном городе. Всего в десяти километрах от моего дома.

Эвери уставилась на меня широко открытыми глазами. — Ничего не понимаю.

Допив остатки шоколада, я отставил кружку в сторону и подвинулся ближе к Эвери. — Если ты согласна на это свидание со мной, тебе придется поехать со мной домой.

— Чего? — Она крикнула так, что я чуть не оглох. — Поехать к тебе домой?

Чтобы не рассмеяться, я сжал губы и кивнул.

— Ты серьезно?

— Серьезней не придумаешь, — сказал я ей. — Поехали со мной. Будет весело.

— Поехать в дом твоих родителей? На День Благодарения? — Я кивнул, и она ударила меня по руке. — Не говори глупостей, Кэм.

— Без глупостей. Я серьезно. Мои родители будут не против. — Я вспомнил о разговоре с отцом. — Вообще-то, они, вероятно, будут рады увидеть кого-то кроме меня. А моя мама любит много готовить. Чем больше ртов, тем лучше.

Она продолжала смотреть на меня, разинув рот.

Плохой признак. — Мы сможем уехать в любое время, но не позже, чем в среду днем. Ты допила свой шоколад? — Я взял ее кружку, а она покачала головой. — И вернемся, когда захотим.

Эвери подождала, пока я допью и сказала: — Я не могу поехать с тобой.

— Почему?

— По сотне очевидных причин, Кэм. Твои родители подумают…

— Ничего они не подумают. — Это, скорее всего, была неправда, но ей этого знать не обязательно. Я вздохнул. — Ладно, подумай хорошенько. Это лучше, чем провести все праздники, сидя дома, одной. Что ты будешь делать? Книжки до дыр затирать?

И скучать по мне, а скучать ты будешь. А я буду большую часть времени строчить тебе эсэмэски и переживать из-за того, что ты дома, в полном одиночестве, и даже не можешь сходить в «Макдональдс», потому что они закрыты на День Благодарения.

— Не надо за меня переживать. Подумаешь. У меня с этим нет никаких проблем.

— Я не хочу, чтобы ты оставалась одна, а ты раздуваешь из мухи слона. *Друг* предлагает своему *другу* провести День Благодарения.

— *Друг*, который только что водил *друга* на свидание! — запротестовала она.

Я поставил кружку рядом с моей.

— Резонно. Взяв в руки подушку, она прижала ее к груди как щит. — Я не могу так. Ехать к твоей семье на праздники. Это слишком…

— Быстро?

— Да. — Она яростно кивнула. — Слишком быстро.

— Ну, тогда, не будем встречаться, потому что — да это будет слишком быстро.

Наклонив голову в сторону, она спросила:

— Чего-чего?

Я забрал у нее подушку и положил себе за спину.

— Мы с тобой — друзья, которые сходили на одно свидание. Может быть, на два, если ты поедешь со мной. Мы не встречаемся. Мы просто друзья. И поедем ко мне домой, как друзья.

— Ты несёшь какую-то чепуху.

— Я говорю разумные вещи. Мы даже не целовались, Эвери. Мы просто друзья.

У нее челюсть аж отвисла.

— Поехали со мной, Эвери. Обещаю, не будет никакой неловкости. Мои родители обрадуются тебе. Ты отлично проведешь время, и это будет намного лучше того, чем ты планировала заниматься, сидя дома. И от тебя ничего, абсолютно ничего не потребуется. Договорились?

Слово «нет» очень легко произносится, но она отвернулась в сторону и уставилась на пустые кружки на столике. Прошло несколько минут, и она повернулась ко мне, подымая свои ресницы. — Твои родители действительно не будут против?

Она не отказалось. Это был хороший знак. — Я и раньше друзей домой привозил.

— Девушек? — Когда я отрицательно покачал головой, она хлопнула в ладоши. — Твои родители действительно поверят, что мы просто друзья?

— С чего бы я стал говорить им, что мы не встречаемся, если бы на самом деле мы встречались? Если я скажу, что мы друзья, они так и подумают. — Наши взгляды встретились, и я затаил дыхание.

— Хорошо. Я поеду с тобой, — сказала она в спешке. — Но это безумная идея.

Мгновение я не мог думать ни о чём, кроме того, что она сказала «да». — Это отличная идея. — Раз она сегодня со всем соглашается… — Обнимемся?

Она нахмурилась. — Чего?

— Когда мы обнимемся, ты не сможешь уже отказаться.

Эвери закатила глаза. — Боже, ты серьезно?

— Очень серьезно.

Она проворчала, поднялась на колени и протянула руки. — Ладно, давай скрепим нашу сделку, пока я не передумала…

Я обнял ее за талию, и притянул ближе. Во время объятий её нога запуталась в моих. В считанные секунды, ее запах окружил меня. — Сделка заключена, милая. День Благодарения у

Гамильтонов.

Она пробормотала что-то бессвязное и подняла голову. Наши губы встретились, и понимание мелькнуло на ее лице. — Ты…

Я усмехнулся, и ее губы чуть приоткрылись. — Ловкий ход, правда? А я ведь просто на слове мог тебя словить.

— Ты заблуждаешься. — Её глаза заблестели, и она застыла в предвкушении.

— Я очень редко ошибаюсь. Должен тебе кое в чем признаться. — Опустив голову, я потерся губами о её гладкую, нежную щёку, ненадолго закрыв глаза от сладкого ощущения на моих губах. — Я тебе соврал.

— О чём?

Очень аккуратно, так, чтобы она не начала орать, я медленно опустил руки ниже талии. — Когда я сказал, что ты выглядишь отлично? Я был не совсем честен.

— На самом деле ты так не думал?

— Нет. — Я провел рукой по её позвоночнику и, остановившись чуть ниже ее волос, прижался своим виском к её. — Сегодня ты красивая.

Ее мягкое дыхание согревало меня. — Спасибо.

Целовать ее было, наверное, как испытывать судьбу, но она была так близко и не отстранялась. Я так долго ждал, чтобы попробовать на вкус её губы. Сердце билось как сумасшедшее, в венах закипала кровь.

Эвери напряглась, когда мои губы коснулись ее щеки, и положила руки на мои бицепсы. Когда я приблизился к её губам, я почти чувствовал вкус шоколада.

— Эвери?

— Что?

Мой пульс стучал в нескольких частях моего тела. — Тебя никогда еще не целовали?

— Нет, — прошептала она.

— Просто для ясности. Это не поцелуй.

Прежде чем она смогла ответить, я прижался к ее губам своими. Это едва ли можно было назвать поцелуем, так, приветственный чмок, но от разряда, который прошел по моему телу, у меня перехватило дыхание.

— Ты поцеловал меня. — Эвери сжала пальцами мои руки.

— Это был не поцелуй. — Она вздрогнула, когда мои губы скользнули по ее. — Помнишь? Если бы мы поцеловались, тогда твоя поездка ко мне домой могла бы означать что-то более серьезное.

— А, — вздохнула она. — Хорошо.

— Это тоже не поцелуй.

На этот раз поцелуй был настоящим. Я следовал по контуру её губ, пытался прочувствовать их. Они были мягкие, как я себе и представлял, идеально подходили моим. Когда она наклонилась, издав еле слышный стон, во мне проснулась похоть, подпитанная чем-то более глубоким.

Это был ее первый поцелуй… Я подарил ей ее первый поцелуй. Этого у нас никто не сможет забрать. И не важно, что случиться через неделю или через месяц, этот поцелуй всегда будет только нашим. Первобытная мужская гордость взяла свое.

Ближе — я хотел быть ближе к ней, чувствовать её тело под моим. Я положил её на спину, не отрываясь от её губ. Она целовала меня в ответ, просто, немного неуклюже, но эта простота была чертовски сексуальна.

Из моей груди вырвался чувственный звук, и я всем телом хотел, чтобы этот поцелуй стал более глубоким, но я себя сдерживал, уговаривая ее раскрыть губы. Она вздрогнула подо мной, и я затрясся от этой нужды, которой никогда не испытывал раньше. Она разомкнула губы, и наши языки сплелись, делая поцелуй более страстным. Ее спина выгнулась, грудь коснулась моей, и тогда я понял, что пора бы сбавить обороты.

Оторваться от нее было самым тяжелым, что я делал за всю жизнь. Это казалось противоестественным, особенно, когда заканчивая поцелуй, я поймал зубами её нижнюю губу.

Мы оба тяжело дышали, глаза плохо видели. — Все ещё не поцелуй?

Облокотившись на спинку дивана, я поднял её. Я рассматривал её лицо, пытаясь углядеть хоть намёк на то, что ей не понравился поцелуй. Но увидел всё с точностью до наоборот. На щеках был румянец, в глазах читалось желание, а грудь поднималась и опускалась от учащенного дыхания.

Я потянулся к ней, обвёл пальцем её нижнюю губу и, наклонившись, сказал: — Нет, это был не поцелуй. — Я снова прильнул к её губам, глотая сладкое дыхание. — Это пожелание спокойной ночи.

Глава 16

— Девушку?

Я уставился в потолок моей спальни. — Да, мам, девушку.

Возникла пауза на другом конце телефона. — Леди?

— Да.

— Настоящую, живую женщину? — спросила она.

— Определенно не игрушечную или мертвую девушку?

Мама на меня шикнула. — Ты на самом деле привезёшь с собой девушку?

Я начал хмуриться. — Почему тебя это так удивляет?

— Ты никогда не привозил домой девушек, Кэмерон. Ты… подожди-ка. Милый! — Шорох прервал ее, а затем я услышал:

— Милый, Кэмерон привезет настоящую, живую девушку на День Благодарения! Можешь в это поверить?

— Нет. Не могу… что…?

— О, Боже, — простонал я, закрывая глаза. Может быть, это была плохая идея.

Теперь она сказала уже в трубку: — Твой отец спрашивает, не Эвери ли её зовут?

Я шлепнул ладонью по глазам. — Да, это она, но она просто подруга. Я серьезно, мам. Она просто подруга, так что не ведите себя как олухи, когда встретитесь с ней и начнете планировать нашу свадьбу.

— Это вроде как оскорбительно. — Обиделась она. — Я бы начала планировать вашу свадьбу, если бы ты привез ее домой на Рождество.

Я рассмеялся. — Я буду иметь это в виду.

После абсурдно потраченного времени впустую, убеждая маму, а затем папу, что Эвери действительно была просто другом, и чтобы они не доводили до греха и не заставляли меня придушить их, я

положил трубку и бросил ее на подушку рядом со мной.

На лице медленно начала появляться улыбка, когда я представил Пироженку дома с моими родителями.

Пронзительное хихиканье исходило из гостиной, смешиваясь с грубым, низким смехом Олли. Мне даже не пришлось догадываться, что там происходило.

Кряхтя, я выдернул подушку из-под головы и положил её на лицо, пытаясь заглушить звук. У меня итак была проблема с постоянным стояком. Мне не нужна была еще и любительская порнушка, происходящая в гостиной.

Со мной у нее был первый поцелуй.

Меня распирало от гордости, зародившейся в груди, и остальные части тела отреагировали точно так же, что совсем не помогало. После нашего свидания большую часть ночи я провёл со своей рукой.

И почти каждую ночь после него. И то, что я находился рядом с ней, не упрощало ситуацию, но я не мог держаться от нее подальше. Одна мысль, что я не смогу поцеловать ее сводила меня с ума.

Как только шум в гостиной немного утих, я убрал подушку с лица. Я очень надеялся, что чем бы он там не занимался и с кем бы он это не делал, происходило не на диване.

Мне еще сидеть на этой штуке.

Повернувшись на бок, я взял в руки телефон. Я говорил себе не делать этого, так как увижу ее завтра, когда мы будем выезжать, но не выдержал и написал ей.

«Привет.»

Ответ пришел почти сразу же.

«Приветик.»

Я улыбнулся.

«Что делаешь?»

«Читаю твою смс-ку.»

Спустя минуту пришло еще одно эсэмэс.

«А еще читаю историю.»

Я рассмеялся.

«Заучка.»

«Кретин.»

Переворачиваясь на спину, я отправил ей еще одно эсэмэс.

«Признайся.»

«В чем признаться?»

«Что ты взволнована насчет завтра.»

Прошло около минуты, и я выпрямился, нахмурившись. Наконец пришел ответ.

«Взволнована.»

«Быстро же ты.»

Я отправил ей ответ. К моему стыду.

«ЛОЛ. Прости. Решила тебя помучить.»

Качая головой, я слез с кровати и подошел к двери, выглядывая наружу. В гостиной было темно, но не пусто. Два тела были переплетены на импровизированной постели из подушек и одеял. Кривляясь, я прокрался мимо них.

Я послал ей еще одно эсэмэс.

«Тук-тук.»

По моей голой груди пробежали мурашки, когда я выскользнул в коридор. Мой телефон зазвенел, и я взглянул на него. Я вздохнул.

«Кто там?»

Улыбаясь как идиот, я поспешил к ее двери и постучал.

Десять секунд спустя дверь распахнулась. Эвери стояла с телефоном в правой руке. Она открыла рот, потом закрыла, и поджала свои губки.

Я перегнулся через дверной проем, бесстыже улыбаясь. Её взгляд сместился на мой пресс, а потом на грудь, остановившись на татуировке солнца.

— Привет, детка…

Она расхохоталась и сделала шаг назад.

— Ты… О, Боже.

— Я чертовски сексуален, знаю. В любом случае, есть кое-что еще, в чем я хочу, чтобы ты призналась.

Она смотрела на меня, завернувшись в свитер, и соединив ножки одетые в носки.

— Ты не замерз?

— Я слишком горяч, чтобы мерзнуть.

Она закатила глаза.

— В чем я должна признаться?

Я улыбнулся и, быстро двигаясь, метнулся вперед. Ее грудь резко приподнялась, а губы приоткрылись, словно в ожидании поцелуя. Когда я приблизился, то увидел, как ее ресницы опустились, и меня захлестнул голод.

Но я не поцеловал ее в губы. Черт, в тот момент, я хотел этого больше всего на свете, но знал, что должен продвигаться медленно с моей маленькой Пироженкой.

Поэтому, я поцеловал кончик ее носа.

Эвери отшатнулась назад, открыв глаза, и на ее лице появилась широченная улыбка. У нее вырвался нежный, легкий смешок, и я знал, что готов на уйму ужасных вещей, лишь бы услышать его снова.

— Признай, — произнес я хриплым голосом. — Ты наслаждаешься этим.

У нее в глазах плясали чертики, а щеки раскраснелись, она

наклонила голову на бок и призналась:

— Так и есть.

Только вернувшись в постель, я осознал, что браслета, который она постоянно носила на левом запястье, не было.

Смеющаяся девушка из прошлой ночи сегодня пропала. Последний час нашего путешествия она грызла ногти так долго, что мне стало интересно, как она вообще их не сгрызла.

— Ты уверен, что родители не против? — спросила она в сотый раз, а я кивнул также в сотый раз. — И ты на самом деле им позвонил и спросил, да?

Улавливая ее боковым взглядом, я не мог удержаться и поддразнивал ее. — Нет.

— Кэм! — взвизгнула она.

Я рассмеялся. — Я шучу. Расслабься, Эвери. Я сказал им на следующий же день после того, как ты согласилась поехать. Они знают, что ты приезжаешь и рады, что познакомятся с тобой.

Она посмотрела на меня и начала снова грызть ноготь на большом пальце. — Это было не смешно.

— Нет, смешно.

— Идиот, — пробормотала она.

— Заучка.

Уголок ее губ приподнялся. — Засранец.

Я присвистнул. — Это оскорбление. Продолжай в том же духе, и я разверну машину в обратном направлении.

— Похоже на отличную идею.

— Ты будешь разбита и вся в слезах. — Я дотянулся и убрал ее руку ото рта. — Перестань.

— Прости. Вредная привычка.

— Так и есть. — Я переплел наши пальцы и положил сплетенные руки на свое бедро, удерживая их там.

Чтобы ее отвлечь я завел разговор о выступление сестры,

которое будет сегодня. Терезы не будет дома до завтрашнего утра. Смена темы похоже сработала. По правде говоря, когда мы оказались на узких улочках моего родного города, я занервничал.

Я не приводил девушку домой со времен школы, и честно, те случаи не в счет. То было совсем другое.

Я взглянул на Эвери, когда мы остановились на красный. Она смотрела на флаг Университета Западной Вирджинии развивающийся на ветру, ее рука все еще была переплетена с моей.

— Ты зависла? — спросил я, сжимая ее руку.

— Агась. — Она сжала мою руку в ответ.

Во рту пересохло, когда я выехал на частную дорогу, ведущую к дому. Я наблюдал за ее реакцией краем глаза.

Её глаза расширились, когда она освободив свою руку, отклонилась назад. Мама уже развесила некоторые рождественские украшения. Большие зеленые венки висели на передней двери и на окнах на втором и третьем этаже.

Я припарковался рядом с гаражом и повернулся лицом к Эвери, слегка улыбаясь. — Готова?

На ее лице промелькнула тень сомнения, пробуждая во мне страх, что она убежит в лес, но потом она кивнула и вылезла из машины. Когда она потянулась за своей сумкой, я взял ее.

— Я могу ее понести, — возразила она.

Я взглянул на сумку, перекинутую через мое плечо. — Я понесу ее. К тому же, я думаю, розово-голубой цветочный принт потрясающе на мне смотрится.

Она нервно засмеялась. — Она подчеркивает твои достоинства.

— Так и думал. — Я подождал пока Пироженка дойдет до меня, и мы направились по тропинке. Прошли по закрытому дворику мимо плетеной мебели, которую папа еще не убрал. От одного взгляда на Эвери я дрогнул. — Такое ощущение, что у тебя сейчас сердечный приступ случится?

— Все настолько плохо?

— Близко к этому. — Подойдя к ней поближе, я заправил ей за ухо прядь волос, уловив ее взгляд. — У тебя нет причин для

волнения. Я обещаю.

Ее взгляд переместился от моих глаз к губам. — Хорошо.

Было сложно противостоять сильному желанию прильнуть к ее губам и почувствовать сладость, присущую только ей, но я смог. Поворачиваясь, я открыл дверь и почувствовал яблочный аромат. У меня забурчал живот. Лучше бы это был пирог.

Я провел испуганную Эвери между столами для бильярда и аэрохоккея до лестницы. Она осматривала всё, не пропуская ни одной вещи. Я словил себя на мысли, что надеялся, ей понравится увиденное, что странно, потому что здесь не было ничего моего.

— Это мужское логово, — объяснил я ей, ведя ее к лестнице. — Папа проводит здесь много времени. За этим столом он надрал мне задницу в покер.

У нее на губах появилась легкая улыбка. — Мне здесь нравится.

— Как и мне. — Я замешкался у подножья лестницы. — Мама и папа, наверное, наверху…

Она кивнула, отступив назад, молча следуя за мной вверх по лестнице и через гостиную.

На журнальном столике лежала кипа журналов. Похоже, к Терезе приходили подружки.

— Гостиная, — сказал я, проходя через арку. — А это вторая гостиная или комната, в которой никто не сидит. Даже не знаю, как ее правильно назвать. А вот столовая, которой мы никогда не пользуемся, но она имеется…

— Мы пользуемся столовой! — крикнула мама. — Раз или два в год, когда у нас гости.

— И даже праздничный сервиз достаем, — сказал я, кинув быстрый взгляд на Эвери.

Она остановилась рядом с журнальным столиком, лицо у неё было бледное. Я развернулся, мне так хотелось ей как-то помочь, но я не был уверен как, а потом мама вошла в комнату, убирая прядь волос обратно в хвост.

Мама подлетела ко мне, и прежде чем я успел шевельнуться, заключила меня в объятия. — Я даже не знаю, где праздничный

сервиз, Кэмерон.

Я рассмеялся. — Где бы он ни был, скорее всего, он прячется от бумажных тарелок.

Мама засмеялась и отпрянула, держась за мои плечи. — Хорошо, что ты дома. Твой отец начал действовать мне на нервы со всеми этими разговорами об охоте. — Она посмотрела на Эвери и расплылась в еще большей улыбке. — А это, должно быть, Эвери?

— О, Боже, нет, — сказал я. — Это Кенди, мам.

Ее щеки порозовели, когда она отступила назад, роняя руки. — Я…

— Я Эвери, — сказала Пироженка, посылая мне испепеляющий взгляд, пробудивший во мне желание поцеловать ее. — Все правильно.

Мама повернулась, шлепнув меня по руке. Кожа загорелась. — Кэмерон! Боже, я подумала… — И она снова ударила меня по руке, а я засмеялся. — Ты ужасен. — Качая головой, она повернулась к Эвери. — Должно быть ты терпеливая молодая леди, раз смогла пережить поездку с этим тупицей.

Эвери прищурилась, и из неё вырвался смех. Конечно, она смеялась над этим. — Все было не так плохо.

— О. — Мама посмотрела на меня через плечо. — И у неё хорошие манеры. Все нормально. Я знаю, мой сын… Чудак. Кстати, можешь называть меня Дэни. Все меня так зовут.

Мама обняла Пироженку до того, как бедная девушка успела предвидеть это и, не знаю почему, но при виде их вместе что-то странное произошло у меня в груди. Сердце забилось, когда Эвери похоже расслабилась, обнимая мою маму.

— Спасибо, что позволили мне приехать, — сказала Пироженка.

— Без проблем. Нам нравиться проводить время в компании. Пойдём, познакомимся с мужчиной, считающим себя моей второй половинкой. И, боже праведный, я заранее извиняюсь, если он заведет с тобой разговор о том, сколько оленей он планирует подстрелить в эти выходные.

Я наблюдал за тем, как мама уводит ее, показывая Пироженке дом, и моё сердце не переставало бешено колотиться.

Пироженка посмотрела на меня через плечо, наши взгляды встретились, и она улыбнулась. Я подмигнул ей и…

Она улыбнулась ещё шире.

Глава 17

Поначалу наблюдать за Эвери и моей сестрой было как-то мучительно. Пироженка была невыносимо застенчива, а моя сестрица, дурища такая, подключала ее к каждому разговору и надоедала расспросами. Но в конце концов Эвери расслабилась, разговаривая с Терезой о танцах, и даже вызвалась помочь моей сестре накрыть на стол.

Как только мы с папой остались одни, он повернулся ко мне в кресле, слегка улыбаясь. — Она хорошая девочка, Кэмерон.

— Я знаю.

— Она очень хорошая девочка.

Я мельком взглянул на него, подняв брови.

— Я *знаю*.

Папа смотрел на меня внимательно, все еще странно улыбаясь. — Так она сходила с тобой на свидание?

У меня дернулись губы. — А ты как думаешь?

— Я думаю, что знаю ответ. — Папа запрокинул голову назад. — Вы встречаетесь?

— Нет. Я сказал вам с мамой правду. Она не моя девушка. — Я замолчал, думая о разговоре, который я подслушал сегодня утром между мамой и Эвери. Когда я *привезу* её домой на Рождество, она уже *будет* моей девушкой. — Пока что.

Папа выглядел так, будто собирался рассмеяться, но не сделал этого. Открыв глаза, он повернул голову и пристально посмотрел на меня. — Ты рассказал ей о том, что случилось?

У меня свело живот. Я знал, о чем он, но не ответил.

Папа вздохнул. — Парень, ты знаешь, как я отношусь к произошедшему. Обязательно ли было это делать? Нет. Но если бы ты этого не сделал, сделал бы я. Ты должен ей рассказать, если у тебя серьезные намерения. Секреты… ну, иногда они необходимы, а иногда обрубают на корню то, что еще даже не успело начаться. Ты понимаешь меня?

Я кивнул, но как только увидел, что Эвери с моей сестрой исчезли, в животе опять образовался этот проклятый узел. Я знал, что я не один тут с секретами.

Еще чуть-чуть, и я собирался забрать телефон у сестры и выбросить его, куда подальше от праздничного стола. Я положил на тарелку еще батата [5].

— Кому ты там эсэмэски строчишь?

Тереза ухмыльнулась.

— Не твоего ума дело.

Я поднял бровь.

— Я твой брат, так что это мое дело. Маам… — Я сделал паузу, посмотрев через стол. — Скажи *своей* дочери, что очень грубо эсэмэситься за столом.

Мама кинула на меня сухой взгляд.

— Это никому не мешает.

Да уж, помогла. Я задел Пироженку коленом, и уже не в первый раз.

— Из-за этого страдает моя душа, — пробормотала я ей.

Эвери закатила глаза и стукнула меня в ответ.

— Печальненько. — Тереза положила телефон себе на колени. — Итак, Эвери, как ты оказалась в Западной Вирджинии?

Она засунула ложку в картофельное пюре. — Захотелось перемен в жизни. Моя семья родом из Огайо, так что Западная Вирджиния самое то.

— По правде говоря, я бы выбрала Нью-Йорк или Флориду или Вирджинию, или Мэриленд или… — Её телефон пискнул, и она тут же схватила его.

Я прищурил глаза, пихнув коленку Эвери. Сгорая от интереса, с кем же переписывается моя сестра, я сделал вид, что тянусь за индейкой и выхватил телефон.

— Эй! — вскрикнула Тереза. — Отдай! Игнорируя ее размахивающие руки, я наклонился к Эвери и посмотрел на экран.

Мерфи? Какого хрена? — Кто такой Мерфи?

— Это не твоё дело! Боже. — Тереза попыталась отобрать телефон. — Отдай обратно мой телефон.

— Я его верну, когда скажешь кто такой Мерфи. Твой парень?

Покрасневшие щеки говорили сами за себя. Согласен, я не ждал, что моя сестренка останется навсегда одинокой, но она никого не воспринимала всерьёз со времён этого урода.

Она откинулась назад на спинку стула, складывая руки. — Мам.

— Кэм, верни ей телефон, — приказала она, а когда я не отреагировал, ее улыбка стала более натянутой, что было для неё не свойственно. — Мы встречали Мерфи. Он очень хороший мальчик.

Я был почти уверен, что тоже самое все говорили об этом уроде.

— Он очень милый, и мне он нравится, — быстро выставила Тереза.

Я фыркнул. — Это еще ни о чем не говорит…

— Он не Джереми, — вмешался папа. — Отдай ей телефон.

Эвери уткнулась в свою тарелку, и когда ее рука приземлилась мне на бедро, я тут же забыл об Уроде Джереми и телефоне Терезы.

Ее рука лежала у меня на бедре, так близко к тому месту, где я хотел, чтобы она оказалась, и в тот момент, думайте обо мне что хотите, мне было все равно, что это был праздничный ужин. Если она поднимет руку чуть выше… Эвери выхватила телефон из моих рук.

Чёрт возьми. — Эй, так не честно.

Она ухмыльнулась и, протянув руку за моей спиной, отдала телефон обратно Терезе. — Прости.

— Спасибо, — поблагодарила она, улыбаясь Пироженке, как будто та была спасительницей телефонов.

Я взглянул на нее очень обещающе прежде чем повернуться к Терезе. — Я хочу встретиться с этим Мерфи.

Сестра простонала, но уступила. — Хорошо. Дай мне знать когда.

Не имею понятия, что подумала Пироженка, и я знал ещё до того как тема была снова затронута, что вся эта ситуация была для неё

странной. Я думал над словами папы о секретах, и сегодня была куча моментов, когда можно было рассказать, но ни один из них не казался подходящим.

Как объяснить девушке, с которой потребовались месяцы, чтобы уговорить ее на свидание, что ты избил подростка до комы? Это не та тема, которую поднимают во время ужина.

Но папа был прав. Мне нужно ей рассказать.

Я должен.

Когда в тот вечер я вышел из спальни, направляясь к Эвери, я был полон решимости поговорить с ней. Я чувствовал себя как перед матчем, когда играл в футбол, как раз перед началом, сердце опускалось куда-то между коленями и задницей.

Тихонько закрывая за собой дверь спальни, как мышь в канун Рождества, я аж подпрыгнул, когда услышал свое имя.

— Кэм, — прошептала Тереза, высовывая голову из своей двери вниз по коридору. — Найдётся минутка?

— Конечно. — Я взглянул на дверь Пироженки и заставил себя уйти от неё. — Что случилось?

— Я просто хочу сказать, что Мерфи на самом деле не мой парень, — сказала Тереза, сложив руки на животе. — Он просто хороший друг, мы сходили на пару свиданий, и ничего такого.

Мне аж легче стало. Я хотел, чтобы Тереза подождала до тридцати и научилась заряжать пистолет, прежде чем снова начать с кем-то встречаться. — Рад это слышать.

Она кивнула, тихонько вздохнув. — Но если ты все равно хочешь с ним встретиться, я могу это устроить.

— С удовольствием. — Можно и в «хорошего друга» вселить немного страха.

Она развернулась на одетых в носочки пятачках и посмотрела на меня. — Мне очень понравилась Эвери, кстати. Она такая милая и красивая. И умная, что заставляет задуматься, почему она здесь с тобой. — Быстрая улыбка промелькнула на ее лице. — Она мне нравиться.

Смена темы насторожила меня. — Так и есть. Я рад, что она тебе понравилась.

— Ну, мое одобрение у нее есть. — Тереза шагнула обратно в спальню и остановилась. Было впечатление, что она хотела что-то сказать, но покачала головой и произнесла: — Спокойной ночи.

Я подождал и убедился, что моя маленькая сестрёнка не застукает меня, пробирающимся в комнату к Пироженке. Я как можно тише постучал в дверь и приоткрыл ее.

Все мои планы о ночном излитии души канули в лету. Упираясь на локти, Эвери Моргенстен была усладой для глаз. Ее волосы свисали на плечи, а голова наклонена в сторону. Она меня одарила таким озорным взглядом — немного соблазнительным, немного наивным. Я знаю, что она не знала насколько была красива, лежа там, и это делало её еще более сексуальной.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — еле слышно поздоровалась она.

— Я хотел пожелать тебе спокойной ночи. — Это была неправда, но я не смог вспомнить, почему прокрался к ней, кроме того, что хотел ее увидеть.

Она крепко сжала покрывало. — Ты уже пожелал мне спокойной ночи.

— Пожелал. — Я проскользнул в комнату, закрывая за собой дверь. Меня тянуло к ней как магнитом. — Но и не пожелал. Не так, как хотел.

Ее мягкий вздох был моей погибелью, но подойдя к её кровати и сев рядом, я знал, что всегда растекаюсь рядом с ней. А она об этом даже не догадывалась.

Мой взгляд сместился с её запрокинутого лица, её раскрасневшихся щек и приоткрытых губ на мягкие набухлости под её тоненькой рубашкой. — Я рад, что ты решила приехать сюда.

Ее глаза были невероятно широко открыты, когда они встретились с моими. — Да, я тоже.

— Серьезно? — я наклонился, ложа руку ей на бедро. — Ты только что в этом призналась?

Она улыбнулась. — Да, вроде того.

Моё тело следовало зову этой едва уловимой улыбки, притягивая меня к ней, пока оно не нависло над ее. — Как бы мне хотелось, чтобы у меня с собой был телефон запечатлеть этот момент.

Ее грудь резко взметнулась, и она посмотрела мне в глаза. — Я… прекрасно провела время.

— Как и я. — Я сделал вздох, который мне был нужен. — Так чем думаешь заняться на зимних каникулах?

Она облизала нижнюю губу, и меня пронзило дикое желание. — Не знаю. Думала, может в Вашингтон махнуть на денёк. Хочу посмотреть Смитсоновский институт [6] и Эспланаду [7]. Никогда там не была.

— Это должно быть весело. — В моем воображение пронеслось еще много чего веселого. — Я могу быть твоим гидом.

Она усмехнулась. — Это… было бы здорово.

— Так и будет. — Неосознанно, я придвинулся так близко, что моё дыхание подразнивало ее разгоряченные щеки. — Выбери день.

— Прямо сейчас?

— Почему бы и нет.

— Второго января, — моментально ответила она и, по какой-то причине, покраснела еще сильнее. — Будешь свободен?

Я улыбнулся. — Я в твоем распоряжении в любое время. — Мое сердце ушло в пятки, когда она ослепительно улыбнулась. Я знал, что пришел сюда не для этого, но я собирался поцеловать ее. И ничто бы меня не остановило. — Знаешь что, Эвери?

— Что?

— Помнишь, как ты только что сказала, что хорошо провела время? — Я приподнял голову так, что мои губы скользнули по ее. — Скоро все станет ещё лучше.

— Правда? — прошептала она.

Мой нос слегка коснулся ее. — О, да.

— Ты собираешься снова меня не поцеловать?

— Именно это я и собираюсь сделать.

Длинные ресницы опустились, когда мои губы коснулись ее. Это был настолько нежный поцелуй, но он словно вскипятил мою кровь. Облокотившись на одну руку, пальцами свободной я пробежал по ее щеке, поцелуем коснулся сначала одного уголка ее губ, а потом другого.

Пробегая рукой по задней части ее шеи, я попробовал на вкус кожу ее подбородка и местечка за ухом. Ликование пробежало по моему телу, когда она задрожала. Когда я снова припал губами к точке за ухом, быстро пробежав языком, она издала звук, который унес все мысли из моей головы.

— Спокойной ночи, Эвери.

Я целовал ее, прижавшись губами, прикасался к поверхности ее рта, пока она его не открыла, позволяя войти. Вкус ее кожи разжег во мне огонь, но ощущение ее теплого ротика распалило пламя. Я не мог насладиться ее губами, поцелуями или мягкими, придыхательными звуками, которые она издавала.

Я застонал, убирая руку из-под нее и укладывая на спину. Ее тело мгновенно напряглось, и я знал, что должен снизить обороты. Меньше всего я хотел испугать ее.

Боже, это было последнее, чего я желал.

Прикоснувшись к ее щеке, я нежно целовал ее, пока ее тело не расслабилось под моим, а потом, к моему огромному удивлению, ее маленькая ручка оказалась под моей футболкой, прижимаясь к голой коже моего пресса.

Словно тебя пытаются запечатлеть в памяти.

Жар бушевал в моих венах, и тело поддалось рефлексам. Я выдохнул. Она хотела прикоснуться ко мне? Черт возьми, она могла прикоснуться ко мне. Я отстранился, нагнулся и снял с себя футболку.

Эвери приоткрыла рот и взглядом провела по моей груди, татуировке и спустилась ниже. Это было похоже на прикосновение, но лучше. Мое тело горело, так хотело почувствовать ее.

Я стянул вниз одеяло и положил руки по обе стороны ее головы, запутавшись у неё в волосах. Мной завладел первобытный инстинкт, когда ее руки оказались в нижней части моего живота. Все моё тело

напряглось.

Я прижался к ней лбом.

— Ты не представляешь, что делаешь со мной.

Она издала глубокий вздох, и я лег на нее всем телом. Ощущение ее мягкости подо мной заставило мой пульс колотиться, как будто я бежал милю по песку. Я стиснул зубы, когда она, заерзав, раздвинула свои ноги, позволяя нашим телам встретиться.

— Чёрт, — прорычал я, когда меня до кончиков пальцев пронзила дрожь. Заключив её губы в обжигающий поцелуй, я медленно переместил свои бёдра между её ног. Вот так да, удовольствие пробежало по моей спине. Я хотел проникнуть в неё, полностью растворившись в ней. Она вонзила в мои бедра пальцы, когда я сделал еще один толчок. Рука спускалась вдоль её шеи, касаясь набухших грудей, скользнула ниже. Я положил ее ногу на свое бедро, все теснее прижимаясь к ней. Наши тела двигались в одном ритме, и ее сладкий, тихий стон, отозвался эхом в моих мыслях.

— Мне нравится этот звук. — Я двигал бедрами вперед, и она застонала снова. — Поправочка. Я без ума от этого звука.

Не знаю, что в ней было такого, может, всё, но мне никогда раньше не было так *хорошо*, я ни с кем не испытывал такой остроты и глубины. Даже в мой первый раз, когда я у меня было такое чувство, как будто я спрыгнул со стоэтажного здания.

Мои пальцы переплелись с её, в то время как наши языки сплелись, почти доводя меня до того состояния, когда я подумал, что могу опозориться. Даже зная это, я не мог остановиться. Рукой я скользнул под рукав рубашки, по более нежной коже и…

Рука замерла, когда мои пальцы нащупали огрубевший участок кожи. Часть моего мозга всё ещё была ниже пояса, но другая часть отрезвила меня. Я провел по этому участку кожи пальцем, понимая, что там образуется тонкая горизонтальная линия в центре ее запястья — запястья, на котором она всегда носила браслет.

Нет. Этого не может быть.

Мое сердце буквально остановилось, когда я поднял голову, неотрывно глядя в ее рассеянный взгляд.

— Кэм? — сказала она тихо, извиваясь подо мной.

Я повернул её руку и посмотрел. Сомнений быть не могло — глубокий горизонтальный шрам был у нее на вене. Мой палец водил по порезу, и я понял… о, Боже, этот порез… должно быть серьезный.

Боль образовалась в моей груди, разливаясь по венам. Мышцы напряглись и образовались комки. Я хотел стереть этот шрам, стереть причину его появления, потому что *знал*, что она это с собой сделала.

— Эвери…. — Мой взгляд переместился к ее, я стал осознавать. Я едва мог дышать. — О, Эвери, что это?

Через пару мгновений, когда она пристально смотрела на меня, кровь отхлынула от ее лица, а потом она высвободила руку. Она выбралась из под меня, одергивая вниз рукав с такой силой, что мне показалась она оторвет его.

— Эвери… — Я сделал движение в ее сторону, дотягиваясь до неё.

— Пожалуйста, — прошептала она, отползая на край кровати. — Пожалуйста, уйди.

Чувствуя боль в животе, я убрал руку. — Эвери, поговори со мной.

Все ее тело задрожало, когда она покачала головой.

— Эвери…

— Уйди! — Она спрыгнула с кровати, шагнув назад, словно раненное, запертое в клетке животное. — Просто уйди.

Все инстинкты кричали мне не уходить, но ее дикий, испуганный взгляд, я был не в силах выдержать. Я подошёл к двери и остановился, попытавшись ещё раз. — Эвери, мы можем поговорить.

Уйди. — Ее голос надломился. — Пожалуйста.

Мышцы спины напряглись от звука ее сломленного голоса. Я сделал то, что она попросила. Не потому что хотел, а потому, что она так хотела.

Я ушёл.

Глава 18

Как только я понял, что Эвери больше никогда не придет на астрономию, я буквально не мог поверить в это. Но это было так. После того, как в пятницу после Дня Благодарения мы уехали из дома моих родителей, я не слышал от нее ни слова. Она не отвечала ни на звонки, ни на эсэмэски. Когда я стучался в дверь, никогда не отвечали, хотя ее машина была на стоянке.

Она даже для воскресного омлета дверь не открывала.

Когда выходные снова наступили, а в следующий понедельник Эвери снова не появилась на астрономии, я знал, что она взяла «неполный курс».

Гребаный «неполный курс».

Это было *безумием* с ее стороны зайти так далеко, чтобы избежать общения со мной, и ради чего? Потому что я увидел шрам? Я не понимал, а я не был глуп. Она была явно смущена и пошла на многое, чтобы скрыть шрам, но он не был свежим. Она сделала это много лет назад, так почему же сейчас прячет его от меня?

Я разговаривал с Бриттани, и даже Джейкобом, так как Эвери не пришла в «Логово» на обед. Ни один из них не знал, что, черт подери, происходит с Эвери. Я не упомянул о шраме. Никогда бы не сделал этого, но надеялся, что они хоть что-то знают. Но нет.

Это сводило меня с ума — тишина и замешательство. И чем дольше это продолжалось, тем больше, казалось, кислоты скапливалось в желудке, и боль в груди становилась все сильнее.

Я караулил у ее двери, мало что мог предпринять, но был настроен поговорить с ней. И это произошло в последний день экзаменов, перед началом зимних каникул. Как настоящий преследователь, я пялился в окно, ожидая Олли с пиццей, когда увидел, как она идет через парковку с полными пакетами в руках.

Когда я услышал мягкие шаги снаружи в коридоре, я открыл дверь. Эвери стояла напротив своей двери, волосы собраны в небрежный хвост, а плечи опущены под тяжестью пакетов. В мыслях даже сомнений не закрадывалось, что она пыталась незаметно проскочить в дверь до того, как я смог бы ее увидеть.

Это ранило.

И это чертовски меня разозлило.

— Эвери.

Ее спина напряглась, словно ее вели на расстрел. Она не обернулась и не обратилась ко мне, и когда мой взгляд устремился к ней, я смог разглядеть порозовевшие от тяжести пакетов пальцы. Гнев немного отступил.

Я вздохнул. — Позволь мне тебе помочь.

— Я сама справляюсь.

— Не похоже. — Я подошел ближе. — Твои пальцы синеют.

— Все нормально.

Она направилась в квартиру, и я последовал за ней. Нет, твою мать. Она не отвяжется от меня так легко.

Я забрал у неё пакет, и она резко дернулась, словно прибывая в шоке. Она уронила сумку. Содержимое рассыпалось. — Черт, — выругалась она, наклоняясь.

Я присел на корточки, собирая предметы, которые на самом деле не видел. Она наклонила голову, подбирая кондиционер для волос, а потом подняла подбородок. Наши взгляды встретились. Тени пролегли под глазами, синяки, которых раньше не было. Она спала? Чем она занималась все это время? Скучала ли она также сильно по мне, как я по ней?

Эвери отвела взгляд, выхватив у меня пачку тампонов. — Если засмеешься, я вмажу тебе.

— Даже не думал смеяться.

Также я ничего больше не выпущу из рук, потому что я попаду в эту квартиру, и она поговорит со мной.

Похоже, осознавая, что не избавится от меня, она тяжело вздохнула, так, словно весь мир вот вот на нее обрушится, и пошла на кухню.

Она поставила пакеты на столешницу, вытаскивая их содержимое. — Ты не должен был помогать, но спасибо. Мне правда нужно…

— Ты правда думаешь, что избавишься от меня сейчас так просто, когда я уже здесь?

— Могу только надеяться. — Она закрыла дверь холодильника.

— Смешно. — Я наблюдал за тем, как она снова вернулась к столешнице. — Нам нужно поговорить.

Она сложила замороженные блюда, и снова пошла к холодильнику, прежде чем заговорить. — Нам не нужно разговаривать.

— Нет, нужно.

— Нет, не нужно. — Она ни разу на меня не взглянула. — И я занята. Как видишь, мне нужно разложить продукты…

— Хорошо, я могу помочь. Я сделал шаг, направляясь к столешнице. — И мы можем поговорить, пока я тебе помогаю.

— Мне не нужна твоя помощь.

— Ага, а я думаю — нужна.

Оставив дверь холодильника открытой, она повернулась ко мне. Она прищурилась, и пробежал холодный ветерок. — Что это еще значит?

Откуда это взялось? — Это значит не то, что ты думаешь, Эвери. Боже. Все, что я хочу — поговорить с тобой. Это все, что я пытался сделать.

— Ясно же, что я не хочу с тобой разговаривать, — рявкнула она, беря упаковку мяса для гамбургеров, и закидывая в морозилку. — А ты все ещё здесь.

Вот это да. От гнева стало покалывать кожу, я изо всех сил старался держать себя в руках. — Послушай, я понимаю, что ты не рада мне, но ты должна меня просветить, что же я такого сделал, что взбесило тебя настолько сильно, что ты не желаешь со мной разговаривать или даже…

— Ты ничего не сделал, Кэм! Я просто не хочу с тобой разговаривать. — Она отвернулась, направляясь к входной двери. — Ясно?

— Нет, не ясно. — Я последовал за ней в зал. — Люди так не ведут себя, Эвери. Они вот так запросто не бросают людей и не

прячутся от них. Если есть…

— Знаешь, как люди себя не ведут? — Она вздрогнула, и на мгновение замолчала. — Они не трезвонят постоянно и не домогаются людей, которые совершенно очевидно не хотят их видеть! Как насчет этого?

— Беспокою тебя? Это я делаю? — Я хрипло засмеялся, не в силах осознать, куда завел этот разговор. — Ты что, черт возьми, издеваешься? То, что я о тебе беспокоюсь, ты считаешь домогательством?

Она отступила назад, широко распахнув глаза. — Я не должна была так говорить. Ты не домогаешься меня. Я просто… — Она замолчала, положив руки на голову. — Не знаю.

Мое сердце подпрыгнуло, когда я на нее посмотрел. — Это все из-за того что я увидел, так? — Я показал на ее руку. — Эвери, ты можешь…

— Нет. — Ее правая рука сразу же обхватила браслет, словно она как-то могла спрятать то, что я уже видел. — Дело не в этом. Вообще ни в чем. Я просто не хочу этого.

Мое терпение таяло. — Чего?

— Вот этого! — Она закрыла глаза, а когда снова отрыла, они блестели. — Я не хочу этого делать.

Воздух покинул мои легкие, словно от удара. — Боже, женщина, я лишь пытаюсь поговорить с тобой!

Она медленно покачала головой. — Не о чем говорить, Кэм.

— Эвери, да ладно тебе… — Я начал идти к ней навстречу, но остановился, когда она попятилась назад, прочь от меня. На ее лице застыл наполовину страх, наполовину смятение, но именно страх вынудил меня остановиться.

Я не мог поверить в то, что видел. Не может быть, чтобы она боялась меня, но выражение ее лица, мне словно из ружья в сердце выстрелили.

Реакция убила меня. Я что, как-то причинил ей боль? Вопрос был кратким, когда он промелькнул в моих мыслях, и я знал ответ. Я не причинил ей боль.

Эвери опустила подбородок и отвела взгляд.

Мой терпение лопнуло. — Хорошо, знаешь что? Я не собираюсь больше унижаться здесь ради этого. Пошло все к черту.

Как только эти слова вырвались из моих уст, часть меня хотела забрать их обратно. Другая же часть хотела кричать их как можно громче. Я направился к двери, и затем остановился, ругаясь себе под нос. Сказанное мной заставило задуматься, не был ли я козлом отпущения.

— Слушай, на зимние каникулы я уеду домой. Буду ездить туда-сюда, так что если тебе что-нибудь понадобится… — Она продолжала все так же на меня смотреть, и я снова рассмеялся, понимая, что я только зря напрягаюсь. — Точно, тебе ничего не надо.

Я вышел в коридор, и мое тело как будто потребовало, чтобы я еще больше унизился. Я повернулся к ней. Эвери стояла на том же месте.

— Ты остаешься здесь, на все каникулы, одна? — спросил я. — Даже на Рождество?

Она молчала, сложив руки на груди.

Стиснув зубы, я пытался не наговорить много лишнего, что не помогло бы ситуации. Но это был конец. Я тогда это понял. Ничего бы не помогло в этой ситуации. И не то чтобы я не пробовал. В один момент Эвери была в моей жизни, а в следующий ее нет, как будто её в ней никогда и не было. Вот так всё было.

В груди образовался ком из боли, и она была такой ясной, настоящей. Слишком реальной. — Как знаешь, — сказал я хриплым голосом. — Счастливого Рождества, Эвери.

Никогда в жизни я не хотел так сильно уехать из дома и вернуться в свою квартиру, как на это Рождество. Обычно я оставался дома до начала весеннего семестра, но в этот раз у меня не получилось со всеми вопросами, роившимися в голове.

Где Эвери?

Как у нее дела?

Поехала ли она домой?

Они сотни раз приходили и уходили на протяжении всех каникул. У меня не было ответов, и каждый раз, когда я брал свой телефон, чтобы написать ей, я остановил себя. Она ясно дала понять, что не хочет иметь со мной ничего общего.

Что бы между нами не было, каким бы кратковременным это не было, всё было кончено.

После Нового Года мое настроение было где-то между хреновым и чертовски хреновым. Я упаковал свои вещи рано утром и уже направлялся к машине, когда за мной вышла Тереза.

Остановившись у машины, она закуталась в свитер от ветра, бушевавшего между домом и гаражом. Она смотрела на меня сонными глазами. — Уезжаешь, даже не попрощавшись?

Пожав плечами, я захлопнул пассажирскую дверь. — Не хотел будить родителей.

Она пропустила меня обойти машину спереди. — Раньше тебя это не останавливало.

Я ничего не ответил.

— Что с тобой, Кэм? — спросила она.

— Не знаю, о чем ты. — Я взглянул на нее. — Ты почему без обуви? На улице холодрыга.

— Шлепанцы — это обувь. — Она переступала с ноги на ногу, прижимая руки к телу. — И ты не ответил на мой вопрос. Сняв бейсболку, я засунул руки в волосы, а затем вернул кепку на место. Я открыл рот, и понятия не имел, что собирался сказать, но не смог из себя выдавить ни слова. Пустота внутри… Пустое, нездоровое чувство, образовалось и пульсировало с такой интенсивностью, что невозможно было его игнорировать.

Моя сестра посмотрела вверх, сощурившись от резкого, холодного солнца. — Это из-за Эвери, да? Ты вообще не говорил о ней. И мама действительно думала, что она приедет с тобой после…

— Я не хочу об этом говорить, — перебил её я. Она смотрела на меня широкими от удивления глазами. Последнее, о чём я хотел думать, что Эвери провела Рождество — Рождество, ради всего свято, — в одиночестве. Я не хотел жалеть её. Я не хотел вообще *ничего* чувствовать. — Слушай, прости. Я не хотел срываться на тебе.

Мне просто надо на учебу ехать.

— Зачем? — спросила она. — Занятия начнутся только через пару дней.

— Я знаю. — Я шагнул вперед, обнимая сестру. Мгновение она стояла не шевелясь, а потом обнял меня в ответ. Я отошел, открыл дверцу и, обернувшись через плечо, посмотрел на нее. — Скажи маме и папе, что я потом им позвоню или напишу.

Она помедлила с ответом, а затем кивнула. — С тобой же все будет хорошо? Правда?

Рассмеявшись, я сел в машину. Конечно, я же был в порядке. У нас с Эвери были не такие уж длительные отношения, и у меня были к ней не такие уж сильные чувства. Меня к ней влекло, потому что она *была* чем-то новым. Чем-то другим. Вот и все.

— Да, — ответил я, улыбнувшись так, что появилось какое-то странное ощущение на лице. — Я в порядке.

Тереза смотрела на меня, всем видом показывая, что ни капли мне не верит, да я и сам с трудом в это верил.

Я только вышел из душа и натянул на себя штаны, когда услышал стук в дверь. Зная, что это не Олли, потому что он был еще дома, я ожидал увидеть Джейса, когда открывал дверь.

На пороге стояла Бриттани, ее светлые волосы были стянуты сзади в короткий хвостик, а руки сложены вместе под подбородком. Похоже было, что я оторвал её от молитвы или еще чего.

— Привет, — поздоровался я, не в силах скрыть свое удивление. Мне стало интересно, откуда она знала, какая из квартир моя, но потом вспомнил, что она бывала здесь раньше с Олли, как и половина женского населения колледжа. — Что случилось?

Она прикусила нижнюю губу и повернула голову в сторону квартиры Эвери, у меня сжалось все внутри. Я знал, что Эвери была дома. Её машина неподвижно стояла около дома с самого моего приезда.

— Прости, что беспокою тебя, ты выглядишь… занятым. — Я поднял брови, когда её взгляд прошелся по моей голой груди. — Но мне нужна твоя помощь. Точнее, Эвери нужна твоя помощь.

Резкое покалывание распространилось вдоль задней части моей шеи, я шагнул вперед. — Что значит, Эвери нужна моя помощь?

— Она заболела. Думаю, у нее грипп, — в спешке объяснила она. — Она не отвечала на мои звонки, поэтому я приехала проверить ее и нашла без сознания на кухонном полу и…

— Что? — пройдя мимо нее, я направился к двери Эвери. — Ты скорую вызвала?

— Нет. — Бриттани поспешила за мной. — Это всего лишь грипп, и мне нужно принести ей лекарства, но я не могу затащить ее в кровать. Она слишком тяжелая. Так что я надеялась, что ты отнесёшь ее и, возможно…

Я её больше не слышал. Когда я вошел в квартиру, все мое внимание было направлено на Эвери. В воздухе витал запах болезни — очень сильный запах. Я увидел на полу ее босые ноги, одетые в джинсы.

Бросаясь в кухню, я сделал резкий вдох. Эвери лежала на боку в позе эмбриона, одной щекой прислонившись к полу. Темные, пропитанные потом волосы, прилипли к щеке. Ее трясло, и она тихонько стонала.

Меня охватила тревога.

Бриттани вздохнула. — Я её усадила, когда к тебе шла.

— Ты уверенна, что скорая не нужна? — спросил я, присаживаясь на одно колено. Аккуратно, я убрал пряди мокрых волос с ее лица. Ее ресницы дернулись, но глаза она не открыла.

— Я звонила маме — она медсестра. Она сказала, что Эвери поправится, как только спадет жар, и ей нужно много пить, но я должна сбегать за лекарствами.

— Я побуду с ней, пока тебя не будет.

Бриттани сказала что-то еще, но я ее не услышал. Когда я просовывал руку Эвери под спину, краем глаза заметил, как Бриттани взяла свою сумочку с дивана.

— Нет, — простонала она, выкручиваясь в сторону пола. — Прохладно… так хорошо….

— Знаю, но нельзя спать на полу. — Я поднял ее на руки,

содрогнувшись, когда ее горячая щека прислонилась к моей груди. Боже, она вся горела. Я повернулся, держа ее в своих объятиях, понимая, что Бриттани уже ушла.

Эвери пробормотала что-то, разворачивая свое лицо, но это было так тихо и невнятно, что я ничего не понял.

— Все хорошо, — сказал я ей, потому что не знал, что еще сказать. — Скоро ты поправишься.

Она не реагировала, когда я нес ее обратно в кровать. Уложив ее, я откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на рубашку, надетую на ней. Влажный материал прилипал к ее коже. На ней были подозрительные пятна, похожие на следы от рвоты, вызванной болезнью.

— Черт, — выругался я.

Я осмотрел комнату и нашел пижаму, сложенную на комоде. Взглянув на нее, я передумал.

Много раз, с тех пор как я встретил Эвери, я представлял, как раздеваю её. Эти фантазии не единожды не давали мне спать по ночам. И все ещё не дают, хоть я и знал, что этого никогда не случится, желание от этого никуда не делось.

Я в мгновении ока стянул с нее влажную одежду. Особенно учитывая, что она была в основном без сознания и не более чем мертвым грузом.

Я не подглядывал. Ну ладно. Возможно, я и увидел розовый кружевной лифчик, но увидел его я мимолетно и совершенно случайно.

Как только я её переодел в свежую одежду, то засунул её ноги под одеяло. И только тогда заметил браслет на руке, но я помнил, что она не спала с ним. Желая, чтобы ей было комфортно, я снял его с запястья и положил на тумбочку.

Я взял в ванной две мокрые тряпки и намочил их в холодной воде. Когда я вернулся, она не двигалась, но резко вдохнула, когда я прижал ткань к ее лбу.

Я не знаю, сколько прошло времени, но первая тряпочка прогрелась, и я заменил её на вторую. Эвери повернулась на бок, обняв рукой мою. Это ничего не значило, потому что у нее был жар,

и она бредила. Она не знала, что делает. Несколько раз она пробормотала что-то невнятное. В один момент, она улыбнулась, и в груди все сжалось.

— Я скучаю по этому, — сказал я хрипло.

Она подвинулась ближе, и я приложил мокрое полотенце к ее щеке. Когда улыбка исчезла с ее лица, напряжение в груди уменьшилось.

Бриттани вернулась, и мы вместе напоили Эвери лекарствами. Видок был тот еще. Больная Эвери превратилась в весьма неприятную Эвери.

— Я открою окно, чтобы проветрить комнату. Уберусь на кухне и прочее. — Бриттани зависла у двери. — Ты не обязан оставаться, если не хочешь.

Мне бы не следовало оставаться. Я сделал доброе дело за день, и если Эвери проснется и увидит меня здесь, она, наверное, обвинит меня, что я ее преследую. Прикусив щеку изнутри, когда она издала очередной вздох, я повернулся к ней. Она наморщила лоб под нагревшейся тряпкой. Ее тело было по-прежнему повернуто в мою сторону, и одна рука по-прежнему сжимала мою.

Поправляя тряпку, я знал, что никуда не пойду. — Я останусь.

Глава 19

Я узнал, что Эвери уже лучше только потому, что она зашла к нам. Я не был уверен в ее мотивах и не желал их выяснять. Я попросил Олли сказать ей, что меня нет. С серьезностью, которую он редко проявлял, он поинтересовался, всерьез ли я.

Я говорил серьезно.

Вечер, проведенный с ней, пока она болела, не пошел мне на пользу. Он только усугубил проблемы, с которыми я не хотел иметь дело.

Как только начался семестр, я замечал ее по всему кампусу. Мне хотелось поговорить с ней, узнать, как у нее дела, но в этом не было смысла. По крайней мере, я его не видел, но в пятницу это произошло — я не смог избежать встречи с ней.

Я переходил дорогу, направляясь в сторону Кнутти, когда кто-то прокричал моё имя хриплым, едва узнаваемым голосом. Вот, почему я остановился и обернулся.

Эвери поспешила вверх по крутому холму, кашляя так сильно, что все ее тело дрожало. Встревожившись, я засунул руки в карманы, чтобы не повести себя как рыцарь на белом коне и не заключить её в свои объятья.

Запыхавшись, она остановилась передо мной. Ее лицо было по-прежнему бледным, но на щеках был румянец и всё те же синяки под глазами. Она была в облегающем свитере.

— Прости. — Она ужасно хрипела. — Дай отдышусь.

— Ну у тебя и голосок.

— Да, это Черная смерть и никуда от нее не денешься. — Она откашлялась и, сглотнув, подняла подбородок.

Наши взгляды встретились, и я подумал… подумал, что я что-то увидел в ее глазах. Отражение моих чувств, но была большая вероятность того, что во мне говорил ящик пива, который я выпил накануне вечером.

Я посмотрел в сторону, стиснув зубы. — Мне пора на занятия,

так что…

На ее лице читалось, что она хочет уйти, но она не сдвинулась с места. — Я просто хотела тебя поблагодарить за то, что помог Брит, когда я была больна.

Переведя взгляд на закусочную под склоном через дорогу, я сказал в никуда. — Ерунда.

— Для меня нет. Так что, спасибо.

Я кивнул и осмелился взглянуть на нее. Это была ошибка. Ветер сдул ей на лицо прядь мерцающих волос, и я не удержался — словил ее и заправил за ухо. — Не за что.

— Ну… — она нахмурила бровки.

— Мне пора бежать, — снова сказал я, поворачиваясь в сторону входа. — Увидимся.

— Прости.

Медленно, я обернулся. Это слово было как удар ниже пояса, потому что я не понимал, за что именно она просила прощение. Я покачал головой. — И ты меня.

Наверное, ей было не так жаль, как мне.

— Я начинаю думать, что Олли на стоянке пьет наше пиво, — сказал Джейс, прислонившись к стене.

Сидя рядом со мной, Стеф кивнула в знак согласия. — Ну, виноват тот, кто решил, что послать его в супермаркет хорошая идея.

Она была права, но нам надо было основательно подготовиться к вечеру боев. У нас всегда было море пива на таких мероприятиях.

Стеф наклонилась ко мне, прижимаясь грудью к моей руке, и я понял, что она была без лифчика. Разве она не с Джейсом должна была прийти? Я повернул бейсболку козырьком назад и, медленно наклонившись назад, я посмотрел на него.

Он пожал одним плечом и повернулся к Генри. Началась одна из предварительных игр. Входная дверь открылась, впуская порыв холодного воздуха, как раз в тот момент, когда Канадец жестко свалил с ног противника. Комната наполнилась одобрительными и

неодобрительными возгласами.

— Посмотрите, кого я нашел! — крикнул Олли.

Я проигнорировал его, потому что на ринг выбежали два бойца, но Стеф прошептала мне на ухо, — К тебе пришли.

Отвлекаясь, я бросил взгляд по левую сторону и чуть не попросил Стеф ущипнуть меня. У меня брови поползли вверх, когда мои глаза встретились с тёплыми, карими глазками.

Эвери стояла рядом с Олли, прижимая бутылку пива к груди. Её волосы были собраны на макушке, глаза широко раскрыты, а щечки раскрасневшимися.

Она никогда не была в моей квартире. Никогда. И я не мог поверить, что она была здесь сейчас, и понятия не имел, почему, но видеть ее… ну, было как смотреть на солнце после дождя.

Я слегка улыбнулся. — Привет.

— Привет. — Щеки покраснели еще больше.

Несколько мгновений я не мог оторвать от неё глаз и не я один. Несколько других парней, в том числе и Генри, разглядывали ее так, как делали все парни, когда свежее мясо появлялось в помещении.

Я уставился в телевизор, но знал, что Олли посадил ее в свободное кресло. Мои глаза смотрели на экран, но все мое тело и мысли находились справа от меня. Тысячи вопросов полезли в голову. Увидеть ее в моей квартире было последнее, что я ожидал. Я был совершенно застигнут врасплох.

— Хочешь пива, детка? — спросила Стеф, положив руку мне на плечо.

Я помотал головой, сосредоточившись на Генри. Этот придурок медленно пробрался туда, где сидела Эвери. Вроде неплохой парень. Я твердил себе это, но когда он сказал что-то о ее носках, я начал представлять его как очередного серийного убийцу.

Эвери пила, к моему большому удивлению, и я имею в виду действительно пила. Пара рюмок текилы и, по крайней мере, два пива для непьющей девушки верный способ напиться.

Ее мягкий смешок ударил меня прямо в грудь. Мои глаза сузились, Генри ухмыльнулся, а Эвери улыбнулась в ответ.

— Похоже, твоей подружке понравился Генри, — спокойно прокомментировала Стеф. — Интересненько.

Мое сердце начало колотиться о ребра в знак протеста. Она флиртует с ним? Когда Эвери опять рассмеялась, я охватил колени руками. Какого хрена? Ревность — обжигающе-испепеляющая ревность — разлилась по венам. Меня как будто в чан с кислотой макнули головой.

Я уставился на экран, пока Джейс не кивнул в сторону Эвери. Я поставил пиво на журнальный столик и услышал, как Генри сказал: — Достаточно стар, чтобы узнать жизнь.

Чертовски верно, он был стар настолько, что негоже ему было думать о том, о чем я знал, он думал.

— Эй, Генри, — позвал его я, напрягаясь. — Подойди на секунду.

— Господи, — пробормотала Стеф, скрестив руки, откидываясь на спинку дивана.

Генри наклонился, когда я жестом подозвал его ближе. — Что случилось, мужик?

— Оставь девочку в покое, — тихо сказал я, смотря старшему парню прямо в глаза. — Я на полном серьезе. Она не для тебя или кого-либо в этой комнате.

Брови Генри поползли вверх, как и уголки его губ. — Все понял, приятель.

Я смотрел, как он подошел к Джейсу, и почувствовал себя немного лучше. Не много, потому что я не мог поверить, что после всего, что между нами было, она появится в моей квартире, и начнет пить и флиртовать с этим пошляком Генри. Я был в состоянии абсолютного шока.

— Взял парню всю малину испортил, — положив руку мне на плечо, сказала Стеф.

— Что? — я повернулся к ней. — Ты о чем?

Она закатила глаза. — Они собирались познакомиться поближе, а ты их перебил.

Познакомиться поближе? Не бывать этому у меня под носом. —

Похоже, что меня это волнует?

Она убрала свою руку, но, если честно, в тот момент мне и до нее не было никакого дела. Эвери *улыбнулась* Генри. Ее улыбка такая редкость, а она сидела и улыбалась *ему*. Я даже не мог вспомнить, когда последний раз ревновал, но узнал этот горький привкус во рту. Она очень хорошо сочеталась со злостью.

Эвери взглянула на меня, и ее улыбка начала угасать.

— Только не это, — сказал я.

Стеф поднялась на ноги, и я понятия не имел, почему она злилась, но мне действительно было наплевать. Я встал и пошел к Эвери. Большая, широкая и слегка пьяная улыбка вспыхнула на ее лице.

— Выйдем на секундочку? — сказал я, удивившись от звучания своего голоса.

Эвери подскочила, будто кто-то разжег огонь под ее попкой. Её пошатнуло в сторону. — Вау.

Я поймал ее руку, удерживая на месте. Я не мог поверить, что она так напилась. — Идти можешь?

— Да, конечно. — Она налетела на меня, хихикая. — Я в порядке.

Пытаясь представить, сколько же она выпила текилы, я одарил Олли убийственным взглядом и отвел ее на кухню. — Ты что творишь, Эвери?

Она подняла бутылку. — Напиваюсь. А ты что делаешь?

— Я не об этом спрашиваю, и ты это знаешь. Что ты делаешь?

Она скорчила гримасу, что было как-то мило и немного странно, прежде чем вздохнула. — Я ничего не делаю, Кэм.

— Нет? — я поднял бровь. — Ты пьяная.

— Не пьяная я!

— Известные слова пьяницы, прежде чем они падают мордой в тарелку.

— Но, я же не упала… пока.

Я покачал головой и взял ее за руку. Нам нужно было

поговорить и тот факт, что она была у меня дома, скорее всего, означало, что она этого хотела. Или она хотела замутить с одним из случайных парней. Я не знал истинную причину, потому что никто не знал, что твориться у этой девчонки в голове, но ничего там не творилось. Ее маленькая попка отправится домой. Любой парень в моей квартире хотел бы оказаться у нее между ножек, и я не знал, как далеко она зашла. Я не был ее нянькой. Черт, я вообще никем ей не был.

— Хм… — сказала она, нахмурившись, когда я вывел ее на лестничную клетку и закрыл дверь позади нас. Она в замешательстве посмотрела на меня.

Я ей указал на дверь. — Тебе нужно пойти домой, Эвери.

Она смотрела на меня, приоткрыв рот. — Ты серьезно?

— Да, чертовски серьезно. Ты пьяна, и я не хочу наблюдать за этим дерьмом.

— Каким дерьмом? — Она отошла назад. — Прости. Меня пригласил Олли…

— Да, и я ему позже всыплю за это по первое число. — Я снял бейболку и провел рукой по волосам. — Просто иди домой, Эвери. Поговорим позже.

Эвери тяжело сглотнула. — Ты злишься на меня…

— Я не злюсь, Эвери. — Я злился на весь хренов мир в этот момент.

Она посмотрела на меня, и затем быстро глянула в сторону, но недостаточно быстро. Я увидел неожиданный блеск в ее глазах. Твою мать. Черт. Черт. Черт.

— Не хочу я домой. Там никого нет и я…

Сердце бешено застучало. — Я зайду позже, и мы поговорим, хорошо? Но иди домой. Пожалуйста, иди.

Она открыла рот и тут же его закрыла. — Хорошо.

Боль росла. — Эвери…

— Все абсолютно нормально. — Она улыбнулась, но улыбка была не настоящей и полна боли — боли, которую причинил я. Она повернулась и шаркающей походкой подошла к двери, а я чертыхаясь

себе под нос, вернулся в свою квартиру.

— Все хорошо? — спросил Джейс, когда я зашел на кухню за пивом. Или тремя.

— Нет. — Я открыл бутылку и бросил крышку в мусорное ведро.

Он поднял свои темные брови. — Ты не в порядке, потому что она была здесь, или потому, что она ушла?

— Я её заставил уйти.

Джейс обернулся и посмотрел на вошедшего в кухню Олли. Я взглянул на этого придурка. — Врезать бы тебе по яйцам.

Олли не отшутиться. Он посмотрел на меня исчерпывающим взглядом. — Ты только что заставил бедную девочку уйти?

— Бедную девочку? — фыркнул я.

— Да, ту девочку, которой ты был одержим с августа? Она наконец-то зашла к нам в квартиру, а ты её выгнал.

Глядя на него, я снял бейс и бросил его на стол. — Ты обдолбался? Ты понятия не имеешь, что между нами происходит.

— Олли, — предупредительно сказал Джейс.

— Ты прав. Я не знаю, что происходит, но…

— Заткнись, Олли. — Я прошел мимо него и направился в гостиную.

Самый главный бой только начинался. Я остановился у двери, понимая, что оставил свое пиво на кухне. Я хотел развернуться и пойти назад, но ноги не двигались. Я серьезно говорил Эвери, что зайду поговорить с ней, но планировал сделать это завтра, когда она протрезвеет, и я не буду так зол *по поводу случившегося сегодня*. Но когда я стоял там, все о чем я думал — слёзы в её глазах. До завтра не так уж и долго ждать, но…

— Иди, — сказал Джейс, стоя позади меня.

Я был уже за дверью.

Глава 20

От части, я был не удивлен, когда постучав, открыл дверь и обнаружил, что ее нет дома. Ожидать, что она хоть раз послушает меня, было слишком самонадеянно.

Не имея ни малейшего представления, куда она могла отправиться, я подошел к окну гостиной и взглянул вниз.

— Какого дьявола?

Она сидела на бордюре, сгорбившись от холода. Какого черта делала моя Пироженка? Я поспешил на улицу, поморщившись, когда ветер ударил мне в лицо.

— Эвери! — крикнул я. Она вздрогнула, выронив бутылку пива. Она укатилась под ближайшую машину, и Эвери повернулась ко мне. Этот стеклянный взгляд, который я не мог полностью свалить на пиво, разорвал меня изнутри. — Ты что здесь делаешь?

Она моргнула и подняла влажные ресницы. — Я… на звездочки смотрю.

— Чего? — я присел рядом с ней. — Эвери, на улице чертовски холодно. Ты снова заболеешь.

Она подняла одно плечо и отвела взгляд. — А ты тут что делаешь?

— Я тебя искал, глупышка.

Она резко посмотрела на меня. — Прости-ка? Ты здесь, значит ты тоже глупый, глупый.

Я ухмыльнулся. — Я же сказал, что зайду, поговорить. Сначала я зашел к тебе. Я постучал, а ты не ответила. Дверь была открыта, и я зашел.

— Ты зашел ко мне в квартиру? Как грубо.

— Да, я увидел, что ты сидишь здесь из твоего окна.

Последовала пауза, а затем она спросила: — Бой уже закончился?

Поскольку не похоже было, что она собиралась вставать в

ближайшее время, я сел рядом с ней. Холод исходящий от асфальта моментально отморозил мне зад. — Нет. Главный бой только начался.

— Ты его пропускаешь.

Проведя рукой по волосам, я глубоко вздохнул. — Боже, Эвери… — сказал я, приложив усилия. Мои чувства от того, что я ее сегодня увидел, были все еще слишком ярки и запутаны. — Увидев тебя сегодня… я очень удивился.

— Из-за Стеф?

— Что? — я посмотрел на нее. — Нет. Её пригласил Джейс.

— Похоже, она была там ради тебя.

— Всё может быть, но мне плевать. — Я развернулся в ее сторону и опустил руки на колени.

— Эвери, у меня ничего не было со Стеф с тех пор, как я встретил тебя. У меня ни с кем ничего не было с тех самых пор.

Она глубоко вздохнула. — Хорошо.

— Хорошо? — я чуть не рассмеялся, а потом меня накрыло. — Видишь, ты не понимаешь. Ни черта не понимаешь. Ты избегаешь меня со Дня Благодарения. Бросила эту чертову астрономию, и я знаю, что из-за меня и каждый раз, когда я пытался поговорить с тобой, ты бежала от меня.

— Ты не захотел поговорить со мной в день, когда я поблагодарила тебя за помощь.

Я уставился на нее. — Боже, я не знаю, почему? Может быть, потому что ты ясно дала понять, что не хочешь иметь со мной ничего общего. И после этого вот так просто возникла у меня на пороге? Неожиданно еще и *напилась*? Ты не понимаешь.

Она облизала губы. — Прости. Я напилась, немножко, и мне жаль, потому что ты прав и…. у меня язык заплетается.

Я издал короткий, хриплый смешок. О чем я думал? — Ладно, сейчас не время для этого разговора, очевидно. Послушай, я не хотел быть таким уродом, выгонять тебя, но…

— Все нормально. Я привыкла, что меня не хотят видеть на вечеринках. — Она поднялась на ноги, пошатываясь. — Не велика

потеря.

От этой информации у меня начало покалывать кожу, и я встал. — Дело не в том, что я тебя не хотел там видеть, Эвери.

— Серьезно? — Она рассмеялась, но в этом не было ничего смешного. — Ты попросил меня уйти.

— Я…

— Поправочка. — Подняв руку, сказала она. — Ты *велел* мне уйти.

— Да. Поступил как идиот, но ты была первый раз у меня дома. Приходишь, начинаешь пить, а потом… — Я сделал глубокий вдох. — Генри крутился возле тебя, и ты хохотала…

— Да плевать мне на него!

— Выглядело все по-другому, Эвери. Ты напилась, и я не хотел, чтобы ты сделала что-то, о чём потом пожалела бы. Иногда я не знаю, какого черта происходит в твоей голове, и я понятия не имею, что на тебя нашло сегодня вечером. Но я *никогда* не видел тебя пьяной и не знал, что взбрендит тебе в голову. Я не хотел, чтобы кто-то тобой воспользовался.

— Плавали — знаем. — Как только эти слова вырвались из ее уст, она тут же прикусила язык.

Выражение ужаса пронеслось на ее лице, и все — о Боже — все сразу же встало на свои места. — Что? — прошептал я, а она поднялась и начала уходить. Я поймал ее за плечи. — Ну уж, нет. Что ты только что сказала?

— Ляпнула, не подумав. Я пьяная, Кэм. Мало ли, что я могу сказать. Я даже не знаю, что здесь делаю.

— Черт, Эвери… — Мои пальцы сжались на ее плечах. — Что ты от меня скрываешь? Что *не договариваешь*?

— Ничего! Честно. Я обещаю тебе. Я просто не подумала, что сказала. — Она неистово моргнула. — Так что не смотри на меня как на ненормальную.

— А я и не смотрю, милая. — Я пытался прочитать правду на ее лице, ту тягость, случившегося с ней, но единственное, что я увидел — страх и отчаяние. Я понял, что она не хотела, чтобы я дальше

допытывался. Я лучше всех знаю, что некоторые вещи надо держать в секрете, но со временем я все выясню.

У нее округлились глаза, и я подумал, что она произнесла слово «*пожалуйста*». Между нами было много проблем, которые надо было решить, но всему этому придется подождать.

Я притянул ее к себе, крепко обнимая. Она застыла на секунду, а затем положила руки мне на бедра и прижалась лицом к моей груди. Я почувствовал её всем своим телом.

— Я скучала по тебе, — прошептала она.

В этот момент, что бы ни произошло между нами после того, как я увидел ее шрам, не имело никакого значения. Я запустил руку в ее волосы, прижимая ближе. — И я скучал по тебе, милая. — Я поднял ее на руки и снова опустил в восторге от того, что просто прикасаюсь к *ней* снова. Я взял в ладони ее щеки и рассмеялся от того, какие они были на ощупь. — Ты как маленькая ледышка.

— Мне жарко. — Наши взгляды встретились, и она улыбнулась. — У тебя очень красивые глаза, ты знаешь?

— Думаю, это в тебе текила говорит. Пошли внутрь, пока ты не замерзла.

Отпустив ее плечи, я взял ее за руку. Я не хотел, чтобы она упала и сломала себе шею. Оказавшись внутри ее теплой квартиры, ее пальцы дернулось в моей руке.

— Ты пропускаешь бой, — сказала она.

— Да, пропускаю. Я подвел ее к дивану и усадил. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. — Она провела руками по бедрам. — Твои друзья, наверное, гадают, куда ты подевался.

Я откинулся назад, усаживаясь поудобнее. — Мне плевать.

— Плевать?

— Ага.

Она быстро улыбнулась, села на край дивана и обернулась ко мне. Я даже и не думал никуда уходить. Бой и друзья не так важны, как она, сидящая рядом со мной. Кроме того, я был немного обеспокоен ее состоянием, особенно, когда подымаясь, она чуть не

накрыла собой журнальный столик.

— Может, тебе лучше присесть, Эвери?

— Я в порядке. — Она обошла журнальный столик. — Итак… чем хочешь заняться? Я могу включить телевизор, или фильм какой-нибудь, но фильмов у меня нет. Думаю, можем заказать его…

— Эвери, просто присядь ненадолго.

Она подняла подушку и положила ее на диван. Я уже подумал, что она собирается уборку наводить, но она села в кресло. — Тебе не кажется, что здесь жарко?

— Сколько ты выпила?

Она скривилась. — Не так много… может, две-три рюмки текилы и два пива? Я думаю.

— Вау. — Улыбнувшись, я подвинулся вперед. — Когда ты последний раз пила.

— На вечеринке на Хэллоуин.

Я наклонил голову набок. — Я не видел, чтобы ты пила в тот вечер.

— Я не про этот Хэллоуин. — Встав на ноги, она оттянула рукава свитера. — Это было… пять лет назад.

— Давненько. — Ничем хорошим это не кончится. — У тебя есть вода? В бутылке?

— На кухне.

Я направился к холодильнику, взял бутылку и вернулся в комнату. — Выпей-ка. — Когда она взяла бутылку, я присел на край дивана. — И сколько тебе было? Четырнадцать? Пятнадцать?

— Четырнадцать, — прошептала она, опустив подбородок.

— А не рано пить в таком возрасте?

Поставив бутылку на пол, она поправила свой хвостик. — А ты не пил, когда тебе было четырнадцать?

— Бутылочки две пива мог выпить в четырнадцать лет, но ты же говорила, что у тебя строгие родители.

Она хихикнула и вылезла из своего кресла. — Я не хочу

говорить о них, о выпивке или Хэллоуине.

И гением не надо было быть, чтобы уловить связь между всем этим. И шикарного воображения не надо было, чтобы представить, как маленькая Эвери напилась на вечеринке и сделала что-то, о чем теперь жалеет. По крайней мере, я надеялся, что именно в этом было все дело.

— Хорошо.

Пироженка посмотрела на меня пару секунд и попыталась снять свитер. В горле застрял смех, но исчез, когда она все-таки сняла его. Под ним хоть и была маечка, но очень тоненькая и обнажала её раскрасневшуюся кожу. Её нервозность улетучилась вместе с выпитым пивом, потому что после всех непоняток, что были между нами, я был здесь.

Она поднялась и начала ходить взад-вперед. Остановившись между кухней и коридором, она ухватилась пальцами за верх маечки.

— Что ты делаешь? — спросил я.

Она не ответила, ее едва сфокусированный взгляд нашел мой. Я не имел понятия, о чем она думала. На самом деле никогда и не знал, но она закусила нижнюю губу. Я занервничал. Она определенно собиралась…

Эвери стянула майку.

Черт. Возьми.

Я резко вдохнул.

— *Эвери*.

Мать. Твою. За ногу. Пялясь на её черный лифчик, это единственное, что пришло мне в голову. Я видел ее, когда она болела, но не засматривался. Не так, как сейчас. Её упругая грудь выпирая из кружевного бюстгальтера, подпрыгивала от её вдохов.

Когда она прислонилась к стене, опустив руки вниз, я, стиснув зубы, глубоко дышал. Мой взгляд опять переместился от ее лица к груди, а затем вниз по гладкой линии ее живота. Джинсы висели низко на бедрах, а живот огибал ее пупок. Сладкий изгиб талии так и манил прикоснуться к нему.

Было очевидно, что она пьяна, и если бы я был хорошим парнем,

то бы не пялился на нее так, словно съесть хотел. Я не помню, как встал, но каким-то образом, обогнул диван. Между ног все горело, затвердело и было готово.

— Кэм? — сказала она, затаив дыхание.

Мое тело настаивало, чтобы я направился к ней, и я почти это сделал, но остановился, сжав руки.

— Не надо.

— Что не надо?

Я закрыл глаза, но ее образ стоял у меня в сознании.

— Этого… не делай этого, милая.

— Разве не этого ты хочешь? — неуверенно спросила она.

Я открыл глаза. Что?

— Я не жду этого, Эвери.

Она втянула воздух.

— Ты меня не хочешь.

Не хочу? Я едва ли мог вспомнить хоть секунду, когда я ее не хотел, черт побери. Мой член, упираясь в молнию джинсов, рвался наружу, чуть не порвав штаны. Вот, как сильно я *хотел* ее.

Но на её красивом лице появился взгляд самоуничтожения.

Я метнулась вперед, прижав руки к стене по обе стороны от ее головы. Я нагнулся, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— Черт, Эвери. Думаешь, я *не хочу* тебя? Я хочу тебя всю, каждую частичку твоего тела, ты поняла? Я хочу быть на тебе и *в* тебе. Я хочу тебя у стены, на диване, в твоей кровати, в *моей* кровати, и каждом месте, которое только можно придумать, и поверь, у меня очень богатое воображение, когда дело доходит до таких вещей. Больше никогда не сомневайся, что я хочу тебя. Поверь, дело не в этом.

Смятение блеснуло в ее глазах.

Я прислонился к ее лбу своим.

— Но только не так… никогда. Ты пьяна, Эвери, а когда мы будем вместе, потому что мы *будем* вместе, ты должна полностью

понимать и чувствовать, что я с тобой делаю.

Она подняла глаза, а затем закрыла их, поворачивая голову в сторону так, что потерлась об меня щекой. — Ты хороший парень, Кэм.

— Нет, не хороший. — Я вдохнул ее запах, про себя пообещав, что буду для нее всегда тем, кем она захочет. — Хороший я только с тобой.

Глава 21

Примерно через час после того, как я накрыл Эвери одеялом, все что она пила решило выйти наружу.

Она откинула в сторону одеяло, в которое я укутал ее, словно оно было покрыто змеями. Промчалась, как угорелая через гостиную в ванну. Я быстро последовал за ней, ожидая этого, приняв во внимание тот факт, что она обычно не пила.

Это было ужасно.

Не в силах сделать ничего больше, кроме как держать ее волосы и гладить по спине, пока она молилась богам фарфора, я никогда не чувствовал себя более беспомощным. Когда все закончилось, я прислонил ее к ванной, а сам взял влажную тряпочку. Все было как тогда, когда она болела, но на этот раз, она была в сознании.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил я.

— Вроде бы. — Она закрыла глаза. — Боже, это так унизительно.

Я тихонько рассмеялся. — Все в порядке, милая.

— Поэтому ты и остался, да? — Простонала она жалобно. — Ты знал, что меня вывернет наизнанку, а я тут стриптизом своим решила тебя развлечь.

— Ш-ш-ш. — Я убрал пряди волос с ее лица. — Как бы очаровательно ни было наблюдать за тем, как тебя рвет, я не поэтому остался, и ты это знаешь.

Она опять закрыла глаза — Потому что ты хочешь меня, но не когда я пьяная и вся в рвоте?

Я громко рассмеялся. Пьяная Эвери — забавная Эвери. — Да, ты права.

— Просто хотела убедиться, что мы на одной волне.

— Ну уж нет.

Она открыла один глаз. — Ха.

— Думаю, тебе это понравится. — Я протер ее подбородок

мокрой тряпочкой.

Она слегка улыбнулась. — У тебя… неплохо получается.

— Было много практики. — Отбросив полотенце в сторону, я взял новое и начал все сначала. — Бывал на твоем месте. — Я обтер ее шею и руки, остановив свой взгляд на лице, чтобы не пялиться на ее такую красивую упругую прекрасно обозреваемую грудь. — А теперь в кроватку?

Она уставилась на меня с внезапно широко раскрытыми глазами.

Я усмехнулся.

— Хватит уже, пошлячка.

— О, — пробормотала она, глядя с сожалением.

— И не говори. — Я повернулся и схватил зубную щетку. Выдавив пасту, я повернулся к Пироженке. — Думаю, тебе не помешает.

— Ты замечательный, — сказала она, потянувшись за щеткой.

— Знаю. — Когда она дочистила зубы, я снова встал на колени и расстегнул свою толстовку. Я снял ее, и принялся снимать футболку. — Я пытался добиться от тебя этих слов с момента, когда ты врезалась в меня. Если бы я знал, что для этого тебе надо было вручить зубную щетку, я бы сделал это давным-давно. Моё упущение.

— Нет. Моё… — Ей удалось сесть прямее. — Моё упущение… что ты делаешь?

— Я не знаю, где у тебя вещи лежат. — Что было ложью. Я давно уже знаю, где они.

— Ага.

Я улыбнулся и наблюдал, как она рассматривает мою грудь, сосредоточившись на татуировке.

— А я подумал, что ты захочешь переодеться.

— Да, — прошептала она.

— Так что я решил, что проще одолжить тебе свою футболку.

Она сделала неглубокий вздох.

— Хорошо.

— В ней тебе будет удобнее.

Я подозревал, что она не слушала меня. Она слишком увлеченно рассматривала меня, опускаясь все ниже, что вызвало у меня определенную реакцию.

— Конечно, — пробормотала она.

— Ты вообще меня не слушаешь.

— Неа.

Я улыбнулся, взял ее за бедра и посадил на край ванны.

— Не поднимай пока руки, — сказал я ей. Она сидела неподвижно, пока я натягивал на нее свою футболку. — Не поднимай. — Я надел футболку и, обхватив ее руками, ловко расстегнул бюстгальтер.

— Что это ты делаешь? — громко крикнула она.

Смеясь, я стянул бретельки бюстгальтера вниз по ее рукам, от чего она вздрогнула. Для меня это было наказанием, потому что я так хотел снять с нее лифчик и прикоснуться к ее груди.

— Как я уже говорил, выбрось из головы пошлые мысли. Со мной твое целомудрие в сохранности.

— Мое целомудрие?

Я посмотрел на нее из-под ресниц.

— Пока что.

— Пока что? — прошептала она.

Я кивнул.

— Просовывай руки.

Она повиновалась, и я продел руки в рукава. Отклонившись назад, я чуть не упал. Мне нравилось, как она выглядела в моей одежде. Очень нравилось. Пробежавшись ладонью вниз по ее руке, я остановился над браслетом.

— Не надо… — сказала она в панике, когда я начал расстегивать ее браслет.

Я сильнее сжал руку, чтобы она ее не убрала.

— Я уже видел его, Эвери.

— Пожалуйста, не надо. — Она опустила глаза. — Мне так неловко и, к сожалению, я не могу изменить того, что ты его видел. Хотела бы, но не могу.

Мои подозрения подтвердились. Я обхватил ее запястье и браслет руками.

— В этом причина? Ты из-за этого отстранилась от меня? Не разговаривала со мной? Бросила астрономию?

Когда она не ответила, я закрыл глаза ненадолго.

— О, милая. Мы все совершаем поступки, которыми не гордимся. Если бы ты знала… — Не совсем подходящее время для *этого*. — Дело в том, что я не знаю, почему ты это сделала. Я просто надеюсь, что какой бы не была причина, ты во всем разобралась. Я не думаю о тебе хуже из-за этого. И никогда не думал.

— Но ты на меня посмотрел так… — Она не смогла закончить.

Я снял браслет другой рукой и положил его на раковину.

— Я был просто удивлен, и обеспокоен. Я не знал, когда он у тебя появился, и не буду спрашивать. Не сейчас. Просто знай, что не надо от меня ничего скрывать. Хорошо?

Она кивнула, но сомнение и недоверие зародилось в ее карих глазах. Желая доказать ей, что я говорил правду, я наклонился, повернул ее руку и поцеловал шрам. Эвери задрожала.

— Мне только исполнилось шестнадцать. — Сказала она очень тихо каким-то детским голосом. — Когда я это сделала. Не знаю, действительно ли я хотела уйти из жизни или чтобы кто-то… — Она покачала головой. — Я каждый день об этом жалею.

— Шестнадцать?

— Больше я такого делать не буду. Обещаю. Я больше не такая, как раньше.

— Я знаю. — Я положил руку ей на ногу, пытаясь убрать этот отдаленный, болезненный взгляд из ее темных глаз. — Теперь снимай штаны.

Она моргнула, а затем рассмеялась.

— Неплохо.

Я помог ей встать. Моя футболка была ей до колен и думаю, на ней она смотрелась лучше, чем на мне. Когда я дотянулся до пуговицы на джинсах, она треснула меня по рукам. — Думаю, я сама справлюсь, — сказала она.

— Уверена? — спросил я. дразнящим тоном. — Потому что я полностью к твоим услугам, а снять с тебя джинсы, думаю, с этим я справлюсь блестяще.

У нее дернулись губы. — Я в этом не сомневаюсь. Надень толстовку обратно.

Я прислонился к раковине, распрямив спину. — Мне нравиться, когда ты на меня смотришь.

— Я помню. — Она повернулась и, пошевелив соблазнительно попкой, стянула с себя джинсы.

Развернувшись, я поднял свою толстовку с пола. — Как думаешь, вне ванны тебе будет лучше?

— Надеюсь.

Как только я отвел ее обратно в гостиную, я нашел аспирин и схватил еще одну бутылку воды. После того, как она выпила, я сел на диван и потянул ее аккуратно за руку. — Посиди со мной. — Когда она начала перелезать через мои ноги, я остановил ее. — Нет. Сядь со мной.

В замешательстве она покачала головой. Я откинулся назад и потянул ее вниз. Пару секунд она была напряжена, как струна, но потом опустилась на мои колени. Я взял одеяло и накрыл им ее голые ноги.

— Попробуй поспать. — Сказал я и обнял ее за талию под мерцающие тени от телевизора, распространившиеся по всей комнате. — Утром станет лучше.

Пироженка тихонько вздохнула и прижалась к моей груди. — Ты не уходишь?

— Неа.

— Вообще?

Опустив голову, я прижался губами к ее лбу. — Никуда я не

пойду. Я буду здесь, когда ты проснешься, милая. Обещаю.

Я проснулся в той же позе, в какой отрубился. Эвери по-прежнему сидела у меня на коленях, свернувшись калачиком, ёрзая на месте. Я застонал, крепче обняв ее, когда она бедрами прижалась к моей эрекции.

— Прости, — сказал я. — Утро, еще и ты сидишь на мне. Это гремучая смесь.

Я открыл глаза вовремя, чтобы увидеть пылающие щечки моей Пироженки. Я переложил руку на ее бедро, наблюдая за ней сквозь сонные, неподъемные ресницы.

— Хочешь, чтобы я встала? — спросила она.

— Нет, что ты. — Я провел второй рукой по ее спине, просовывая пальцы сквозь мягкие волосы. — Даже не думай.

Она улыбнулась. — Хорошо.

— Наконец-то, думаю, мы на самом деле в чем-то согласились.

Склонив голову набок, она долго смотрела на меня изучающим взглядом. — Прошлая ночь действительно была реальностью?

Я усмехнулся. — Зависит от того, что, по-твоему, произошло.

— Я раздевалась перед тобой?

При упоминании этого, мой взгляд опустился вниз. Через футболку были хорошо видны ее набухшие соски. — Да. Это было незабываемо.

— И ты меня отшил?

Моя рука скользнула ниже ее бедра. — Только потому, что наш первый раз не должен быть на пьяную голову.

— Наш первый раз?

Я лениво улыбнулся. — Ага.

Она покраснела. — Ты действительно так уверен, что у нас будет первый раз?

— Конечно. — Я прислонился к подушке, наблюдая за ней, в то время как, поглаживал ее бедро вверх-вниз.

— Мы же поговорили? — Она посмотрела на свое запястье. — И я рассказала тебе, когда сделала это?

— Да.

Она подняла свои ресницы. — И ты не считаешь меня помешанной стервой?

— Ну…

Она одарила меня сухим взглядом.

Я улыбнулся и положил руку ей на затылок. — Хочешь знать, что я думаю?

— Смотря, что.

Я наклонил ее голову так, что наши губы почти соединились. — Думаю, нам надо поговорить.

— Надо, — прошептала она.

Но чем дольше она сидела у меня на коленях, тем меньше шансов было у нас на этот разговор. Я взял ее за бедра, приподнял вверх, опуская на подушку рядом с собой.

— Я думала, нам надо поговорить, — сказала она, когда я встал с дивана.

— Поговорим. Я сейчас вернусь.

Она сидела, не понимая, что происходит.

— Оставайся на месте, хорошо? — сказал я, направляясь к двери. — Даже не шевелись. И ни о чем не думай. Просто сиди на месте, а я сейчас вернусь.

Она положила подбородок на спинку дивана. — Хорошо.

— Я серьезно, не думай ни о чем. — Я открыл дверь. — Ни о последних паре минутах, ни о прошлой ночи. Ни о последнем месяце. Или что будет дальше. Просто сиди там.

— Ладно, — прошептала она. — Обещаю.

Я какое-то время смотрел на нее и, убедившись, что она не запрется в своей спальне, поспешил в свою квартиру. Внутри было тихо, а возле дивана валялась пара женских туфель. Улыбаясь, я быстро почистил зубы, а затем схватил нужные предметы из кухни. На все про все ушло пять минут, и когда я вернулся в ее квартиру,

Эвери сидела на том же месте, где я ее оставил.

Она посмотрела на то, что я держал в руках и улыбнулась. — Яйца… ты принес яйца.

— И свою сковородку. — Бедром я закрыл за собой дверь. — А еще я почистил зубы.

— А футболку так и не одел.

Я бросил на нее долгий взгляд. — Я знаю, что если ты не сможешь видеть меня без рубашки, это разобьет тебе сердце.

Когда я выложил яйца на столешницу, я услышал приглушенный скрип и повернулся к двери. — Эвери, ты что это там делаешь?

— Ничего, — ответила она.

Я улыбнулся и развернулся обратно. — Тогда тащи сюда свою попку. — Когда я услышал, как она слезла с дивана, я нахмурился. — И не вздумай переодеваться. — Я сделал паузу. — Потому что мне нравится, как ты выглядишь в моей одежде.

— Ну, раз ты так просишь… — сказала она, входя на кухню.

— Что? — Я посмотрел на нее через плечо. — Так соскучилась по моей яичнице?

Она медленно моргнула.

— Я не думала, что ты снова будешь готовить на моей кухне.

Эти слова произвели на меня большее воздействие, чем она думала. Я зажег плиту и спросил:

— Ты *так сильно* по мне соскучилась?

— Да.

Я повернулся к ней, проводя рукой по волосам. — И я соскучился по тебе.

Пироженка глубоко вздохнула. — Я хочу извиниться за свою реакцию, когда ты… когда увидел мой шрам. Его раньше никто не видел. — Она шаг за шагом приближалась ко мне, кусая нижнюю губу. — Я знаю, это не оправдание, потому что я была той еще стервой, но…

— Я приму твои извинения при одном условии. — Я сложил руки на груди.

— Я готова на все, — сказала она страстно.

— Ты должна мне доверять.

— Я доверяю тебе, Кэм.

— Нет, не доверяешь. — Я подошел к столу и выдвинул из-под него стул. — Присядь.

Когда она села и поправила позаимствованную футболку, я вернулся к плите и разбил яйцо на сковороду. — Если бы доверяла, то реакция у тебя была бы другой. И я тебя не осуждаю. Я не из робкого десятка, меня этим не спугнешь. Ты должна верить, что я забочусь о тебе.

После ее мягкого вздоха, я повернулся к ней. — Я многого о тебе не знаю, но, надеюсь, мы это исправим. Давить я не буду, но и ты не отгораживайся от меня. Хорошо. Ты должна мне доверять.

Наши взгляды встретились. — Я тебе доверяю. Я буду доверять тебе.

— Твои извинения приняты.

Я дожарил яичницу и вернулся к столу со стаканом сока, прежде чем задал главный вопрос. — Итак, что будет дальше? Чего ты хочешь?

Она замерла с яичницей на вилке. — Чего я хочу?

— От меня. — Я засунул целое яйцо в рот. — Чего ты хочешь от меня?

Пироженка откинулась на спинку стула, опустив вилку на тарелку. Она открыла рот и, распрямив плечи, сказала: — Тебя.

В груди что-то дернулось, и на мгновение я потерял дар речи. — Меня?

— Я хочу тебя, — сказала она, краснея. — Очевидно же, что у меня никогда не было отношений, и я даже не знаю, хочешь ли ты этого. Может это…

— Именно этого.

— Серьезно? — спросила она.

Я хмыкнул, чувствуя себя намного легче, чем за последние несколько недель и съел еще одно яйцо. — Ты так удивилась, как

будто не можешь в это поверить. Это так мило. Пожалуйста, продолжай.

— Пожалуйста, продолжай…? — покачала она головой. — Я хочу быть с тобой.

Я медленно жевал яйцо. — Мы второй раз за утро сошлись во мнениях.

— Ты хочешь быть со мной?

Я усмехнулся. — Я хотел быть с тобой с того момента, когда ты мне первый раз отказала. Я просто ждал, пока ты созреешь. Если мы собираемся это сделать, есть парочка правил.

— Правил?

Кивнув, я прикончил третье яйцо. — Их не так уж много. Не закрываться от меня. Есть только ты и я и больше никого. И самое главное, ты дальше будешь чертовски сексуально выглядеть в моих футболках.

Она засмеялась глубоким настоящим смехом. — Думаю, эти правила выполнимы.

— Хорошо. — У меня дрожали руки, когда я доедал последнее яйцо, и мне стало интересно, заметила ли она это.

— Я никогда раньше не делала этого, Кэм. И со мной бывает непросто. Я это знаю. И не обещаю, что тебе будет легко.

— А кому сейчас легко. — Я допил молоко и решил, что пора заканчивать разговоры. Я должен был рассказать ей, что случилось три года назад, и куда хожу по пятницам вечером, но этому придется подождать. Мне нужно было сделать то, о чем я мечтал с ночи Дня Благодарения.

Я встал и подошел к ней. Взял ее за руки и, подняв со стула, обнял ее за талию. Я опустил голову, потерся губами о ее щеку и сказал: — Я серьезно к тебе отношусь, Эвери. Если ты хочешь меня по-настоящему, я — твой.

Пироженка прижала ладони к моей груди. — Я хочу тебя по-настоящему.

— Рад это слышать. — Касаясь ее губ своими, сказал я. — Потому что, если нет, то это будет немного неловко.

Она рассмеялась, но я прервал ее смех поцелуем. Этот поцелуй был необходим мне, как глоток свежего воздуха. Он был мягкий и медленный, но как только она запустила руки в мои волосы, я углубил поцелуй, давая ей то, что она молча попросила. Мои губы скользили по ее, назад и вперёд, побуждая и подталкивая, а затем я приоткрыл их языком.

От ее стона у меня закипела кровь. На вкус она была слаще сока. Мои руки опустились ей на бедра и, подтянув к себе, я поднял ее вверх. Она обвила мою талию ногами, что удивило меня. Я прижал ее к стене, соединяя наши тела.

Я планировал лишь поцеловать ее, но ощущение ее груди и разгоряченного лона, прижатых к моему телу, стало моей погибелью. Я растворился в ней. Пироженка была робкой и во многом невинной, но также очень страстной, а ее отклик был настоящим и безумно соблазнительным.

Я простонал, когда она прижалась ко мне бедрами в своей восхитительной неумелой манере. Ее пальцы сильнее потянули мои волосы, когда она продлила поцелуй. Я был так возбужден, что кусочек материала, прикрывающий ее бедра, был небольшой помехой. Ничего мне не хотелось больше, чем овладеть ею прямо здесь и сейчас, прижав к стене, и я сомневаюсь, что она была бы против, но это было не правильно.

С усилием я оторвался от ее губ. — Мне надо идти.

Ее руки скользнули вниз по моим щекам. — Ты уходишь?

— Я не святой, милая. — Мой голос был глубоким и грубым от желания. — Так что, если я не уйду сейчас, то останусь надолго.

Она вздрогнула, и мое тело сжалось. — А если я не хочу, чтобы ты уходил?

— Чёрт. — Я схватил ее за бедра, на секунду закрыв глаза. — Ты делаешь так, что становится сложно быть хорошим парнем, каким, по твоим словам, я был вчера.

Она коснулась губами моей щеки. — Я не пьяна.

Тихо рассмеявшись, я прижался лбом к ее лбу. — Да, я вижу, но пока одной только мысли овладеть тобой прямо здесь и сейчас, возле стены, достаточно, чтобы я потерял контроль, я хочу, чтобы ты знала, что у меня серьезные намерения. Ты не просто девушка на одну ночь.

Ты не подруга с привилегиями. Ты значишь для меня гораздо больше.

Она закрыла глаза, когда ее грудная клетка поднялась. — Так, это было… действительно, в какой-то степени идеально.

— Я и правда в какой-то степени идеален, — подразнил я ее, распутывая ее ноги и ставя на пол. — Все это знают. Просто до тебя немного медленно это доходило.

Она засмеялась, и ее взгляд потеплел. — Что ты собираешься делать?

— Принять душ.

— Серьезно?

— Ага.

Она опять рассмеялась. — Ты вернешься?

— Всегда. — Я нежно ее поцеловал. Это был короткий и быстрый поцелуй, но я вложил в него все свои чувства.

— Хорошо. — Она расплылась в улыбке, и это было самое божественное, что я когда-либо видел. — Я буду ждать тебя.

Глава 22

— Тебя вечером не ждать, я правильно понял? — спросил Джейс. Его голос едва было слышно из-за музыки.

Обуваясь, я держал телефон между щекой и плечом. — Неа. Я веду Эвери на ужин. Думаю, если мы вернемся…

— Не нужно объяснений. Я тебя не виню. — По его голосу было слышно, что ему скучно, но не разговаривать со мной, а из-за всего происходящего. — Не похоже, что твоя девушка из тех, кому нравятся вечеринки.

Я завис из-за фразы «твоя девушка» и наполнился гордостью, похоже немного на дольше, чем требовалось. — Да, думаю это так.

Джейс тихо усмехнулся. — Она круто тебя изменила.

Я улыбнулся, хватая ключи. Похоже Джейс прав. С тех пор как в августе я встретил Эвери, у меня кардинально изменились интересы, а после ночи боёв и того сильнее. — Типа того.

— Что ж, веселитесь. Только смотри детей там не наделай.

У меня вырвался смешок. — Джейс, дружище, да ладно тебе…

Он опять засмеялся. — Да шучу я.

Закатывая глаза, я попрощался и направился к Эвери.

Мы быстро поужинали в Мартинсбурге и вернулись к ней домой. Я заскочил к себе и захватил Рафаэля, позволив немного поползать на кухне Эвери. Надо же парню размяться в конце концов. И, похоже, Эвери нравилось поднимать и разворачивать его в другую сторону, чтобы он ползал туда-сюда между нами. Я никогда бы не подумал, что буду заниматься чем-то подобным в субботу вечером, но мне не было скучно и не хотелось быть где-то в другом месте. По правде говоря, мне было гораздо веселее, чем когда-либо на какой-то вечеринки братства.

— Это террариум, — поправил я ее, когда она обозвала его жилище аквариумом. — И у него сногсшибательный террариум. Я купил ему новый на день рождение.

— Ты знаешь, когда у него день рождения? — улыбнулась она.

— Ага. Двадцать шестого июля. — Кстати говоря… — Когда у тебя день рождения?

— Тебе еще некоторое время не придется об этом беспокоится. — Она скрестила лодыжки. — А у тебя когда?

— Пятнадцатого июня. — Не удержался я. — Когда у тебя день рождения, Эвери?

Она вздохнула. — Был второго января.

— Я пропустил твой день рождения? — Нахмурившись, я наклонился вперед.

— Ерунда. — Она пожала плечами. — Я ездила в Смитсоновский, а потом я заболела, так что это, наверное, хорошо, что тебя не было рядом.

Ездила в Смитсоновский…? Она ошарашила меня, и я чувствовал себя полным кретином. — Боже, вот почему ты хотела поехать туда второго. Ты была одна? Черт. Мне так…

— Не стоит, — сказала она, подняв руку. — Не надо себя ни в чем винить. Ты не сделал ничего плохого.

Я знал, что не сделал ничего плохого. И я отвез бы ее, позволь она мне, но от этого все равно не стало легче. — Ну, всегда есть следующий год.

Ее губы расплылись в широкой улыбке, и у меня екнуло сердце. Нуждаясь в передышке, чтобы не сделать ничего невероятно глупого, например, пойти на поводу у гормонов, я взял Рафаэля и отнес домой, пообещав сразу вернуться. Я собирался рассказать ей о том, что сделал, но когда вернулся, то обнаружил Пироженку стоящей в коридоре, который вел в ее спальню с таким выражением на лице, что у меня все сжало изнутри.

На ее лице читалось и предвкушение, и нерешительность, а движущей силой было невинное любопытство, из-за которого в буквальном смысле я забыл обо всем, что хотел сказать. Я абсолютно не понимал, почему именно сейчас надо было разговаривать на серьезные темы.

Поскольку в воскресенье мы все выяснили, я решил не торопить события, насколько это вообще было возможно для меня. Каждую ночь, оставаясь один на один со своей рукой, она так

перенапрягалась, что начинала затекать во время записывания лекции.

Но все же оно того стоило. Я не хотел ее торопить, но сейчас…

Эвери облизнула нижнюю губу, когда я стянул с себя свитер, кинув его на спинку дивана. Ее взгляд упал на оголившийся участок кожи между моей футболкой и джинсами, и румянец окрасил ее щеки.

Да, на лице у Пироженки отразилось желание *ускорить* события.

Я устроился на диване, в то время как она оставалась в коридоре, теребя подол платья-свитера в слабом мерцании телевизора. Когда она после возвращения с ужина сняла колготки, я безумно долго пялился на ее голые ноги, словно подросток, который никогда до этого не видел обнаженного тела.

— Ты собираешься подойти сюда или будешь пялиться на меня остаток вечера? — поинтересовался я, улыбаясь, когда она, сделав глубокий вдох, направилась медленно к дивану. Я протянул руку, чтобы привлечь ее к себе и посадить рядом, но у маленькой Пироженки на уме было совсем другое.

Ухмылка была стерта с моего лица, когда она, расставляя коленки по обе стороны моих бедер, села на меня. Ответ моего тела был смехотворно быстрым. Я напрягся, опуская руки ей на бедра. — Привет, милая.

— Привет, — прошептала она.

— Неужели ты так сильно по мне соскучилась? Я ведь уходил всего на пару минут.

Положив руки мне на плечи, она придвинулась, соединяя наши тела в нужных местах. — Может быть.

Проведя руками вверх по ее телу, я обхватил ее щеки ладонями. Она должна была чувствовать меня между своих бедер. Это было невозможно скрыть. — Что ты делаешь?

Высовывая кончик языка, она облизнула губы, и я едва подавил стон. — А на что это похоже?

— У меня есть пара мыслей. — Я провел большими пальцами по ее щекам, ожидая увидеть, что было у нее на уме. Правда в том, что бы она ни задумала, я готов был окунуться в это с головой. — Все

они невероятно заманчивые.

— Заманчивые? Это хорошо.

Ее взгляд нашел мой на мгновение, а потом ее ресницы опустились, закрывая глаза. Она сократила между нами расстояние. Касаясь губами моих, двигалась медленно и сладостно. Потом она усилила поцелуй. Я позволил ей вести, следуя ее сигналам, и поцелуй стал более глубоким. Мои руки беспорядочно задвигались по ее щекам, когда ее рот приоткрылся. Я нашел ее язык своим, и она осторожно ответила. Что-то в этом сводило меня с ума. Может быть, это осознание того, что она все это познавала впервые со *мной*.

Я пробежался вниз по ее спине, и она нежно выгнулась. Мои руки замерли на ее талии, когда она сделала толчок вперед бедрами. Боже праведный, то, как она двигалась на моих коленях, сводило меня с ума. Я вздрогнул, запустив правую руку ей под платье, продвигаясь вверх по ее бедру. Я должен был прикоснуться к ней.

Другой рукой я гладил ее спереди. Проведя по ребрам, обхватил одну грудь. Исследуя изгибы ее тела, я плавно направился к ее бугорку. Эвери прервала поцелуй стоном, в то время как я начал описывать круги большим пальцем вокруг ее соска.

— Тебе нравится?

— Да, — выдохнула она.

Да, именно это я и хотел услышать. Я поддразнивал ее, оставляя дорожку из маленьких поцелуев вниз по ее шее и откидывая ее голову назад. Она прижалась грудью к моей ладони, снова толкнув бедра вперед. Сильное удовольствие пробежало по моему позвоночнику. Издав гортанный звук, я отстранился, наблюдая, как она раскраснелась от возбуждения.

Черт, она была прекрасна.

— Скажи мне, чего ты хочешь, милая. — Я накрыл ладонью ее вторую грудь, чувствуя сосок через одежду. Не хотел оставлять ее без внимания. — Все, что угодно. Я сделаю все.

Ее грудь резко поднялась. — Прикоснись ко мне.

Мое тело напряглось, а потом затряслось. Когда я говорил, то с трудом узнавал свой голос. — Можно?

Я запустил руки под круглый вырез ее платья, после того как она

кивнула, опуская ткань вниз с ее плеч, оголяя ее. Я потянул платье вниз, высвободив ее руки, и оно оказалось у нее на талии.

— Красота. — Я пробежал по краю кружева на ее лифчике. — Посмотри на этот румянец. Чертовски красиво.

Опустив голову, я накрыл ртом вершину ее груди, целуя через тонкий атлас. Я сжал ее бедра, всасывая глубже, и она издала сдавленный крик. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда она сильнее впилась в мои волосы, притягивая ближе, и я перешел на другую грудь. Я нежно прикусил и был вознагражден еще одним хриплым стоном.

Ее тело уже дрожало под натиском моих ласк, но я еще не закончил. Я запустил руку под подол, плавно поглаживая ее шелковистые бедра и прокладывая дорожку из поцелуев к ее сладким распухшим губкам.

— Ответь мне на один вопрос, милая. — Я выводил крошечные круги на внутренней стороне ее бедра, приближаясь все ближе к заветному месту. — Ты когда-нибудь кончала?

Она застыла в смущении, и когда ответ не прозвучал, я продолжил выводить круги чуть ниже. — Да, — сказала она.

— Сама? — я вернул руку на бедро.

Она подвинулась, прижимаясь к моей эрекции и прислонилась лбом к моему. — Да.

Я был рад это слышать, но не удивлен. Я скользнул пальцем по ее влажным трусикам. Ее тело соблазнительно дернулось. Я продолжал нежно водить пальцем, взад и вперед.

Я мог прикасаться к ней вечно.

Может, так и будет. Я мог бы вот так и сидеть, держа одну руку у нее между ног, а второй прижимать ее грудь. Мне бы и этого хватило.

Но потом Эвери отодвинулась.

Она скользнула рукой по моей груди, по моему прессу, останавливаясь над ремешком моих джинсов. Мой член увеличился от такой ее близости. Часть меня хотела взять ее за руку и завершить дело, но другая часть беспокоилась, что я потеряю контроль, стоит ей меня коснуться. Она качнула бедрами, когда я еще раз дотронулся до

сосредоточения нервов между ее ног круговым движением.

Я был готов рискнуть и потерять контроль.

Покусывая ее нижнюю губу, я замер. — Чего ты хочешь, Эвери?

— Я хочу… Я хочу к тебе прикоснуться. — Сама себе удивившись, сказала она. — Но я не знаю, что тебе нравится.

О, Боже, ее слова вызвали у меня тяжкий вздох, и я почувствовал удовольствие внизу. Я положил свою руку на ее. — Милая, все, что бы ты ни сделала, мне понравится.

— Серьезно?

— Черт, да. — Я вжался в диван, создавая пространство между нами. — Мне понравится все, что ты со мной сделаешь. Об этом можешь не беспокоиться.

Счастье и тепло вспыхнули в ее взгляде и, опустив ресницы вниз, она расстегнула пуговицу на моих штанах, а затем и молнию. Я улыбнулся, когда она ахнула.

— Легкий доступ. — Я приподнялся и снял с себя джинсы.

Эвери не оторвала взгляд, и это было так возбуждающе. Все мое тело было натянуто как тетива лука. Я ничего не мог поделать. Я провел рукой вверх к концу, а потом обратно вниз к основанию, и мой пульс участился.

— Я думала о тебе, — прошептала она.

Каждый мускул в моем теле застыл. — Как?

Она замешкалась. — Когда я… трогала себя, я думала о тебе.

— Ни черта себе, — я прорычал и сжал челюсть. Я чуть не кончил прямо там в ту же секунду. Она думала обо мне, когда трогала себя? Боже всемогущий и преисподней дьявол… — Это самое возбуждающее, что я когда либо слышал.

Она вытянула губы, и я поцеловал ее сильнее и жестче, чем, вероятно, следовало, но она не отстранилась. Я опустил ее руку вниз, обхватив ее пальцами мою мощь. При первом прикосновении мое тело дернулось, а потом она начала двигать рукой вверх-вниз.

Отсутствие опыта она с лихвой сглаживала старанием. Невинности, с которой она меня ублажала, было достаточно.

— Ты идеальна, — прошептал я и, прижимаясь к ее губам, запустил руку обратно между ее бедер.

Наше дыхание слилось воедино, тяжелое и быстрое, когда я накрыл ее рукой поверх трусиков, прижимаясь ладонью к клитору, и надавливая пальцем на ее разгоряченность, от которой меня отделял лишь тонкий барьер. Не отрываясь от ее губ, мы переплелись языками, в то время как она оседлала мою руку, и я вошел в нее.

Я почувствовал, как ее тело напряглось, и она резко выкрикнула: — Кэм!

Ее тело подрагивало под напором моей руки, и волна за волной я снимал ее напряжение. Мое тело задрожало, когда ко мне пришло облегчение. У меня еще никогда не было такого сильного оргазма, и я был поражен этим. Она застыла, опустила голову мне на плечо, а я обнял ее одной рукой за талию.

Лишь когда я стал слишком чувствительным, я нежно убрал ее руку. Она обмякла в моих объятиях, и я притянул ее к своей груди. Я знал, что должен ее отпустить. Наши тела беспорядочно сплелись, но я был не в состоянии пока расстаться с ее телом.

Я протянул руку и, наклоняя ее голову назад, поцеловал уголки ее глаз, а потом приоткрытые губы. Между нами повисла тишина, расслабляющая, пока я не почувствовал, как она напряглась в моих объятиях. Я забеспокоился. Я знал, что не сделал ей больно, но может быть, мы зашли слишком далеко?

— Эй, — сказал я, гладя ее пальцем по щеке. Огорчение наполнило ее взгляд. — Ты в порядке? Я не…

— Это было идеально. — Она поцеловала меня в подбородок, закрыв глаза. — Это идеально.

Эвери была права. Господи, это был самый идеальный момент, но комок тревоги образовался у меня в животе. Она прошла через что-то ужасное. В тот момент она об этом не думала, но я знал, что это всплывет рано или поздно, и я ничего не мог с этим поделать.

Глава 23

Олли стоял на краю скамейки напротив нас с коробочкой китайской еды, которую не доела Эвери. Тот факт, что он принес ее с собой в кампус, был странным. Ведь еда стояла в холодильнике несколько дней.

— Я лишь хочу сказать, что Президентский день[8] гораздо интереснее Дня Всех Влюбленных, — сказал он, копаясь палочками в лапше. — В конце концов, это Холлмарк создал День Влюбленных. Это ненастоящий праздник.

Усаживаясь рядом с ним, Бриттани покачала головой. — Президентский день — это скукота. Что происходит в Президентский день?

Эвери села мне на колени, свернувшись у меня на груди. Это был очень холодный февральский день, и я, расстегнув толстовку, запахнул края вокруг нее. — Разве у этих двоих что-то было? — спросила она тихо.

Я тихо рассмеялся. — Честно, я точно не знаю.

— В Президентский день проводятся распродажи машин и мебели, — сказал Олли, улыбаясь так, словно он был горд своим умозаключением. — И банки закрыты.

— Вот это да. — Бриттани обменялась взглядом с Пироженкой и повернулась к Олли. — Ты не трахаешься в Президентский день. Ты делаешь это в День Влюбленных.

Олли сделал паузу, лапша тихо колыхалась на ветру, когда он посмотрел на нее сверху вниз. — Это предложение?

— Ух ты, — пробормотал я. — Ловкий ход.

Пироженка захихикала.

Вскинув руку, Бриттани столкнула Олли со скамейки. — Нет. Не предлагаю.

Олли проворно приземлился на ноги. — Какая жалость. — Он так близко наклонился к Бриттани, что его светлые волосы упали на ее. — Я бы перевернул твой мир, детка.

Не в силах сдержаться Эвери засмеялась вслух, и я уронил голову ей на плечо, пряча лицо от смущения.

Бриттани похоже была не впечатлена. — Скорее всего, ты прав. Я представляю, как после одной ночи с тобой поселюсь в психушке на всю свою оставшуюся жизнь.

— Ауч. — Он прижал свободную руку к груди. — Ты разбила мне сердце.

Ответ ее рассмешил. — Сомневаюсь.

Олли плюхнулся рядом с ней и поднял палочки. — Лапши?

Легко улыбаясь, она покачала головой. — Нет. Спасибо.

Эвери села, и холодный воздух пробежал между нами. Я потянулся к ней, притягивая ее обратно в объятия. — Не уходи, — попросил я, обнимая. — Ты мое теплое одеяло.

Она потянулась ко мне, целуя в уголок губ. — Мне нужно идти на пары.

— Прогуляй, — прошептал я, ища ее губы. — Пойдем со мной домой. — Я наклонился, и мой язык ворвался между ее холодных губ. — Я согрею тебя.

Она задрожала, и я сомневаюсь, что это было связано с холодом. — Это также примитивно, как предложение Олли перевернуть мир Бриттани.

— Эй! — вскрикнул Олли. — Не впутывайте меня в свои любовные делишки.

Щеки Пироженки залились краской, и мне стало интересно, забыла ли она, что мы не одни. Она высвободилась, как и вчера ночью в моей спальне, на моей кровати, и я подавил стон.

Мне на самом деле не стоит думать об этом сейчас.

— Скоро увидимся? — спросила она у Бриттани, быстро обняв ее.

Бриттани кивнула. — Конечно.

Попрощавшись, я положил руку на ее хрупкие плечи, намереваясь проводить ее до Уайтхолла. Она улыбнулась мне, прищурившись. — Тебе нужно быть на другом конце кампуса, верно?

— Возможно. — Я снял с себя кепку и надел ей на голову, закрывая солнце. — Чем вы с Бриттани собираетесь заняться?

— Пойдем в торговый центр. — Она приподняла немного козырек кепки и отступила в сторону, протягивая руку. — Нужно купить кое-что особенное.

— Хмм. — Я переплел наши пальцы вместе. — Что за особенные покупки?

— Это секрет.

Я улыбнулся и глубоко вдохнул. Воздух был влажный. — Это как-то связанно с не Президентским днем?

Она залилась смехом, и моя улыбка расползлась еще шире. Последнее время Пироженка часто смеялась. — Я тебе не скажу.

— Понимаю. — Мы остановились возле крытого входа в корпус общественных наук, и я притянул ее к себе. Она с удовольствием поддалась, приподнявшись на носочки. Развернув кепку козырьком назад на ее голове, я прижался лбом к ее лбу. — Чувствуешь?

Смеясь, она положила руку мне на грудь. — Мое дыхание?

Я закатил глаза и обнял ее за талию. — Нет, маленькая дуреха. Снег витает в воздухе.

— О, — захихикала она.

Я нежно ее поцеловал. — Тогда, будь осторожна в своем особенном, секретном походе за покупками.

— Буду. — Дотягиваясь, она сняла кепку и одела обратно мне на голову. — Зайдешь сегодня вечером?

— Глупый вопрос, — я не хотел ее отпускать.

Она скорчила рожицу. — Я думала, глупых вопросов не бывает.

— Это ложь. — Склонив голову, я поцеловал ее еще раз и отпустил. Когда она отвернулась уходя, я шлепнул ее по попке, от чего она подпрыгнула и грозно посмотрела на меня. Я рассмеялся. — Тебе понравилось.

Ее пылающие щеки подтвердили мои слова.

На улице шел снег, довольно быстро образуя сугробы. Я был

рад, что смог убедить Пироженку пропустить завтра со мной занятия. Пары все равно будут проведены, но кампус превратиться в ледяную ловушку.

Я взглянул на нее и улыбнулся. После того, как мы поели пиццу и позависали с Олли, она вымоталась. Крепко уснув, она свернулась на боку, положив голову мне на колени. Я убрал назад прядь волос с ее щеки.

— Знаешь, она милая. — Олли наклонился вперед, забрал последний кусок пиццы и встал. — Только она может отрубиться в присутствии нас неотразимых.

Я тихо рассмеялся. — Для нее это слишком. Она была сражена.

Он усмехнулся и перешагнул через меня. — Я пойду.

В тишине, я пробежался взглядом по элегантным изгибам ее лица, запечатлев в памяти линии и углы. Ранее днем, когда я шел с Олли к западному кампусу, он сказал, что я под каблуком. Забавно, но мня это не взбесило. Я рассмеялся. Возможно, я был немного загнан под каблук. Может быть, я был немного одержим. Может я был…

На кофейном столике зажужжал телефон Эвери, и экран засветился, я посмотрел прежде, чем осознал что делаю.

«Ты лживая шлюха. Как ты можешь выносить себя?»

Я наклонился вперед, прочитав сообщение три раза до того, как экран погас и оно пропало.

Я отупел от шока. Я не правильно его прочитал. Три раза? Вряд ли. Мышцы спины и шеи сковало. Не знаю, как долго я так сидел, онемевший от потрясения, но после шока, мои вены наполнились яростью, словно медленно распространяющийся огонь. Кто, черт подери, мог ей такое прислать? Лживая шлюха? Я хотел найти того, кто на такое способен и вырвать у него позвоночник.

Но зачем кому-то писать ей такое? Если Эвери была шлюхой, тогда не знаю, какой должна быть монашка. Мускул на подбородке начал подрагивать и не перестал, когда Эвери заворочалась.

Зевая, она села и убрала длинные пряди волос с лица. Сонная улыбка появилась на ее пухлых губах. — Прости. Я не хотела

засыпать на тебе.

Я посмотрел на нее, не уверенный стоит ли ей что-то говорить.

Она выпрямилась, внимательно посмотрев на меня. — Все в порядке?

К черту. Я не спущу это на тормоза. Я бросил взгляд на стол. — Тебе пришло сообщение, пока ты спала.

Она нахмурила брови, проследив за моим взглядом, и подалась вперед, хватая телефон. Она резко вздохнула, касаясь экрана.

Я наблюдал за тем, как от ее лица отлила кровь, и почувствовал, как мое беспокойство растет. — Оно высветилось на экране, когда пришло.

Трясущимися руками она медленно положила телефон. Она не смотрела на меня, но продолжала на него пялиться.

— Ты прочитал сообщение?

— Не то чтобы специально. — Напряженно, я наклонился вперед. — Оно было прям там, светилось у тебя на экране.

— Но ты не должен был читать! — Она встала, обвив себя руками.

Ни фига себе. Постойте-ка. — Эвери, я не копался тайком в твоих вещах. Дебильное сообщение само пришло. Я машинально посмотрел. Может, это было не правильно.

— Это было неправильно!

Я глубоко вдохнул. — Хорошо. Это было не правильно. Прости, но это не меняет того, что я прочитал сообщение.

Она остановилась посреди комнаты, и в ее взгляде определенно читалась паника.

— Эвери, — начал я осторожно. Она посмотрела на меня. — Почему тебе пришло такое сообщение?

Она скрестила руки на груди. — Не знаю.

Я не поверил ей.

— Не знаю, — повторила она, а потом затараторила. — Время от времени мне приходят такие сообщения, но я не знаю почему. Думаю, просто ошиблись номером.

Я все еще не верил ей. — Ты не знаешь от кого они?

— Нет. Высвечивается неопределенный номер. Ты же видел. — Она продолжила прежде, чем я успел заговорить. — Прости, что перепугала тебя. Просто я удивилась. Я спала, а проснувшись, поняла, что что-то не так. А потом подумала… Не знаю, что я подумала, но прости меня.

— Перестань извиняться, Эвери. — Ненавижу, когда она так делает. — Не хочу слышать, как ты извиняешься. Я хочу, чтобы ты была честна со мной, милая. Это все, чего я желаю. Если ты получаешь такие сообщения, я должен об этом знать.

Она отступила назад. — Зачем?

Иногда, я спрашивал себя, разговариваем ли мы на одном языке. — Потому, что я твой парень, и мне не все равно, когда кто-то обзывает тебя шлюхой!

Эвери вздрогнула.

Сделав еще один глубокий вдох, я отвел взгляд. — Честно? Это бесит меня, даже если это случайное сообщение. Никто не должен посылать тебе такое дерьмо. — Я замолчал, найдя ее взгляд и удерживая его. — Ты же знаешь, что можешь мне все рассказать, правда? Я не буду тебя осуждать или злиться.

Как только эти слова слетели с моих губ, я понял, каким я был лицемерным. Вот я говорю Эвери, что она может мне рассказать все что угодно, бешусь от того, что она этого не делает, а сам храню секреты.

— Знаю, — прошептала она, а потом произнесла громче. — Я знаю.

Мое сердце подпрыгнуло, когда я заглянул ей в глаза. — И ты доверяешь мне, так ведь?

— Да. Конечно.

— Твою мать. — Я прорычал, и мышцы еще сильнее напряглись. В груди образовался комок льда. Рассказать ей было рискованно. Она может подумать, что я жестокий человек и уйти, но я должен быть честен, особенно когда жду этого от нее.

Я был напуган до чертиков.

Закрывая глаза, я признался, — Я не был полностью честен с тобой.

— Что?

Я потер подбородок. Назвался груздем — полезай в кузов, как-то так, верно? — Я говорю тебе, что ты должна доверять мне, и что можешь рассказать мне все что угодно, но сам не делаю этого. В конце концов, ты узнаешь.

Эвери быстро обошла журнальный столик и села на краюшек дивана.

— О чем ты, Кэм?

Я могу ее потерять, я понимал это, но должен был рассказать ей правду. — Помнишь, как я говорил тебе, что все мы совершаем поступки, которыми не гордимся?

Она кивнула. — Да.

— Я говорил это исходя из своего опыта. Только паре людей это известно. — Я выдержал паузу. — И это последнее, что мне бы хотелось тебе рассказывать.

— Ты можешь рассказать мне, — сказала она, пододвигаясь ближе. — Честно, ты можешь поговорить со мной. Пожалуйста.

Я не знал с чего начать. Это заняло какое-то время. — Я должен был выпуститься в этом году, вместе с Олли, но мне не суждено.

— Я помню, ты рассказывал мне, что был вынужден сделать перерыв.

— Это случилось на втором курсе. Я редко бывал дома летом, потому что помогал тренеру в футбольном лагере в Мэрилэнде, но когда бы я ни приезжал домой, сестра… она вела себя иначе. Я не мог и пальцем к ней притронуться, она была нервная, все время сидела у себя в комнате. Родители говорили, что она редко бывала дома. Моя сестра всегда была чуткой девушкой. Подбирала бездомных животных, парней сбившихся с пути. Даже когда она была маленькой, всегда дружила с самым непопулярным ребенком в классе. — Я улыбнулся, вспоминая об этом. — Потом она встретила этого парня. Он был года на два старше нее. Думаю, отношения у них были серьезными — насколько это возможно в шестнадцать лет. Я встречался с ним разок. Он мне не понравился. И это никоим образом

не было связано с тем, что он путался с моей маленькой сестренкой. Было в нем что-то отталкивающее.

Я положил руки на колени, когда почувствовал знакомый привкус злости, зарождающийся во мне. — На День благодарения я приехал домой. Мы с Терезой дурачились на кухне. Она толкнул меня, и я толкнул ее в ответ, в руку. Легонько, а она вскрикнула, как будто я влупил со всей силы. Сначала, я подумал, что она прикидывается, но в ее глазах были слезы. Вся эта ситуация замялась, и я забыл о ней, но утром в День Благодарения, мама вошла в комнату, когда Тереза стояла в полотенце и все увидела.

Эвери глубоко вздохнула, а я покачал головой. — Моя сестра… вся была в синяках. Все руки и ноги. — Я сжал руки в бесполезные кулаки. — Она сказала, что это из-за танцев, но все мы понимали, что от танцев таких синяков не бывает. Понадобилось почти целое утро, чтобы выбить из нее правду.

— Это был ее парень? — спросила она тихо.

Я тяжело сглотнул. — Этот мелкий ублюдок бил ее. Делал это с умом, бил туда, где не просто увидеть синяки. Она оставалась с ним. Сначала, я не понимал по какой причине. Оказалось, что она слишком его боялась, чтобы расстаться с ним. Не в силах усидеть на месте, я встал и пошел в сторону окна. — Кто знает, как долго он бы продолжал, если бы мама не вошла тогда в комнату. Рассказала бы Тереза об этом когда-нибудь? Или этот сукин сын продолжал бы ее избивать, пока бы не убил?

Я наклонил голову вперед. Все это чувствовалось, как будто произошло вчера — злость и беспомощность. — Боже, я был так зол, Эвери. Я хотел убить эту козлину. Он избивал мою сестру. Отец хотел вызвать полицию, но что бы они сделали? Они оба были несовершеннолетними. Его бы пристыдили и отправили бы к психологу или еще чего. А это бред сивой кобылы. Я был не согласен на такое. Я пропустил праздничный ужин, и нашел его. Я постучал в его дверь, и он вышел. Я сказал, чтобы он больше не подходил к моей сестре. И знаешь, что он мне ответил?

— Что? — прошептала она.

— Выпятив грудь вперед, он рассмеялся мне в лицо и сказал, что будет делать, что захочет. — Я рассмеялся, хотя в этом не было ничего смешного. — Я съехал с катушек. Сказать, что я разозлился,

значит, ничего не сказать. Я был *в ярости*. Я ударил его, и не остановился. — Когда я развернулся к ней, пульс колотился, как бешеный. — Я не прекратил его бить, даже когда вышли его родители, когда его мама начала кричать. Понадобилось двое полицейских, чтобы оттащить меня от него.

Эвери смотрела на меня, ничего не говоря.

Я потер ладонями щеки. — Я попал в тюрьму, а он оказался в коме.

Он открыла рот от шока. Наклонив голову, я сел в ее любимое кресло. — Я и раньше дрался — обычное дело. Но такого никогда не было. Я разбил себе руки и даже не почувствовал этого. Мой папа… — Я покачал головой. — Он сотворил чудо. Я должен был сесть надолго, но меня пронесло. Думаю, мне помогло то, что тот пацан очнулся через пару дней.

— Я легко отделался — не провел и ночи в камере. — Я криво усмехнулся. — Но пару месяцев мне нельзя было выходить из дому, пока это все решалось. В конечном итоге, мне назначили год общественных работ в местном спортивном клубе, и еще год курсов по управлению гневом. Этим я и занимаюсь каждую пятницу. Осенью у меня последняя сессия. Моя семья должна была выплатить компенсацию, и ты даже не хочешь знать какую сумму. Мне пришлось бросить футбол из-за исправительных работ, но… как я уже сказал, я легко отделался.

Эвери нахмурилась и отвела глаза. Она была бледная, и чем дольше она молчала, тем хуже я себя чувствовал. Что я…

— Я понимаю, — тихо сказала она. Я уставился на нее, не уверен, что правильно ее расслышал.

— Что? — хрипло спросил я.

— Я понимаю, почему ты это сделал.

Она услышала, что я сделал? Я встал. — Эвери….

— Не знаю, что это обо мне говорит, но ты защищал свою сестру и избивать кого-то не выход, но она твоя сестра и… — Она сделала паузу, казалось, чтобы подобрать слова. — Некоторые люди заслуживают, чтобы им надрали зад.

Я уставился на нее.

Она развернулась. — А есть те, кто не заслуживает даже дышать. Так говорить не хорошо, но это правда. Парень мог убить твою сестру. Черт возьми, он мог бы избить какую-нибудь другую девушку до смерти.

— Я заслуживаю того, чтобы сидеть в тюрьме, Эвери. Я его чуть не убил.

— Но не убил же.

Я открыл рот, но не смог ничего сказать. Почему она с таким пониманием к этому отнеслась?

— Позволь задать тебе вопрос. Ты сделал бы это снова?

Вопрос на миллион долларов. — Домой к нему пошел бы и дал бы по морде. Возможно, не до такой степени, но честно, не думаю, что изменил бы что-нибудь. Этот ублюдок избивал мою сестру.

Она глубоко вздохнула. — Я тебя не виню.

Я продолжал смотреть на нее, чувствуя, что должен встать перед ней на колени. — Ты…

Она подняла одно плечо. — Ненормальная?

— Нет. — Я улыбнулся, совершенно ошеломленный. — Ты замечательная.

— Ну, не преувеличивай ты так, — сказала она, слегка улыбаясь.

— Я серьезно. — Я сел рядом с ней на диване. — Я думал, тебе будет от этого противно или ты разозлишься, если узнаешь.

Эвери покачала головой, рассыпая повсюду пряди рыжих волос.

Боже, она была… у меня не было слов. Прислоняясь к ней лбом, я обхватил ее щеки руками. У меня как гора с плеч свалилась. — Я рад, что рассказал тебе об этом. Не хочу, чтобы между нами были секреты.

Она улыбнулась, и я поцеловал уголки ее губ. Испытав облегчение, я откинулся назад, прижимая ее к груди. Эта девушка была… она была идеальна во всех отношениях.

Я поцеловал ее в макушку, и ее грудь резко выросла. Облегчение, которое я почувствовал, было ошеломляющее, и я честно не был готов к такой реакции Пироженки. Вздохнув, я закрыл

глаза и прижал ее так близко, как смог.

Эвери приняла мой секрет. Хотел бы я, чтобы она доверилась мне.

Глава 24

— Не думаешь, что на сегодня уже достаточно роз? — спросил Олли, кивая на розу у меня в руках, и потом перевел взгляд на новое приобретение, стоявшее в углу гостиной. — Еще и это? Ты выставляешь других парней не в лучшем свете.

Джейс, сидя на диване, с бутылкой пива в руках засмеялся.

— Не думаю, что ты можешь произвести впечатление еще плохее, Олли.

Раздраженно, он закинул ноги на журнальный столик.

— По крайней мере, я знаю, что слова «плохее» не существует.

Джейс усмехнулся.

— Это все, что ты знаешь.

Я выкатил подарок Пироженки в прихожую, а потом обернулся к ним снова, подняв брови.

— Парни, вы собираетесь торчать здесь весь вечер и набухиваться?

— Ага, — отозвались они в унисон.

— Тогда, развлекайтесь. — Попрощавшись, я выскользнул из квартиры и поставил ее подарок рядом с дверью к стене. Постучался, подавляя идиотскую ухмылку, услышав тихие звуки из ее подарка.

Эвери открыла двери, ее взгляд упал на розу.

— Это мне?

— Конечно, — ответил я, протянув ей розу, входя в квартиру. — Мне очень жаль, что я не могу отвести тебя куда-нибудь сегодня вечером, но…

— Все в порядке. Я знаю, что у тебя собрание. — Она поставила ее в вазу на столешницу в кухне, где были и другие подаренные мной розы. Посмотрев на меня из-за плеча, она склонила голову на бок. — Что ты делаешь?

Я улыбнулся. — Оставайся на месте и закрой глаза.

— Я должна закрыть глаза?

— Ага.

Волнение озарило ее лицо, но она отчаянно пыталась его подавить.

— Так это сюрприз?

— Естественно. Так что закрой глаза.

Ее губы дрогнули.

— Твои сюрпризы настолько же пугающие, как и твои идеи.

Я усмехнулся.

— У меня прекрасные идеи и сюрпризы.

— Помнишь, как ты посчитал хорошей идеей…

— Закрой глаза, Эвери.

Ее улыбочка превратилась в широкую улыбку, и она сдалась. Развернувшись, я поспешил в коридор и занёс подарок в квартиру. Пинком я закрыл дверь.

— Не подглядывай.

Ее брови взлетели.

— Кэм…

— Ещё чуть-чуть. — Я взял ее под руку, ведя из кухни в гостиную. — Не открывай глаза, хорошо?

— Они закрыты.

Я сжал ее руку и отпустил. Встав позади, я приобнял ее за талию, прислонился, целуя в висок. Вздохнув, ее пальцы вцепились мне в руку.

— Теперь, можешь открыть глаза. — Я поцеловал ее в щечку. — Или можешь так и стоять здесь с закрытыми глазами. Это мне тоже нравится.

Она рассмеялась, и я знал, когда она открыла глаза.

— О, боже, Кэм…

Я украсил огромный террариум, заполненный песком, камнями и листвой. Из маленькой дырочки выглядывала крохотная черепашка,

вытянув шею, оценивающая свое новое жилище.

Она взвизгнула.

Я обрадовался.

— Тебе нравится?

— Нравится? — Пироженка высвободилась и положила руки на стекло. — Я… Я в полном восторге.

— Хорошо. — Я подошел и встал рядом. — Я подумал, что Рафаэлю не помешает компания.

Она засмеялась, крепко закрыв глаза и снова открыв. — Ты не должен был делать все это, Кэм. Это… слишком.

— Не так уж и слишком, и всем нужна домашняя черепашка. — Я наклонился и поцеловал ее еще раз в щечку. — С Днем Святого Валентина.

Эвери развернулась и обвила меня руками. Она поцеловала меня, лишив воздуха.

— Спасибо.

Я слегка прикоснулся до ее губ своими.

— Не за что.

Она обняла меня за талию и наклонилась.

— Это мальчик или девочка?

— Знаешь, я даже не знаю. Говорят, что можно выяснить по форме панциря, но я не эксперт.

— Ну, мальчик или девочка, я назову черепашку Микеланджело.

Я отклонил голову назад и рассмеялся.

— Отлично.

— Нам нужны еще две.

Эта девушка была идеальна. — Ты права.

Она высвободилась, улыбаясь. — Сейчас вернусь.

Прежде чем я успел что-то сказать, она развернулась и побежала в коридор. Когда она ушла, я отодвинул террариум к стене и включил обогрев на светильнике. Услышав, как она подходит, я обернулся.

— С Днем Святого Валентина. Это не так круто, как твой подарок, но надеюсь, тебе понравится.

Она протянула мне открытку. Улыбаясь, я взял ее и посмотрел на Эвери сверху вниз.

— Уверен, что понравится. — Аккуратно, я открыл открытку. Внутри была надпись.

Ты — моё всё.

Скорее всего, я пристально смотрел на надпись дольше, чем следовало. Моё сердце стучало, и по венам разливалось тепло. Я улыбался… Улыбался так, словно мне вручили миллион долларов. И даже до того, как увидел билеты.

Держа их между пальцами, я сказал: — Это на все сто потрясающий подарок, милая.

— Правда? — Она сложила руки под грудью. — Я надеялась, что тебе понравится. Хочу сказать, знаю, не иметь возможности играть в футбол отстойно, но надеюсь, что из-за этого у тебя не пропало желание ходить на игры, и тебе не обязательно брать меня…

Я не дал ей договорить, украв слова губами и языком. Мне понравились билеты. Подарок был отличным, но я никогда не признаюсь ей, что меня покорили эти пять слов. — Конечно же, я пойду с тобой. Подарок идеальный. — Я прикусил ее правую губу, и она вздохнула. — Ты идеальна.

Слова снова и снова крутились у меня в голове, я сжал ее бедра и притянул к себе. Я был на пике возбуждения, и это было моим постоянным состоянием, когда она была поблизости.

Сердце екнуло, когда она обвила мою шею руками. Мне и слова было не нужно, я поднял ее. Пироженка обхватила мою талию ногами, а я сильнее ее поцеловал, наслаждаясь ею и отказываясь отпускать. Она простонала, и меня поразила болезненно сильная похоть.

У меня отключился разум, и на автопилоте я отнес ее обратно в спальню, живот все еще скручивало, когда я уложил ее на спину. Пару секунд я смотрел на нее сверху вниз, а потом отстранился, стягивая с себя свитер и бросая в сторону. Я снова опустился, расположив руки по обе стороны ее головы. Моя грудь поднималась

и опускалась от нервных вдохов. Я так сильно в ней нуждался, словно мне нужно было поспешить принять мяч, чтобы забить. Возможно, даже больше.

Она провела своим тоненьким, изящным пальчиком по окантовке пламени, окружавшего солнце на моей груди.

— Обожаю эту татуировку. Почему ты его сделал?

— Ты, правда, хочешь знать?

Она подняла свои густые ресницы.

— Да.

— Довольно глупая история.

Она продолжала обводить рисунок, посылая разряд электричества по моему телу.

— Я решу правда ли это.

— Я набил ее после драки с бывшим Терезы. — Я запустил руки под ее футболку, улыбаясь от ощущения ее нежной кожи, и когда она приподнялась, чтобы я смог ее снять. — Какое-то время я был разбит. Не мог вернуться в универ, застрял дома, и сам был в этом виноват. Я переживал, что со мной что-то не так, раз я так потерял контроль.

Она опустила руки по швам, а я положил свои на ее обнаженный живот, в паре сантиметров от хрупкой застежки ее лифчика. Волосы упали мне на лицо, когда я опустился, положив вторую руку рядом с ее головой.

— У меня была депрессия. Я был рассержен на себя, на мир и на всю эту чепуху. — Я нежно опустил руку вниз по ее животу, улыбаясь, когда ее бедра слегка приподнялись. — Думаю, я выпил весь алкоголь, имеющийся у моего отца в баре за пару недель. Я знал, что родители обеспокоены, но…

Впадинка между ее поднятыми грудями выглядела абсолютно одинокой и отвлекала меня. Склонив голову, я запечатлел поцелуй между них и сделал это снова, когда она тихо втянула воздух.

— Джейс часто меня навещал. Как и Олли. Если бы не они, скорее всего, я бы утратил рассудок. — Взявшись за застежку, я поднял взгляд, и наши глаза встретились. — Можно?

Она кивнула.

— Спасибо. — Я опустил глаза, расстегивая застежку, оставляя все остальное на месте. Я никогда не видел ее ногой до этого. Я хотел растянуть удовольствие. — Джейс мне кое-что сказал, когда я был в стельку пьян. Не знаю почему, но это въелось мне в сознание.

Ее грудь поднялась, когда я провел пальцем по ней вверх.

— Что… Что он сказал?

— Он сказал, что-то типа: не может быть все так плохо, если солнце вышло и сияет. Как я и сказал, это засело у меня в мозгу. Может потому, что это правда. Пока солнце светит, не может быть все так дерьмово. Вот поэтому я и наколол солнце. Что-то типа напоминания.

— Это не глупо. — Заулыбалась она.

— Хмм… — Это довольно глупо, но сработало. Я подцепил пальцем ее лифчик под низ и откинул в сторону, проделывая тоже самое с другой чашечкой.

Я поглощал ее взглядом. Темно-розовые соски ее полных грудей мгновенно встали, умоляя меня. Пристально рассматривая их, у меня возникло ощущение, что я никогда до этого не видел женской груди. Мне хотелось к ним прикасаться, лизать и всасывать. Все одновременно.

— Боже, ты красивая, Эвери.

— Спасибо, — прошептала она.

Я нежно провел рукой по ее груди, восхищаясь от этого ощущения. Она выгнула спину, и я посмотрел ей в лицо. — Ты идеальная, — сказал я хриплым, низким голосом, заключая ее затвердевший сосок между большим и указательным пальцем.

Я хотел увидеть больше ее тела.

Встретив ее взгляд, я опустил руку к застежке ее джинсов. Когда она снова кивнула, я словно выиграл гребаный Кубок мира. Я спустил ее джинсы, остановившись у гольф.

— Милые носочки. Такие хулиганские.

Когда с носками и джинсами было покончено, я стянул лифчик с ее рук. Через пару секунд она оказалась в одних трусиках. Откинувшись назад, я восхитился проделанною мною работой. Ее

длинные ноги и изгиб талии разделял лишь клочок ткани. Я едва не избавился от него, но внутренне чувство подсказало мне, что не стоит.

Не имело значения, что произошло в ее прошлом. В любом случае, я знал без всяких сомнений, что у нее не было опыта *в этом*. Все это — поцелуи, прикосновения через одежду, быть обнажённой — все было впервые для нее. И я хотел испытать все это вместе с ней.

Медленно целуя Эвери, я ласкал пальцами её грудь. Она тихо застонала, когда оторвавшись от ее губ, я начал спускаться вниз по шее крошечными поцелуями. Я колебался только секунду, а потом накрыл ртом кончик ее груди.

Желание барабанило во мне, как дождь в летнюю грозу, когда она, выгнув спину, начала двигать бедрами. Ее вкус дошел прямо до моего конца, проделал дыру в груди, и рассеял все мысли. Я покрутил языком вокруг ее соска и скользнул рукой под кружевные трусики.

Ее ноги напряглись, когда я нащупал пальцем её бугорок, а когда перешел к другой ее груди и начал спускаться вниз к животу, она запрокинула голову назад. Я поднял голову, наши взгляды встретились, и я медленно скользнул в неё. Боже, она была такая напряженная и такая возбужденная.

— Так хорошо? — спросил я.

— Да, — кивнула она.

Улыбаясь, я засунул палец ещё глубже. Все ее тело среагировало на это дрожью и румянцем. Меня всего трясло. Когда я поймал ее взгляд, я начал медленно приходить в движение.

— Ты так напряжена, — сказал я.

Накрыв ее рот губами, я поцеловал ее, когда она двигала бедрами в унисон с моей рукой. Ощущение её грудей на моей было незабываемым. Еще мгновение и она закричала, и я почувствовал сжимание вокруг моего пальца. Я чуть не кончил вместе с ней.

Я уткнулся головой ей в шею, когда она содрогнулась. — Мне нравится, как ты произносишь мое имя.

Нехотя, я заставил себя вынуть из нее палец и отстраниться, но прежде чем я смог отодвинуться слишком далеко, она меня удивила. Приподнявшись, она положила руки на мою грудь, переворачивая

меня на спину. Секундой позже, она уже сидела верхом на мне.

Ну ничего себе.

Тяжело дыша, я чуть не дошел до экстаза, когда она привстала почти полностью обнаженная. Эта неожиданность делала ее еще привлекательной. Я потянулся к ней, но черт, Пироженка была быстрой, когда этого хотела. Она сползла вниз и дрожащими пальцами вцепилась в пуговицу моих джинс. Я начал ей помогать, но она сама справилась и сняла с меня штаны.

Я вцепился в одеяло, когда ее пальцы сомкнулись на мне, а ее теплое дыхание дразнило головку моего члена. Мое сердце подпрыгнуло. — О, черт.

Она улыбнулась истинно женской улыбкой. Затем опустила голову, и ее волосы соскользнули вперед. Я приподнялся на кровати, выгибая спину и дергая бедрами, когда ее теплый, влажный рот сомкнулся на моём конце. Кровь закипела, и я весь сжался, когда она, вцепившись в меня, медленно скользила языком по самому чувствительному месту.

Одной рукой я взял ее за руку, а второй — за макушку, убирая волосы назад. Но как только она захватила его еще глубже, я не смог не подтолкнуть ее еще ниже.

Мои стоны разнеслись по комнате за минуту до оргазма. Я отстранил её до того как кончил, притягивая к своей груди и целуя, а потом прижался к ее животу.

Слабый и совершенно усталый, я рухнул на спину, и Эвери сделала то же самое. Мы оба прерывисто дышали. — Это был самый охренительный День Св. Валентина.

Она засмеялась. — Вынуждена согласиться.

Я нащупал ее руку и сжал ее. Прошло несколько минут, и пока я думал, что сказать, я выпалил самую, что ни на есть глупость: — Ты голодна?

— Нет. — Зевнула она. — А ты?

Как можно было быть таким идиотом? — Нет, пока что.

Между нами опять воцарила тишина, и потом она спросила: — Останешься? На ночь?

Поворачиваясь на бок, я положил руку ей на плечо. — О таком меня дважды просить не надо.

Глава 25

Зима никак не хотела покидать Западную «Благословенную» Вирджинию. Солнце в феврале и марте светило почти всегда, но погода свирепствовала. Даже на весенних каникулах. Когда большинство старались уехать на юг, мы с Эвери направились на запад. Большинство каникул мы провели у моих родителей. Нет необходимости говорить, мама была рада, что я снова привез домой настоящую живую девушку.

Весенние каникулы, или как там называют четыре выходных дня в апреле, подходили к концу, хотя казалось, что еще вчера Эвери сидела на бордюре с бутылкой пива, и после мы шли к ней домой. Я не мог поверить, сколько времени прошло.

Я не мог поверить, что Пироженка тоже прогуляла весь оставшийся день со мной и позволила мне загладить вину за ее пропущенный день рождения. Накануне наших мини-каникул, мы провели день в Вашингтоне и вернулись поздно.

— Знаешь что? — Мои руки поднялись вверх по ее бокам, пока не остановились под грудью. — Мне пришла еще одна идея.

— Она включает в себя яйца?

Я рассмеялся, притянув ее бедра к моим. — Она не включает в себя яйца.

Ее взгляд стал каким-то безжизненным и расфокусированным, который стал таким родным за последние несколько месяцев.

— Нет?

— Но включает кое-что настолько же вкусное. — Я прикоснулся губами к ее виску, прокладывая дорожку из поцелуев по скуле. — Включает тебя, меня, кровать и совсем немного, а может и вообще не подразумевает одежду.

— Сейчас?

— Да. — Я переместил руки на ее поясницу, мои пальцы задели карманы ее джинсов. Я поцеловал ее бровь. — Что думаешь?

Она слегка отклонила голову назад, привлекая меня. Поцелуй

начался медленно, но потом, как и всегда, перерос в что-то иное. В какой-то голод. В то, чем нельзя насытиться.

Мои руки пробрались под ее футболку, и я чуть отстранился, чтобы стянуть ее прочь. Наши губы снова нашли друг друга — губы, языки, зубы. Мы врезались в диван, и я потерял равновесие. Я упал частично на диван, частично мимо него.

Смех Эвери отозвался глубоко внутри меня, и я заключил ее лицо в ладони. Смотря в ее глаза, где плясали огоньки, слова сформировались в моем сознании.

Я любил ее.

Я испытывал это чувство уже какое-то время, возможно дольше, чем осмеливался признать. Возможно, с того момента, когда она впервые отшила меня, я *начал* влюбляться в нее.

Я *любил* ее в эту самую секунду.

Осознание этого полностью сразило меня. Я смотрел в эти теплые глаза цвета виски и хотел увидеть там свое будущее — *наше* будущее. Никогда в жизни я не хотел увидеть это, смотря в глаза девчонок, но с Эвери Моргенстен, я больше ничего не желал.

Мой мозг отключился, и все что я сделал с тех самых пор, было вызвано этими тремя словами. Я любил ее. Мои руки тряслись, и я был удивлен, как быстро я стянул с нее джинсы.

Я накрыл ее груди, пробегаясь большими пальцами по ее соскам. Ее приглушенный стон пронзил все мое тело. Я хотел — нет, нуждался в том, чтобы она произнесла мое имя. Черт, мне нужно было услышать эти три слова из ее уст или, по крайней мере, почувствовать их.

Запустив руку в ее трусики, я дотронулся до нее, потирая пальцем место, которое всегда заставляло ее вскрикнуть, и это сработало. Она расстегнула мои джинсы и просунула руку внутрь, обхватив мое достоинство.

Желание было на грани. Я дрогнул под ее ладонью. — Эвери.

Она расплылась от звука своего имени, закидывая голову назад, и это было невероятно красиво.

Я не помню, как встал, но она обвила меня, и я отнес ее на кровать. После того, как я положил ее по центру, она наблюдала за

тем, как я полностью разделся. Ее губы приоткрылись, и я простонал.

Я упал на кровать, кровь стучала в висках, просунул пальцы под ее трусики, в ожидании сигнала согласия.

Она приподняла бедра.

Я возблагодарил Бога и Иисуса.

Наконец-то, после столь долгого времени, между нами ничего не стояло. Не правда, прозвучал голос у меня в голове, но это отошло в сторону, когда мой взгляд нашел ее. Я говорил, что она красивая миллион раз, и скажу это еще столько же. От темных сосков до очаровательных изгибов бедер и скрытой зоны между ними, она была чертовски красива.

Я пробовал ее тело на вкус, продвигаясь вниз, а потом обратно вверх, но не достаточно, чтобы *полностью* вкусить её. Я навис над ней, позволив ей почувствовать меня между ее бедер. Эвери дрожала, и я зажмурился, когда она положила руки мне на грудь.

Мое тело напряглось, в готовности быть в ней. — Ты хочешь этого?

— Да, — ответила она, и словно ангелы спустились на землю.

Наши пристальные взгляды встретились, я опустил голову, целуя ее, и опустился на нее. В мыслях промелькнуло надеть презерватив, но я не мог остановиться. Кончик моей эрекции скользнул, а потом устремился в ее влажность, от чего все мышцы моего тела напряглись. Ощущение было сокрушительным. Поцелуй стал сильнее, и я расслабил бедра…

Эвери отстранила голову в сторону.

— Нет. Перестань. — Она толкнула меня в грудь, с удивительной силой. — Пожалуйста, остановись.

Слова сквозь дымку дошли до моего сознания, и я замер.

— Эвери? Что…?

— Слезь, — сказала она высоким голосом, полным паники. — Слезь. *Пожалуйста*. Слезь с меня.

Я не имел понятия, что происходит, но сразу же слез с нее, и она заерзала. Сползая с кровати, схватила одеяло и прижала его к груди, поднявшись на ноги. Она пятилась назад, пока не врезалась в шкаф,

от чего флакончики затряслись и некоторые из них свалились. Кожа вокруг ее губ была бледной, а глаза темными и широко раскрытыми.

— Боже, — хрипло прошептала она.

Беспокойство и ужас переполняли меня, когда я уставился на нее. — Я сделал тебе больно? Я не…

— Нет. Нет! — Она закрыла глаза. — Ты не причинил мне боль. Ты даже не… Не знаю. Прости…

Я опустил руки на кровать. — Поговори со мной, Эвери. Что только что произошло?

— Ничего, — сказала она хрипло. — Ничего не произошло. Я просто подумала…

— Что ты подумала?

Она покачала головой. — Не знаю. Ничего серьезного…

— Ничего серьезного? — Мои брови взлетели. Она что, серьезно? — Эвери, ты только что перепугала меня до чертиков. Ты впала в панику, словно я делал тебе больно или… — Следующие слова были на вкус, как пепел с блевотой, когда я их произнес. — Или, словно я принуждал тебя к этому.

— Ты не принуждал меня, Кэм. Мне нравилось то, что ты делал.

Я не мог понять, что только что произошло. — Ты же знаешь, что я тебе никогда не причиню боль, правда?

— Да. — Слезы наполнили ее глаза.

— И я никогда не буду принуждать тебя делать то, что ты не хочешь. — Я не отпускал ее взгляд. — Ты понимаешь это, так ведь? Если ты не готова, я понимаю, но ты должна поговорить со мной. Ты должна дать мне знать, когда до этого дойдет.

Она кивнула, но мне не стало лучше. Я слышал лишь ее испуганный голос, когда она умоляла меня остановиться. Воздух застрял в легких, и все, что я знал об Эвери, всплыло в памяти, все вело к тому, о чем я уже предполагал, но молился, чтобы с ней этого не произошло.

— Что ты скрываешь от меня? — спросил я. Когда она ничего не ответила, моя челюсть дернулась. — Что произошло с тобой?

— Ничего! — прокричала она. — Нечего обсуждать, черт подери. Просто оставь эту тему.

— Ты лжешь. — Я вздохнул. Больше никаких секретов. — Ты лжешь мне. Что-то произошло, потому что это? — Я указал на кровать позади меня. — Дело было не в том, что ты не готова. Дело было в чем-то другом, потому что, знаешь — *знаешь* — я подожду, пока ты будешь готова, Эвери. Я клянусь, но ты должна рассказать мне, что твориться у тебя в голове.

Она все молчала, и я почувствовал, как боль нарастает в груди, когда ко мне пришло ужасное осознание. Она верит мне? Она понимает, что я чувствую? Но важно ли это, если она не доверяет мне? От ответа у меня по позвоночнику пробежал холодок.

— Умоляю тебя, Эвери. — Я наклонился вперед, сжав простынь. — Ты должна быть открытой и честной со мной. Ты сказала, что доверяешь мне. Ты должна доказать это, потому что я знаю, что ты что-то не договариваешь. Я не глуп и не слеп. Я помню, как ты вела себя в нашу первую встречу и отчетливо помню, что ты сказала в ночь, когда напилась. И то сообщение, которое ты получила? Хочешь сказать, это не имеет никакого отношения ко всему этому? Если ты доверяешь мне, ты, в конце концов, расскажешь мне, что, ей-богу, происходит.

— Я доверяю тебе, — прошептала она.

Я ждал пока она продолжит, скажет что-то, что подтвердит ее слова, но она ни слова не произнесла, и я почувствовал, как что-то ломается у меня в груди. Я скинул простыни и встал. Взяв джинсы, натянул их, а сердце билось так, как будто я был болен.

Повернувшись к ней лицом, я запустил руки в волосы. — Я не знаю, что еще с тобой делать, Эвери. Я рассказал тебе то, чем не горжусь. То, что едва ли кто-то знает в этом мире, а ты продолжаешь хранить от меня секреты. Ты *все* от меня скрываешь. Ты мне не доверяешь.

— Нет… доверяю. — Она направилась ко мне, но остановилась. — Я доверяю тебе свою жизнь.

Гнев пронзил меня словно булава. — Но не правду? Это полная чушь, Эвери. — Я гордо вышел из спальни. — Ты не доверяешь мне.

Она пошла за мной, все еще укутанная в одеяло. — Кэм…

— Не надо. — Я поднял свой свитер с пола и повернулся к ней. — Я больше не знаю, что делать. Я, конечно, не все в мире знаю, но одно знаю точно: отношения так не работают.

— Что ты хочешь этим сказать? — Ее голос задрожал, и я, скрепя сердцем проигнорировал это.

— А как ты думаешь, Эвери? У тебя есть какие-то очевидные проблемы, и не надо смотреть на меня так, словно я пнул твоего щенка. Думаешь, я бы бросил тебя, потому что узнал что-то о тебе? Как и в тот раз, когда ты решила, что я изменю о тебе мнение, если увижу твой шрам на запястье? Знаю, ты так и думаешь, но это чушь собачья. Я вдохнул, и боль ударила мне в грудь. Следующие слова *ранили*. — Как у нас может быть будущее, если ты не можешь быть честна со мной? Если ты не можешь поверить в силу моих чувств, тогда у нас нет будущего. Из-за этого и кончаются отношения. Не из-за прошлого, Эвери, а из-за *настоящего*.

— Кэм, пожалуйста…

— Хватит, Эвери. Я уже сказал. Единственное, что я у тебя просил: доверять мне и не отгораживаться. — Я заставил себя выйти за дверь. — А ты не веришь и опять отгораживаешься.

Я закрыл за собой дверь, игнорируя обжигающий ком, образующийся в горле. Я просил у Эвери то, чего она не могла мне дать. Ничего, даже любовь, не сработает без доверия.

Все было кончено.

Глава 26

— Ну, наконец-то ты выполз из комнаты и принял душ.

Я остановился на полпути между гостиной и ванной. Увидев Джейса на диване, я проигнорировал его замечание и натянул на себя футболку. — Ты мой новый сосед или у тебя новая развлекуха — тусоваться в моей квартире?

Его губы изогнулись в самодовольной улыбке. — Вообще-то, пока ты два дня отрывал свою сварливую задницу от постели, меня впустил Олли.

Я уселся на другой конец дивана и, взяв свою кепку, низко натянул ее на глаза. — А где мой высокоуважаемый сосед?

— Он в доме братства. — Джейс закинул ноги на журнальный столик, скрестив их в лодыжках. — Там сейчас жесткая схватка в Call of Duty.

— А ты почему не там?

Он пронзил меня таким сухим взглядом, что аж пить захотелось. — Серьезно? Олли не видел тебя два дня. Ты только что вынырнул из своей берлоги. Он беспокоится.

Я закатил глаза. — Очень сомневаюсь.

Джейс смотрел на меня до боли знакомым взглядом. Я застонал, а он бесстыдно ухмыльнулся. — Какого хрена происходит, Кэм?

Как мне ответить на этот вопрос? И с чего начать? Я откинул голову назад на диван и простонал. Знакомое обжигающее чувство стало формироваться в области груди. Мысли о ней, осознание того, что она была так близко и одновременно далеко от меня, убивало меня.

— Кэм?

Я покачал головой, сухо смеясь. — Она мне не доверяет.

Возникла пауза. — А поподробнее?

— Куда уж подробнее. — Я поднял руки, потирая лицо ладонями. — Она не говорит мне правду о том… ну, не знаю о чем, но знаю, что это действительно важно.

— Это связано с тем, о чем ты думал в ночь вечеринки? — спросил он.

Я кивнул, ничего не сказав.

— Ясно. — Джейс вздохнул. — Думаю, о таком непросто говорить, чувак.

— Знаю. Черт. Я знаю, но ты не понимаешь… — Я замолчал, с трудом сглотнув. — Есть вещи, которые я не буду обсуждать, Джейс. Я с ней так не поступлю.

— Знаю. Я понимаю. — Джейс опустил ноги на пол и наклонился вперед. Он издал еще один тяжелый вздох. — Но что случилось? Я так понимаю, вы поссорились.

— Поссорились? — я опять рассмеялся, но это казалось так неправильно. — Я ее бросил.

— Ого. — Джейс поджал губы. — Нихрена себе.

Я беспомощно поднял руки вверх. — Я просил ее — я умолял ее сказать мне правду, а она не сказала.

— И ты ее бросил?

— Знаю, как это звучит. — Я посмотрел на него. — Я и без твоей помощи считаю себя последним дерьмом.

Он удивился. — Я и слова не сказал.

— Но ты так думаешь. — Я прищурил глаза. — Но ты не понимаешь. Ничего не может быть без взаимного доверия, ничего, если она мне не доверяет.

Джейс кивнул, — Согласен. Просто очевидно, что она тебе не безразлична…

— Так и есть, но…

Но я хотел отношений, как у моих родителей. Хотел чего-то длительного с Эвери, но как мы можем выстроить отношения, когда она не может доверить мне свое прошлое. Когда я ей доверил? Не можем. И я не могу еще раз пережить то, что произошло с ней в среду вечером. Никогда не хочу видеть этот ужас на ее лице. Никогда не хочу думать, что я тому причина. Мне все еще не по себе, когда я думаю об этом сейчас. Не потому, что могло с ней произойти, а потому, что мои действия каким-то образом привели ее в ужас.

И это никогда не измениться, пока она не будет со мной честна.

Вскоре после этого Джейс ушел, но сначала попытался уговорить меня пойти с ним. Я был не в настроении находиться в окружении других людей, особенно кучки пьяных. Когда спустя час раздался стук в дверь, я подумал, что он вернулся, но, открыв дверь, был сбит с толку.

Предо мной стояла Эвери, обвив руки вокруг талии. Ее глаза были красные и опухшие. Свежие слезы стекали по щекам. Я открыл было рот, но закрыл обратно.

— Мы можем поговорить? — Я ощутил резкий укол в грудь от звука ее надломленного голоса. — Пожалуйста, Кэм. Я не отниму у тебя много времени. Я просто…

— Ты в порядке, Эвери? — Беспокойство за нее затмило все остальное.

— Да. Нет. Не знаю. — Она слегка покачала головой. — Мне просто нужно поговорить с тобой.

Глубоко втягивая воздух, я отступил в сторону. — Олли нет дома.

Ее плечи немного расслабились. Я провел ее в зал и сел на диван. Я не имел понятия, что происходит, но сомневался, что она собирается признаться. — Что происходит, Эвери?

Она устроилась на краешке ободранного кресла, который принадлежал отцу Олли. — Все.

Напрягшись, я наклонился вперед и повернул кепку козырьком назад. — Эвери, что случилось?

— Я не была честна с тобой, и мне жаль. — Ее губы стали трястись, и желанию заключить ее в объятия было сложно противостоять. — Мне так жаль, и, скорее всего, у тебя нет времени для…

— У меня есть для тебя время, Эвери. Ты хочешь поговорить со мной, я здесь. Я был здесь. И я слушаю.

Я смотрел ей в глаза до тех пор, пока она не сделала глубокий вдох и стала говорить… Говорить по-настоящему. — Когда мне было четырнадцать, я пошла на вечеринку по случаю Хэллоуина. Я была там с друзьями. Мы все были в костюмах, и там был этот парень. Это

был его дом и… и он был на три года старше меня и дружил с моим двоюродным братом.

Взгляд Эвери переместился на ее руки. Она сжимала и разжимала их каждую секунду. — Он был очень популярен. Так же, как и я. — Она сухо рассмеялась. — Это может показаться не важным, но это было важно. Я никогда не думала, что такой как он может сделать… может оказаться таким. И, возможно, это было глупо с моей стороны, можно назвать это раковой ошибкой или чем-то типа того. Не знаю. — Она подняла глаза, пронзая меня взглядом полным слез. — Мы разговаривали, и я выпивала, но была не очень пьяна. Клянусь тебе, я не была пьяной.

— Я верю тебе, Эвери. — Боже, я знал, куда все идет и уже испытывал за нее боль. — Что произошло?

— Мы флиртовали, и это было весело. Знаешь, я ничего не думала. Он был хорошим парнем и привлекательным. В какой-то момент, он усадил меня к себе на колени, и кто-то сделал фото. Мы веселились. — Во второй раз она рассмеялась также хрипло. — Когда он поднялся и потянул меня в одну из свободных гостевых комнат на нижнем этаже, у меня и мысли не закралось. Мы сидели на диване и болтали какое-то время. А потом он обнял меня.

Эвери остановила рассказ, потирая руки, и я приготовился. Я, правда, старался.

— Сначала я не возражала, но он стал делать то, чего мне не хотелось. Я просила его остановиться, а его это смешило. Я стала кричать и пыталась вырваться, но он был сильнее меня, и как только он уложил меня на живот, я больше не могла что-либо предпринять, лишь просить его остановиться.

Я перестал дышать.

— Он остановился?

Пожалуйста, скажи мне, что он остановился. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

— Нет, — ответила она тихо. — Он не останавливался, что бы я не делала.

Меня словно в спину подстрелили. Я начал вставать, потому что мне *нужно* было двигаться, но не мог заставить ноги пошевелиться.

— Он изнасиловал тебя?

Она закрыла глаза, а потом… потом кивнула и открыла глаза, и больше всего мне хотелось изменить ее «да» на «нет». Но это не было мне под силу.

— Я все еще девственница. Там он меня не тронул. Он не так… изнасиловал меня.

Сначала я не понял. Может мозг был перегружен, потому что я не мог понять, как ее могли изнасиловать, а она оставалась девственницей, но потом до меня дошло. Меня охватил ужас. Он… Больной ублюдок содомировал ее. Руки сжались в кулаки.

— Сукин сын, тебе было *четырнадцать*, и он сделал это с тобой?

— Да.

Я вцепился себе в волосы, мне хотелось их вырвать.

— Черт. Эвери. Я кое-что подозревал. Я думал, что подобное могло произойти с тобой.

— Ты догадывался?

Я кивнул.

— По тому, как ты иногда реагировала. Какой бывала нервной, но я надеялся, что все было не так серьезно. И когда ты мне рассказала, что все еще девственница, то я подумал, что причина в этом. Эвери, мне очень, очень жаль. Ты никогда не должна была проходить через нечто подобное, особенно в таком возрасте… — Гнев встал у меня посреди горла. — Пожалуйста, скажи, что этот ублюдок сел за это.

— Теперь, да. — Она переместила взгляд на телевизор. — Это длинная история.

— У меня есть время. — Я дал ей время, не желая, чтобы она закрылась от меня, не после того, как мы зашли так далеко, не тогда, когда мне хотелось совершить убийство. — Что еще, Эвери? Пожалуйста, расскажи, потому что еще пара секунд, и я забронирую билет в Техас и убью ублюдка.

Она отклонилась назад, притягивая колени к груди.

— После того, как он закончил, мне кажется, что он не

догадывался, что сделал что-то ужасное. Он просто бросил меня там на своем диване, а когда я смогла подняться, то знала, что нужно кому-то рассказать. Я знала, что должна отправиться в больницу. Мне было так… — *Больно*. Она не закончила предложение, но я видел это в ее глазах. — Я не смогла найти своих друзей, но отыскала свою сумочку, и, наконец, вышла из дома и все шла, и шла, пока не вспомнила, что у меня с собой телефон. Я позвонила 911.

Она внезапно встала.

— В конце концов, я оказалась в больнице, и они провели обследование. Появилась полиция, я рассказала им о происшедшем, и это была правда.

— Конечно же, это была правда. — Я наблюдал, как она мерила комнату быстрыми и возбужденными шагами.

— К тому времени, как полиция ушла из больницы, вечеринка закончилась, но Блейн был у себя дома, — продолжила она, словно не слышала меня. — Они арестовали его и отвезли в участок. Я пошла домой и следующие два дня не ходила в школу, но все узнали, что его арестовали за содеянное. А потом явились его родители.

— Что ты имеешь в виду?

— Наши родители были… *и остаются* приятелями по загородному клубу. Все, о чем они когда либо заботились — это имидж. У моих родителей больше денег, чем можно представить, но… — Ее голос стал грубым и хриплым. — Фицджеральды предложили моим родителям сделку. Если я откажусь от обвинений и буду молчать о случившемся, они выплатят мне и им баснословную сумму.

Я уставился на нее.

— И твои родители послали их куда подальше, так?

Она рассмеялась, но смех казался надломленным.

— Они показали моим родителям фото, где были мы с Блейном на вечеринке, и сказали, что если дело дойдет до суда, никто не поверит девчонке в развратном костюме, сидящей у него на коленях. И мои родители, они не хотели ввязываться в скандал. Им было выгоднее замять дело, поэтому они согласились.

— Твою мать, — прошептал я с хрипотцой.

— Все произошло так быстро. Я не могла поверить, в то, что говорили мне мои родители. Они и раньше едва обсуждали это со мной, но они… они так волновались о том, что все подумают, если все всплывет наружу… фотографии и тот факт, что я *выпивала*. Я просто была так напугана и смущена, и понимаешь, я даже не уверена, что они поверили мне. — Она откинула волосы назад, зажмуривая глаза. — И я подписала бумаги.

Я не только хотел убить ублюдка совершившего это, но еще и добавить в этот список ее родителей.

— Я согласилась взять деньги, половина из них была переведена на мой счет, и по достижению восемнадцати лет, я получала к ним доступ, и я согласилась снять обвинения и не поднимать эту тему снова. — Она опустила руки и посмотрела на меня. — Я ужасный человек, не правда ли?

— Что? — О, нет… — Ты не ужасный человек, Эвери. Господи боже, тебе было четырнадцать, и твои родители должны были послать их куда подальше. Кого и стоит винить, помимо урода, который сделал такое с тобой, это их. В этом нет твоей вины.

В ее глазах промелькнуло облегчение, но, как только она упала в кресло, я понял, что это еще не все. Твою мать. Было еще что-то. — В течение нескольких дней, все в школе ополчились против меня. Похоже, в соглашении ничего не говорилось о том, чтобы Блейн держал свой рот на замке. Он сказал всем, что я соврала. Что я делала всё это с ним по своей воле, а потом ложно его обвинила. Все ему поверили. А с чего им не верить? Я отказалась от обвинений. Я не могла это обсуждать. Школа… превратилась после этого в ад. Я потеряла всех друзей.

Все стало складываться. — Вот почему ты бросила танцы?

Да. Я не могла вынести пристальных взглядов людей и перешептывания о том, что они слышали или, когда открыто обсуждали это прямо передо мной. И я сделала это… — Она подняла свою левую руку. — Моя мама была в ярости.

Я не мог поверить в то, что она только что сказала. — Она рассердилась из-за того, что ты… — Я покачал головой. — Не удивительно, что ты не ездишь домой повидаться с ними.

— Поэтому я выбрала этот город, понимаешь. Он достаточно далеко, чтобы просто сбежать прочь от всего этого. Я думала, что все,

что мне нужно — это уехать подальше.

— То сообщение, которое я видел. Оно от того, кто знал о произошедшем?

— Кто бы ни сказал, что нельзя сбежать от своего прошлого, знал не понаслышке, о чем говорил.

Желваки на моих скулах двигались как сумасшедшие.

— Что еще случилось, Эвери? Ты сказала, что этот *Блейн* в тюрьме? Но кто пишет тебе сообщения?

Сгорбившись, она уронила голову на ладони. Ее лицо было закрыто вуалью из блестящих волос.

— Я получаю эти сообщения с августа. Я думала, что это просто какой-то козел, и игнорировала их. И мой двоюродный брат пытался со мной связаться, но я игнорировала и его, потому что… в общем, по очевидным причинам. Я, наконец, поговорила с братом во время зимних каникул, в тот вечер, когда пришла в твою квартиру.

— В ту ночь, когда был бой?

— Да… Он пытался связаться со мной, чтобы рассказать о том, что Блейна арестовали за то, что он проделал то же самое с другой девочкой в начале лета. На самом деле он попросил прощения. Это много для меня значило, но… Я не знала, что именно эта девушка пыталась со мной связаться все это время. — Сделав глубокий вдох, она подняла голову. — Блейн сделал это с другой девушкой. И она, по-видимому, пыталась связаться со мной, потому что не знала о деньгах. Она пошла в полицию и стояла на своем. Она упрятала его за решетку, а я… Когда я не отвечала, она подумала, что я лгала о Блейне, либо еще что-то. И чем дольше я не отвечала ей, тем рассерженнее она становилась. Если бы я не подписала те бумаги, он бы никогда не смог ей навредить.

Я покачал головой.

— То, что с ней произошло ужасно, и я рад, что этот сукин сын отправится за решетку. А еще лучше, его должны кастрировать, но в том, что случилось с ней, нет твоей вины, милая. Ты не заставляла его делать это ни с ней, ни с тобой.

Её глаза наполнились слезами. — Но из-за моего молчания он смог снова это сделать.

— Нет. — Я встал. — Не смей себе вбивать это в голову. Никто не знает, как бы все было, если бы ты не отказалась от обвинений. Тебе было четырнадцать, Эвери. Ты сделала все от тебя зависящие в этой ситуации. Ты выжила.

— Но это все, понимаешь? Все, что я делала, это выживала. Я не жила. Посмотри, что я сделала с нами. И да, это моя вина! Я *снова* оттолкнула тебя.

— Но ты рассказываешь мне сейчас.

— Я позволила произошедшему пять лет назад все еще влиять на мою жизнь! Когда мы были в шаге от того, чтобы стать еще ближе! Я не боялась тебя или того, что будет больно. Я боялась, что как только мы переступим эту черту, то, что сделал Блейн, все разрушит, или я сделаю это собственноручно. Я трусиха… *была* трусихой. — Она подскочила на ноги, ее лицо раскраснелось от слез. — Но уже слишком поздно, так ведь? Я должна была быть с тобой честна давным-давно, тогда бы ты знал, во что ввязываешься, и мне так жаль, что я этого не сделала.

Я потянулся к ней. — Эвери…

— Мне так жаль, Кэм. Я знаю, мое запоздалое признание ничего не меняет, но я должна была тебе сказать, что ты делал все правильно. Ты был идеален — *идеален* для меня — и я люблю тебя. Я знаю, что ты уже не сможешь смотреть на меня так, как раньше. Я понимаю.

Что? Мои руки упали, пока я пристально на нее смотрел. А потом, я оказался напротив нее, удерживая ее лицо в ладонях. — Что ты сказала?

— Что ты не сможешь смотреть на меня так как раньше?

— Нет. После этого.

— Я люблю тебя? — прошептала она.

— Ты любишь меня?

— Да, но…

— Перестань, — приказал я ей. — Ты думаешь, что изменилась в моих глазах? Я уже говорил тебе, что всегда подозревал, что что-то произошло…

— Но ты надеялся, что это не так! — Она попыталась отстраниться, но я не позволил ей снова убежать. Больше никогда. — До этого ты смотрел на меня с *надеждой*, а теперь ее нет.

— Так ты считаешь на самом деле? Это останавливало тебя все это время от того, чтобы поделиться со мной?

Она потупила взор. — Все смотрят на меня иначе, стоит им узнать.

— Я не все, Эвери! Не для тебя, не с тобой. Ты считаешь, что у меня больше нет надежды? Надежды на то, что когда-нибудь ты оставишь это позади? Что это не будет терзать тебя еще пять лет?

Эвери выглядела слишком испуганной, чтобы вымолвить хоть слово, и я притянул ее руки к своей груди, к сердцу.

— У меня есть надежда. — Я не отпускал ее взгляд. — У меня есть надежда, потому что я тебя люблю… Я был *влюблен* в тебя, Эвери. Вероятно даже до того, как осознал это.

Она округлила глаза.

— Ты любишь меня?

Я прижался лбом к ее лбу.

— Я люблю тебя.

— Ты *любишь* меня?

Я слегка улыбнулся.

— Да, милая.

Эвери не отрывала взгляд какое-то время, и я увидел в ее глазах переломный момент. Когда стены, возведенные ею вокруг себя, с целью просто пережить еще один день, наконец-то рухнули. Слезы потекли ручьем из ее глаз, так много, что, мне казалось, в них можно было утонуть. Когда тайн не осталось, она оказалась обнаженной, впервые за много лет.

Эмоции подкатывали к горлу, и я крепко ее обнял. Она поддалась по собственному желанию, сжимая мою футболку. И продолжала рыдать, и я знал, что не в силах это остановить. Что она должна выпустить эмоции наружу.

Я поднял ее на руки и отнес к себе в комнату. Уложил в постель.

Пристроился рядом с ней, прижав к груди, а она прильнула ко мне, продолжая плакать, словно боялась, что я оставлю ее.

А я никогда больше не оставлю ее.

Глава 27

Уже было за полночь, когда на тумбочке завибрировал мой телефон. Полусонный, я повернулся и нащупал его рукой. На экране высветилось сообщение от Пироженки, состоящее из одной фразы.

«Тук-тук.»

Между нами все очень изменилось за последние пару недель, после того, как она рассказала мне всю правду.

Я усмехнулся, сбросил с себя простыни и поспешил через гостиную открывать входную дверь. Эвери стояла там босая, в коротеньких шортиках и тоненькой рубашке. В еще прохладные ночи начала мая, рубашка оставляла очень мало простора для воображения.

Она улыбнулась, я взял ее за руку и потянул внутрь, тихо закрывая за нами дверь.

— Что за…? — прошептала она, уставившись на пол между журнальным столиком и диваном.

Олли лежал лицом вниз, щека впечаталась в подушку, которую я запихнул ему под голову, прежде чем отправится спать. Его негромкий храп вскоре превратился в рев бензопилы.

— Не спрашивай, — шепнул я в ответ.

Тихо хихикая, она сжала мою руку. Мы быстро пошли в мою комнату и, оказавшись внутри, я заключил ее в объятья. — Что ты делаешь? — спросил я. — У тебя завтра в девять утра экзамен.

— Я знаю. — Она отошла назад, ведя меня к кровати. Когда она села, я остался стоять. — Но это мой последний экзамен, и я уже заучилась до такой степени, что у меня мозг вскипел.

Я рассмеялся. Всю последнюю неделю вместе мы только и делали, что готовились к экзаменам. — Разве ты не должна спать?

— Мне было одиноко. — Она улыбнулась и протянула ко мне руки. — И я скучала по тебе. И скучала…

Ей не пришлось заканчивать фразу. Я знал, о чем она думала,

чего она хотела. Я был благодарен, что узнал о случившемся, но я не знал… не знал, с чего начать. В последний раз я чуть не подтолкнул ее к тому, к чему она не была готова. Так что я вообще на нее не давил.

— Скучала по мне? — я быстро сменил тему. — Я знаю. Мое отсутствие хотя бы в течение пары часов может вызвать учащенное сердцебиение, аномальную потливость, случайные…

— Думаю, твое высокомерие — это на самом деле болезнь.

Я дерзко ей улыбнулся. — Мне нравится думать, что это символ силы.

— Убеждай себя в этом. — Освободив руки, она опустилась передо мной на колени. У меня пересохло во рту, когда я посмотрел в ее запрокинутое лицо. — Только убеждай молча. Сейчас, постарайся ничего не говорить.

Я поднял брови. — Ну…

Она улыбнулась, но я не заметил румянца на ее щеках, когда она, наклонившись, положила руки на мою оголенную грудь и затем вытянула их вверх, скользя пальчиками по моим щекам. Она наклонила мою голову к своей.

— Я скучала по тебе, Кэм. — Она потерлась кончиком носа о мой. — Ты разве не скучал?

Я закрыл глаза и сомкнул пальцы на ее худеньком запястье. — Скучал.

— Хорошо, — прошептала она.

Она коснулась своими губами моих и нежно меня поцеловала. Её поцелуи были незабываемыми, особенно, когда мы были в позиции лежа. Она целовала очертания моих губ, пока я не открыл рот. Её вкус затуманил мои мысли. Я не понял, что она отпустила моё лицо, пока не почувствовал кончики ее пальцев под моей нейлоновой рубашкой.

Я сильнее сжал ее запястье, подняв голову вверх. — Эвери, может мы…

— Может, ты позволишь мне сделать это. — Ее грудь резко поднялась, когда ее взгляд стал настойчивее. Невозможно было скрыть, что я хотел, чтобы она сделала это. Уголки ее губ

приподнялись в широкой улыбке. — Думаю, ты *очень* хочешь, чтобы я сделала это.

— Хочу. Боже, хочу, но…

Она заставил меня замолчать поцелуем, который дал понять, что мне нужно было позволить ей делать все, что она хотела. По одному разжимая пальцы, я убрал руки в сторону.

В этом танце вела она.

Эвери оторвалась от губ и поцеловала мою грудь, над сердцем. Я напрягся, когда она начала снимать с меня шорты, и они в ту же секунду упали на пол. Меня пронзило страстное желание, когда, положив руки на мои бедра, она поцеловала низ моего живота. Когда кончики ее волос скользнули по моему телу, мои руки сжались в кулаки. А она продолжала дальше, скользя одной рукой по животу, от чего мое тело содрогнулось. Она обвила свои пальчики вокруг меня. Я дрожал… все мое тело пульсировало. Ее дыхание танцевало на моем стволе.

Я коснулся ее щеки, останавливая ее.

— Эвери, ты не обязана этого делать.

Она подняла голову.

— Но я хочу.

Я было открыл рот, но слова — какими бы они там ни были — растаяли у меня на языке, когда она накрыла мой конец своим ртом. Чувства взорвались в нескольких местах. Я откинул голову назад, застонав, когда ее рука начала двигалась в ритм с ее ртом.

Я не хотел оттягивать. Моя спина изогнулась, а она ублажала меня. Черт. Я не мог оттягивать. Никак. Волна облегчения накрыла меня, и мои бедра дернулись. Я пытался отстранить ее, но она словно прилипла. Она никуда не собиралась. И я кончил, прокричав ее имя.

Казалась, будто вечность прошла, и только тогда она отстранилась. Пока моя грудь прерывисто то поднималась, то опускалась, тяжело дыша, я поцеловал ее в лоб.

— Эвери…

— Тебе понравилось?

Я кашлянул, смеясь.

— *Не то слово*.

— Я быстро учусь.

Это уж точно. Положив ей руки на плечи, я перевернул ее на спину. — Эвери?

Она положила руки за голову. — Да?

— Приготовься.

Она озадачено посмотрела на меня. — Приготовиться к чему?

Я поцеловал её, показывая своими губами и языком, к чему именно приготовиться и чего так давно не делал.

— Печеньки! У меня есть печеньки!

— Какие? — донёсся голос Пироженки из спальни.

Она оставила для меня дверь открытой, и это надо было с ней обсудить позже, но прямо сейчас у меня теплая тарелка специальной доставки. Я направился обратно в спальню, где нашел ее лежащей на кровати, с скрещенными на животе руками.

— С арахисовым маслом, — ответил я. — Но особенные.

Она улыбнулась и вытянула свои босые ноги. — И что же в них особенного?

— Ну, помимо того, что я испёк их в честь твоего последнего экзамена, печеньки не из обычного арахисового масла. — Я поставил тарелку на тумбочку. — А из масла «Риз».

Она удивленно посмотрела на меня. — А есть разница?

— Естественно. — Я прыгнул на кровать, улыбнувшись, когда Пироженка подскочила. — Чем ты тут занимаешься?

— Дурака валяю.

Я пристально на нее посмотрел. — Ты в порядке?

— Да. — Когда она улыбнулась, и улыбка добралась до её глаз, я расслабился. — Печенюшку?

— Печенюшку… — Потянувшись, я осмотрел тарелку в поисках самой вкусной. Как только я определился, то передал ее ей.

Подпирая подбородок одной рукой, она укусила печеньку и тут же застонала. — Боже, это… — Она откусила еще кусочек. — Чертовски вкусно.

— Знаю. — Я взял одну и целиком засунул в рот.

Пироженка потянулась за еще одной, а я схватил тарелку и убрал ее подальше от нее. Эвери ударила меня в живот. Пришлось дать ей печенье.

После того, как мы наелись арахисового великолепия, я растянулся рядом с ней на кровати и начал накручивать прядь её волос на палец. Я легонько ударил ее по кончику носа, когда она закрыла глаза. — И, каково это быть второкурсницей?

Она выхватила волосы у меня из рук. — Официально я пока не второкурсница. Учеба еще не началась.

— Я уже считаю тебя второкурсницей. — Непоколебимый, я поймал другую прядь и провел кончиком по ее щеке. — А мое слово — закон.

— Тогда, как тебе, наконец, быть выпускником? Это будет твой последний год.

— Потрясающе. — Я провел по ее нижней губе. — Потрясающие ощущения.

Пироженка перевернулась на бок, схватившись пальчиками за воротник моей футболки. — Чертовски приятно чувствовать себя второкурсницей.

— Было бы лучше, не запишись ты на летний курс.

— Правда, — согласилась она.

Но ничего страшного. Я буду заниматься с детьми в летнем футбольном лагере, так что, в любом случае, я буду здесь.

Она придвинулась ближе, положив руку мне на плечо и закидывая на меня ногу.

— Достаточно близко? — поинтересовался я.

— Нет.

Я смеялся, а мои пальцы пробегались свободно и медленно верх-вниз по ее позвоночнику. Я развернул голову, целуя ее в лоб. Такие

минуты тишины были лучшими. Я почти задремал, когда она вдруг повернулась и оседлала меня.

— Приветик, — сказала она.

Мне нравилось к чему все идет. Я положил руки на ее талию. — И тебе привет.

— Я тут немного подумала.

— Боже.

— Замолчи. — Она наклонилась, нежно меня целуя. — Вообще-то, я много думала. И хочу кое-что сделать.

— Что? — Мои руки опустились ниже к ее шортикам, остановившись на бедрах.

Она закусила нижнюю губу. — Я хочу съездить домой.

Такого я не ожидал и уж тем более не приветствовал. — В Техас что ли?

— Да.

— Надолго?

Она положила руки мне на живот и откинулась назад, прижимаясь ко мне. Я напрягся, пристально посмотрев на нее. У меня было ощущение, что она сделала это специально.

— Ты не избавишься от меня так легко, — сказала она. — Это всего на день или два.

— Черт. Похоже, мой план провести лето в образе сексуально помешанного холостяка срывается.

Пироженка закатила глаза.

— Чем собираешься заняться, если вернешься туда?

— Хочу проведать родителей. Мне нужно поговорить с ними.

Я погладил ее бедра. — О том, что случилось?

— Я никогда не обсуждала с ними то, что произошло, с той самой ночи. — Она зеркально отражала мои движения, пробегаясь пальчиками по моей груди. — Я должна с ними поговорить. Знаю, кажется, что я веду себя как сучка, но мне нужно сказать им, что то, как они поступили было не правильно.

— Ты не ведешь себя как сучка, но стоит ли это того? — Я положил руки поверх ее. — Я хочу сказать, думаешь, это поможет тебе и не…

— Ранит меня? — Она улыбнулась. — Они не могут ранить меня сильнее, чем уже сделали, но у меня есть ощущение, что я должна дать им отпор. Я плохой человек?

— Нет. — Мне это не нравилось. Они все еще могли причинить ей боль.

— Мне нужно сделать это. А также мне нужно поговорить с Молли.

Ладно. Мне действительно это не нравилось. — Что?

— Я должна с ней поговорить и попытаться объяснить, почему так поступила. Знаю, это рискованно, и если все всплывет и аукниться мне из-за нарушения пункта о неразглашении, пусть так и будет, но если я смогу сделать так, что она поймет меня хоть немножечко, тогда, может быть, это поможет ей, и она перестанет писать мне.

— Не знаю. Кажется, эта девчонка немного не в себе.

— Она не сумасшедшая, — сказала она. — Просто разгневана, и у нее есть на то причина.

— И ты не виновата в том, что это произошло с ней. — Я притянул ее руки к губам, целуя ее костяшки. — Ты же знаешь? Ты не ответственна за это.

Некоторое время она молчала. — Я должна сделать это ради себя и Молли. Я больше не хочу бежать, Кэм. И, знаю, возможно, я никогда не смогу оставить все в прошлом. То что случилось… это всегда будет частью мня, но это буду не я. Больше нет.

Я не хотел, чтобы она делала это, и не считал, что это ей действительно нужно. Она не понимала, что уже начала учиться спокойно жить с этим, но я не стал ее останавливать. — Знаешь, что я думаю?

— Я великолепна? — Она дерзко улыбнулась.

— Помимо этого.

— Что?

— Я думаю, ты уже сделала это, Эвери. Думаю, ты уже приняла то, что это часть тебя, но это не то, кем ты являешься. Просто пока ты не осознала это, но если ты хочешь сделать это, тогда дерзай, а я буду там, рядом с тобой.

— Ты хочешь поехать со…

Она завизжала, когда я перевернул ее на спину. Я завис над ней. — Ты не сделаешь это сама. Черт возьми, нет. Я поеду с тобой. И ты меня не отговоришь. Когда ты хочешь поехать?

Долго не отрывая от меня взгляд, она улыбнулась. — У тебя уже есть планы на эти выходные?

— Боже.

Пироженка прикоснулась к моей щеке подушечками пальцев. — Мне это нужно.

Я поцеловал кончик ее носа. — Не думаю, милая, но если ты так считаешь, тогда остальное не важно.

— Ты, правда, хочешь поехать со мной? — прошептала она.

— Это глупый вопрос, Эвери. И да, глупые вопросы существуют. Это был один из них. Конечно, я буду рядом с тобой.

Ее губы расплылись в широкой красивой улыбке. — Я люблю тебя.

— Знаю.

— Нахал.

— Уверенный в себе. — Я нежно ее поцеловал. — Я люблю тебя, милая.

Она собиралась обнять меня, но я отодвинулся, скатившись на край кровати.

— Эй! — Она нахмурилась. — Вернись обратно.

— Неа. У нас много дел. — Я взял ее за руки, стягивая с кровати. — И, если ты начнешь меня раздраконивать, мы ничего не сделаем.

У неё был смущенный вид. — Что мы будет делать?

Я наклонился и перекинул ее через плечо, а потом направился к двери. — Нам нужно забронировать пару билетов.

Глава 28

В Техасе стояла безбожная жара. Жарило как в аду. Даже в затененной арендованной машине с прохладным воздухом, вырывающимся из кондиционера, жара пробиралась внутрь через мельчайшие щели.

Я не мог поверить, что на самом деле был в Техасе.

Я перевел взгляд с мраморного фонтана на дом устрашающе большого размера. Эвери не шутила, когда сказала, что ее родители богаты. Даже, наверное, богаче богатых.

Откинувшись в водительском кресле, я тяжело выдохнул. — Черт.

Пироженка была в том доме с мамой, на фоне которой мамаша Энтони Бэйтса выглядела стабильной и любящей. А я остался снаружи, ждал в машине, почти готовый залезть в фонтан.

Она находилась там уже минут десять и не захотела, чтобы я пошел с ней. Возможно потому, что знала, я потеряю контроль за считанные секунды. Когда она открылась мне в тот день, то не вдавалась в подробности, рассказывая о родителях, кроме их реакции на произошедшее с ней, но за последние пару недель я услышал о них много чего.

И то, что я узнал, мне не понравилось.

Попр ошествии пятнадцати минут я уже не мог сидеть в машине. Я выполз из нее на изнуряющую жару. Повернув бейсболку козырьком вперед, я натянул ее как можно ниже, чтобы солнце не светило в глаза.

Наматывая круги вокруг арендованной машины, поглядывал на входную дверь дома. Мраморные колонны впечатляли. Когда я повернулся и стал разглядывать ухоженный ландшафт, которому не было ни конца, ни края, то заметил, что там нет ни одной живой души.

Место пустовало и, несмотря на заоблачную жарищу, от него исходил холод. Я не мог представить, как растя в такой атмосфере, Пироженка стала такой теплой и любящей.

Моя футболка уже начала прилипать к плечам, и я вернулся к фонтану. Закрыв глаза, я приказал своим ногам не идти в тот дом. Я знал, что Пироженка должна была справиться с этим сама, но мне не нравилось, что она встречалась с ними без меня.

Я высунул руку, позволяя теплой воде литься на мои раскрытые ладони. Что бы ее родители подумали, если бы я в него залез? Был у меня соблазн это сделать, а еще я был в секунде от того, чтобы ворваться в тот дом, когда услышал, как позади меня закрылась дверь. Обернувшись, я увидел Эвери, спускающуюся вниз по широкой каменной лестнице.

Она широко *улыбалась*.

Такого я не ожидал.

У меня как гора с плеч свалилась, когда я, обежав машину, подхватил ее на руки посреди подъездной дороги. — Как всё прошло?

— Ооох… — Она поднялась на кончиках пальцев, наклонила голову и поцеловала меня. — Все прошло, как и ожидалось.

Мои руки лежали на ее бедрах, пальцы сжались, когда волна похоти, любви и еще тысячи запутанных эмоций пробежалась по моему телу. — Хочешь рассказать мне об этом?

— За ужином? — Она начала уходить, но я поймал ее руку, удерживая на месте. — Я отведу тебя в «Чуйс»…

— Эвери?

От звука ее имени у меня по позвоночнику пробежал холодок, и я сильнее сжал ее руку. Она развернулась, а мой взгляд устремился к высокому мужчине, спускающемуся по парадной лестнице.

Это был ее отец.

Я сразу это понял.

Его темно-каштановые волосы были седые на висках, на вид ему было не больше пятидесяти. Он был одет так, как будто собирался в гольф-клуб, в приталенных штанах и заправленной в них футболки поло.

— Если он скажет что-то грубое, не обещаю, что смогу сдержать себя, — предупредил её я.

Она сжала мою руку. — Надеюсь, это не станет проблемой.

— Просто предупреждаю.

Ее отец остановился перед нами, его глаза — точно такие же как и у Пирожнки — переместились от лица его дочери на наши соединенные руки. Пусть бы *попробовал* что-то сказать.

— Это Камерон Гамильтон, — представила она меня, прокашлявшись. — Кэм, это мой отец.

Так как было бы грубо показать ему средний палец или врезать по морде, я протянул свободную руку. — Привет.

Он пожал мне руку. — Приятно познакомиться.

— Что такое, пап? — спросила она, когда я не ответил на вежливое приветствие.

Мистер Моргенстен оторвал от меня совой взгляд, и где-то на долю секунды, прежде чем отвести его в сторону, посмотрел на свою дочь. Теперь я смог разглядеть в его чертах возраст, отразившийся в морщинках вокруг глаз и рта.

От резкого вдоха его грудь поднялась, а потом он произнес: — Знаешь, чего мне больше всего не хватает? Я скучаю по тому, как ты танцевала, а я наблюдал.

Пироженка справлялась со всем лучше, чем я ожидал, а это означало, что я ее недооценил. Девчонка была сильнее, чем кто-либо из нас полагал.

За ужином она рассказала мне как все прошло, и я был зол и разочарован вместо нее, от того как ее приняла так называемая мать, но Эвери сделала то, за чем сюда приехала. И казалось, что ее отец выразил, по крайней мере, хоть какое-то раскаяние или страдание. Комментарий про танцы… Я понял его смысл. Эвери столько всего потеряла, но из-за их собственного невежества многое потеряли и ее родители.

Она все еще хотела увидеться с Молли завтра, и как бы я не пытался переубедить ее за ужином, она была полна решимости, а я собирался поддержать ее, как только мог. Но если быть честным, больше всего я хотел отвезти ее обратно домой, подальше от всего этого.

Когда тем вечером мы вернулись в номер гостиницы, Пироженка мгновенно исчезла в ванной и быстро приняла душ. Приподняв бровь, я смотрел вслед ее удаляющийся фигурке. Она себя странно вела после ужина, спешила вернуться в номер. Я понятия не имел, что она затеяла, но заставил себя лечь в постель, вместо того, чтобы присоединиться к ней в душе, а мне так сильно этого хотелось.

Я нашел пульт от телевизора и все пытался найти канал, когда спустя примерно двадцать минут из открытой двери вырвался поток пара. Я поднял взгляд, и воздух застрял в моих легких.

Она стояла в дверном проеме, ее темно-рыжие волосы ниспадали на плечи. На ней было лишь белое полотенце.

Ни фига себе.

Я сел, потеряв дар речи, а мой взгляд скользил по ее телу, от накрашенных пальчиков ног до раскрасневшихся щечек. Мою кожу покалывало, она подошла туда, где я сидел, и взялась за узел, завязанный между грудей.

Я закрыл глаза. — Эвери.

Она положила руку мне на плечо и залезла на меня, как тем вечером на диване. — Кэм?

Я слегка улыбнулся — это было всё, на что я был способен — сжимая её бёдра.

— Ты что задумала?

— Ничего. — Она сделала паузу и добавила: — Всё.

Я пристально посмотрел на узел. — Это совершенно разные понятия.

— Знаю. — Меня пронзило страстное желание, когда она прижалась к моей эрекции. — Поцелуешь меня?

Она не дала мне шанса ответить, а я и не возражал. Ее губы скользнули по моим сладким поцелуем. Я сильнее сжал ее бедра, когда она провела язычком по моим губам. Поцелуй продолжался, все больше меня возбуждая.

Дьявол, я *все время* страстно ее желал.

— Прикоснись ко мне, — прошептала она. — Пожалуйста.

Кто я такой, чтобы ей отказывать? Я просунул руки под подол полотенца, скользя по ее бедрам, приближаясь к заветному месту.

— Сейчас, — потребовала она.

Меня рассмешил ее смелый приказ, но я не стал торопиться. Я провел тыльной стороной руки по ее влажности, улыбнувшись, когда она простонала. — Чего ты хочешь?

Она издала расстроенный звук. — Я хочу, чтобы ты дотронулся до меня.

Продвинувшись ближе к тому месту, где она хотела, чтобы я оказался, я быстро отпрянул назад. — Я трогаю тебя, милая.

Ее глаза вспыхнули. — Ты знаешь, что я имею в виду.

— Нет.

— Пожалуйста. — Она прижалась ко мне лбом. — Пожалуйста, прикоснись ко мне, Кэм.

Я приблизился обратно, соединяя наши губы в поцелуе. — Когда ты так говоришь, думаю, я понимаю, чего ты хочешь.

— Наконец-то, — простонала она.

Я снова рассмеялся, а потом укусил ее за подбородок. Ее тело содрогнулось, когда я накрыл ее ладонью между ног. — Вот так?

— Да.

Целуя ее в шею по центру, я проник пальцем в ее влажность. — И так? — Мой голос звучал хрипло и тяжело.

Она выгнула спину. — Ага.

Приобняв ее одной рукой, чтобы она не упала назад, я надавил на ее клитор. Ее тело напряглось самым удивительным способом. — А как насчет этого?

Ее бедра двинулись вперед. — О, да. Определенно вот так.

— Определенно так? — Мой палец медленно скользил то в нее, то из нее.

Эвери простонала, а я мог слушать эти звуки весь день, но она запустила руку между нами и развязала узел. Полотенце соскользнуло с ее тела, падая на пол.

Моя рука застыла.

Сердце подпрыгнуло.

Член затвердел и запульсировал.

Розовые груди набухли, щеки пылали, а ноги широко расставлены надо мной… Проклятье, она была… Она была прекрасна.

Я провел другой рукой по ее груди, и остановился, когда ее сосок затвердел. — Черт возьми, Эвери…

Она накрыла мою руку своей. — Не останавливайся.

— Я и не собирался.

— Я не это хотела сказать. — Другой рукой она нащупала молнию на моих джинсах. — Я хочу тебя, Кэм.

— Я твой. — Я переключился на другую грудь. — Я полностью твой.

Эвери заулыбалась и, взяв мою руку за запястье, убрала ее от своей разгоряченности. — Я хочу тебя по-настоящему. — Она растянула мои штаны, пробегаясь по мне пальчиками, и я вздрогнул. — Ты хочешь меня?

— Больше всего на свете. — Я простонал, когда она взяла его в руку. — Эвери…

Ее рука исчезла, и я не знал, как на это реагировать. Но затем она стянула с меня футболку через голову.

— Я хочу этого, Кэм.

Когда до меня дошел смысл ее слов сквозь зарево, затуманившее мои мысли, я глубоко вдохнул.

— Ты уверена, Эвери? Потому что если нет, мы не должны…

Она поцеловала меня, скользя руками вниз по моей груди.

— Я уверена.

Я застыл, держа руки на ее бедрах, а потом перевернул ее на спину. Нависнув над ней, я поймал ее губы, вложив в поцелуй все свои чувства. Может быть другой парень поинтересовался бы у нее еще раз или поступил как-то по-другому, но эти два слова. *Я уверена*. Они разрушили хрупкий барьер моего самоконтроля.

Разрывая поцелуй, я встал и полностью стянул с себя джинсы. Когда она опустила взгляд, и ее глаза от изумления широко раскрылись, я не смог сдержать улыбки.

Эвери лежала и выглядела почти недосягаемой, смотря на меня своими красивыми карими глазами. — Я могу смотреть на тебя бесконечно. И это никогда не измениться.

— Даже когда я постарею?

— Даже тогда.

Не в силах больше ждать, я подошел к ней. Я хотел, чтобы этот момент был для нее идеальным. Мне хотелось, чтобы все было красиво, и чтобы она *чувствовала*, как сильно я её люблю.

Так что я начал с ее маленьких пальчиков ног, продвигаясь поцелуями вверх по ножкам к нежному животику. Я не спешил, посасывая и покусывая до тех пор, пока вершинки ее грудей не затвердели, а ее дыхание не стало тяжелым. Каждая моя частичка была напряжена, затвердела и набухла, но я хотел, чтобы она была готова, даже если необузданное и сильное желание побуждало меня глубоко вонзиться в неё.

Ее тело изогнулось подо мной, стоило мне снова добраться до ее губ. Перенеся вес на одну руку, в такт с языком я проникал в нее сначала одним пальцем, а потоми двумя, медленно растягивая.

Она сжала мои руки и плечи, заерзав, а когда мой рот работал у нее внизу, она содрогнулась в таком диком оргазме, что я чуть прям там не кончил.

Я дрожал, как лист на ветру во время шторма, устраиваясь между ее ног. Взяв свой инструмент, я соединил наши тела. Первый контакт с ее влажностью послал по моему телу разряды удовольствия.

Существует переломный момент, когда ты уже не можешь остановиться, и это был он, мое тело дрожало от желания, но я ждал ее. Я дал ей время.

— Я люблю тебя, — сказал я, положив руку на ее щеку. — Я так сильно тебя люблю.

Она обняла меня, крепко удерживая и притягивая вперед. — Я тебя люблю.

Опустив руку на ее бедро, я углубил поцелуй и толкнул таз ей на встречу. Она замерла подо мной, и ее тихий удивленный вздох отозвался эхом в моем сердце.

Я замер. — Ты в порядке?

Она кивнула. — Да.

Я не хотел причинить ей боль и в то же время знал, что это больно. Я все еще был глубоко в ней. Мое сердце сходило с ума, я поцеловал сначала один уголок ее губ, а затем другой. Ее рот приоткрылся, и я проник внутрь, медленно пробуя ее на вкус, и давая время ее телу привыкнуть.

Я простонал, когда она неуверенно приподняла бедра, создавая между нами потрясающее трение. — Эв…

Она повторила движение снова, и я вновь сделал толчок. Крик удовольствия вырвался из нее, она крепко обхватила меня, обвивая ноги вокруг моей талии. Где-то между этим и тем, как она двигала бедрами, я растворился в ней самым невероятным образом.

Боже… ничто не доставляло таких ощущений, как она, и ничего не могло идти в сравнение с ощущением ее, тем, как она проникала в каждую клеточку моего естества. Ни меня, ни ее больше не существовало. Мы двигались вместе, наши уста были приклеены друг к другу, руки исследовали, а бедра слились вместе в едином ритме, были лишь мы.

Эвери взорвалась подо мной, откидывая голову назад и выкрикивая мое имя, когда я протиснул руку между нами, дотрагиваясь до нее, и опустился рядом с ней. Ощущение сильных спазмов, то, как она держалась за меня, было слишком.

— Эвери, — прохрипел я, пряча голову у нее на плече, в тот миг, когда облегчение пронзило мое тело, потрясая своей силой.

Такое ощущение, что облегчение продолжало накатывать мощными волнами. Лежа на ней, мое тело сотрясалось каждые несколько секунд.

Прошла вечность, прежде чем я позволил себе пошевелиться. У меня из груди вырвался тяжелый звук, когда я вышел из нее.

Я поцеловал её и, чтоб меня, внутри заполыхал пожар. Я покачал головой, ошеломленный силой моих чувств. — Это было… у меня

нет слов. Ты в порядке?

Она взяла мое лицо в руки, и они немного тряслись. В ее пристальном взгляде я увидел отражение собственных чувств. — Восхитительно. Ты был восхитителен.

Правда в том, что если я и был восхитителен, то только благодаря ей. И это будет всегда благодаря лишь ей одной.

Глава 29

Именно здесь я и должна быть.

Это были слова Эвери после того, как она поговорила с той девушкой. Молли. Я изо всех сил старался не злиться, когда увидел красный след на ее щеке. И помогло мне лишь то, что я услышал эти слова.

Пироженка наконец осознала это.

Исцеление, в котором она нуждалась, таилось в правде, в том, чтобы высказать все родителям и поговорить с Молли, но она начала исцеляться еще тогда в феврале, а затем уже в апреле. Она чувствовала, что должна отправится в Техас и сделала это.

И вот, я привез ее обратно в прохладную Западную Вирджинию, в ночь перед тем, как у Эвери начиналась летняя учеба, а у меня работа с детьми в футбольном лагере.

Пироженка сидела на кухонном полу напротив меня, чуть-чуть подогнув под себя ноги. Кроме моей рубашки на ней ничего не было. Я не мог думать ни о чем другом.

Между нами Микеланджело и Рафаэль трясли головами друг перед другом.

— Это черепашья версия ссоры, — сказала она, нахмурив брови. — Мне кажется, они друг другу не нравятся.

Я растянулся в улыбке, облокотившись назад на холодильник и поглаживая обнаженный пресс. — Им все ещё нужно немного времени. И Мики-Майк немного собственник.

— О, сваливай все на мою черепашку. — Она закатила глаза. — Это твой начал первый головой дергать.

Таймер зазвенел, я поднялся на ноги, направляясь к духовке. — Он просто объяснял твоей, кто тут главный.

— Микеланджело главный. — Пироженка подняла своего маленького друга, опустив обратно через пару метров.

Посмотрев на шоколадные печенюхи, я понял, что они готовы. Быстро вымыв руки нашел кухонные прихватки, которыми, я был

уверен, Пироженка не пользовалась. На них всё еще был ценник. Улыбаясь, я оторвал его, а затем достал противень из духовки. Печеньки были большими золотистыми и на вид очень сладкими.

— Приготовились? — Она подняла взгляд, и ее глаза сияли.

— Обожжешь язык. — Я отбросил перчатку в сторону. — Снова.

Она улыбнулась. — Но это определенно того стоит.

— Ага. — Я направился к ней, наслаждаясь тем, как ее щечки по-прежнему краснели, когда ее взгляд опускался ниже моего пупка. Я устремился вниз, целуя ее приподнятые губы. — Дай им…

Мой телефон зазвенел в гостиной. — Сейчас вернусь.

Она кивнула, а я осторожно попытался не наступить на бедную черепашку и не нанести вреда ни себе, ни Пироженке. Я взял телефон с журнального столика. Вздохнул от облегчения, увидев, что сообщение было от моей сестры.

> *«Операция закончилась. Я в порядке. Позвоню тебе позже.»*

Закрывая глаза, я поблагодарил господа. Это не была большая операция, но все же это хирургическое вмешательство, и в больницах случаются разные ситуации. Она была дома. Это было хорошо, но…

— Это Тереза?

Положив телефон, я обернулся. Эвери стояла в дверном проеме, держа двух извивающихся черепашек. В сочетании с футболкой с надписью: «Я ХОЧУ БЫТЬ ТВОИМ БИГМАКОМ», это было восхитительное зрелище.

— Да.

Она подошла с двумя черепахами к террариуму и аккуратно положила их в привычную для них среду обитания. Когда она закрыла крышку, зеленые парни моментально уставились друг на друга из разных углов. — Она в порядке? Как прошла операция?

— Говорит, что в порядке. Это была эсэмэска. — Я сделал паузу. — Написала, что позвонит позже.

Она развернулась ко мне с тревогой на лице. Если кто и знает, через что проходила Тереза, так это Пироженка, учитывая её

танцевальное прошлое. — Она сказала что-нибудь о танцах?

Я покачал головой, поджав губы. Тереза порвала связки неделю назад во время концерта. Для спортсменов и танцоров эта травма может быть роковой для карьеры. Моя сестра всю жизнь хотела стать профессиональной танцовщицей. Только время покажет возможно ли это.

Из того, что сказала мама, было понятно, что дела плохи.

Пироженка удалилась в кухню, помыла руки и вернулась. Подойдя ко мне, она обвила меня за талию и прижалась щекой к груди. У нее была теплая кожа.

— Прости, — сказала она.

— Почему ты извиняешься? — Я обнял ее, притягивая ближе.

— Потому что ты беспокоишься, — ответила она, потеревшись щекой о мою кожу. — И я знаю, что травма серьезная. Просто надеюсь, что не настолько насколько может быть.

Я поцеловал ее в макушку, пробежавшись рукой вверх по позвоночнику, бережно придерживая ее за шею. — Я тоже.

Какое-то время она молчала. — Спасибо.

Тихо засмеявшись, я отстранился немного назад так, чтобы я смог увидеть ее лицо. — А теперь за что ты меня благодаришь, милая?

— Спасибо, что поехал со мной в Техас.

Одной рукой я накрыл ее щеку. — Ты уже благодарила меня за это.

— И ты сказал, что я не должна тебя благодарить. — Она положила руку поверх моей. — Но я должна поблагодарить тебя еще раз, потому что я бы не сделала это без тебя.

— Нет, сделала.

Она покачала головой. — Может и сделала, но я не уверена. Ты мне нужен был там, и ты был, без каких-либо вопросов. Я не могу в полной мере отблагодарить тебя за это… за все.

— О, Пироженка, тебе по прежнему не стоит меня благодарить.

— Но я… — Она прервалась, замерев. — *Пироженка*?

Я было открыл рот, но потом понял свой промах. Опуская руки, я отступил назад и рассмеялся. — Я что, сказал это вслух.

— Да. Типа того. — Она потянула вниз края позаимствованной футболки. Ее глаза наполнились интересом. — Что это значит?

Разрази меня гром, но я почувствовал, как мои щеки начинают пылать.

Она округлила глаза и улыбнулась. — Ты покраснел! О, Боже, ты на самом деле покраснел! — Она ущипнула меня за щеку. — Теперь, я обязана знать, почему ты так *покраснел*.

— А что я получу взамен, если расскажу?

Она посмотрела на меня, подняв брови, чем показала, чего я *не получу*, если *не расскажу*. Этот стервозный взгляд завел меня. А потом, когда она вздохнула, я возбудился.

— Это на самом деле немного глупо. — Поймав ее за руку, я притянул ее обратно к себе. Как только она оказалась достаточно близко, я наклонился и запустил руку между ее ножек.

Она ударила меня по спине. — Не пытайся меня отвлечь… — Она взвизгнула, когда ее ноги оторвались от пола. — Кэм!

Подняв её, я прижал её к груди и направился в сторону прихожей. — Я тебя не отвлекаю. Я помогаю тебе вернуться в спальню.

Она зажмурила глаза. — Помимо того, что мне не нужна помощь, чтобы добраться до спальни, зачем ты несёшь меня в спальню?

— Ты медленно ходишь, — сказал я, пока нес ее до кровати. — Эй.

Она сердито посмотрела на меня. — Что?

Перед тем, как бросить ее на середину кровати, я на секунду зарыл глаза. Ее визг перешел в ворчание, когда она подпрыгнула. Она раскрыла рот, и я знал, что сейчас она начнет ругаться. Я навис над ней прежде, чем у нее был бы шанс заговорить, и запустил руку под ее футболку. В мгновение ока я снял ее, и она оказалась превосходно, чарующе обнаженной. Я сбросил с себя штаны.

У неё вырвался вздох, когда я забрался на кровать, восхищаясь

проделанной работой. — Итак, — сказала она мягким тоном. — Так что там насчет Пироженки?

— Ну, это прозвище. — Я поцеловал ложбинку между её грудей. — Твоё.

— Это я поняла.

Я запечатлел поцелуи вдоль нижней части одной из ее грудей, а потом чуть ниже грудной клетки. — Оно пришло мне на ум в нашу первую встречу.

— Первую… *Оу!* — Она дернулась, сжимая простыни на кровати, когда я пробежался кончиком языка вокруг ее пупка. — Когда мы встретились впервые?

Я поцеловал слева внутреннюю часть ее бедра, а затем и справа. — Это было в тот день, когда ты на меня налетела у кабинета астрономии, кстати, ты должна снова записаться на этот курс.

Пироженка застонала. — Не напоминай.

Не знаю, относилось ли это к курсу или тому, что она врезалась в меня. — Когда я впервые увидел тебя и твои волосы… — Я прервался, целуя ее между ног. Ее едва уловимый вздох отозвался улыбкой на моем лице. — Все о чем я мог думать — это о Клубничном Пирожном… — Я еще раз прервался, пробегая языком по всей ее длине. — Клубничное Пирожное сбило меня с ног.

Она рассмеялась, и я поднял голову, откинувшись назад таким образом, чтобы мы смотрели друг другу глаза в глаза. — Вот это да. Не понимаю, как работает твой мозг.

— Тебе это нравится.

— Нравится. — Она скользнула ногой по моей голени. — Значит, всё это время про себя ты называл меня Пироженкой?

Я кивнул и устроился между её ног. — Возможно… пару раз.

— И ты проговорился только сейчас. Ух-ты. Это своего рода чудо. — В её глазах танцевали озорные чёртики. — И это даже мило.

— Это определенно мило. Это… — Я застонал, когда она подняла бедра вверх, соединяя нас вместе. — Ну, тогда…

Она захихикала, а потом ни один из нас ни смеялся, ни говорил. Я резко простонал из-за того, какой она была упругой. Я чувствовал

лишь ее тело и хотел быть еще глубже и ближе. Мы двигались в едином ритме, наши тела вспыхнули и напряглись. Это было безумием, но я не мог насытиться ей. Оказалось так же, как и она мною. Мои губы сомкнулись вокруг ее соска, когда я вошел в неё. Она зеркально отражала мои движения, пока не выгнула спину, вскрикивая.

Ее облегчение обрушилось на меня. Притягивая ее ближе, я сел, разместив ее на коленях. От новой позиции вожделение промчалось по моим венам. Я больше не мог сдерживаться. Только не когда ее маленькие зубки вонзились мне в шею.

Шли минуты, сопровождаемые лишь звуком нашего неровного дыхания. Я все еще был в ней. В том, как все закончилось, чувствовалось умиротворение. И я держал в руках весь мой мир.

Позже, намного позже, мы сидели в кровати с тарелкой шоколадного печенья. Поцелуем я убрал шоколадную крошку с её губ.

И потом поцеловал по-настоящему.

Я поцеловал ее, и это было, словно я сделал это впервые. Исходная сила, потрясение от соединения наших губ никуда не исчезли. Безмолвно я осознал, что благодаря любви простой поцелуй никогда не теряет своих красок.

Мою грудь распирало, когда я отстранился, посмотрел в ее теплые глаза, и мое сердце выполнило этот сумасшедший дурацкий кульбит. Я также прекрасно осознавал, что кое-что никогда по-настоящему никуда не исчезнет.

Пироженка положила свою маленькую руку на мою щеку.

— Что такое?

Сначала я не знал, что ответить. Я… Я ждал Эвери — ждал её несколько месяцев. Чёрт, я бы ждал её годами, но она…

Поворачиваясь, я поцеловал внутреннюю сторону её ладони.

— Спасибо за то, что доверяешь мне.

Анонс «Будь со мной»

Сладкий чай, похоже, станет моей погибелью. И не потому что в нем столько сахара, что от одного глотка можно впасть в диабетическую кому. Или из-за того, что мой брат чуть ни создал аварию с участием трех автомобилей, резко развернувшись, получив сообщение, содержащее всего лишь два слова.

Сладкий. Чай.

Неа. Из-за просьбы привезти сладкий чай, я встречусь лицом к лицу с Джейсом Уинстедом, физическим воплощением всех девчачьих фантазий и не только, за пределами кампуса, в присутствии моего брата.

О, Пресвятая Дева Мария, это будет неловко.

Почему, ну почему моему братцу приспичило написать Джейсу и упомянуть, что мы в его окрестностях, и поинтересоваться нужно ли ему что-то? Он должен был повозить меня по городу, чтобы я могла ознакомиться с местностью. Хотя то, что я улицезрю, несомненно, гораздо лучше, чем то, что я увидела в этой округе.

Если я увижу еще хоть один стрипклуб, то покалечу кого-нибудь.

Кэм посмотрел на меня, мчась вниз по проселочной дороге. Мы уже вечность как съехали с трассы 9. Его взгляд опустился с моего лица на чай, в который я вцепилась. Он поднял одну бровь.

— Знаешь, Тереза, ты можешь поставить его в подстаканник.

Я покачала головой. — Все нормально. Я подержу его.

— Ладно, — Кэм протянул слово и сосредоточился на дороге.

Я вела себя как дура, и мне надо было немного остыть. Последнее, что кому-нибудь нужно, это чтобы Кэм узнал, почему я веду себя как тупица.

— Так, эм, я думала, что Джейс живет рядом с колледжем.

Прозвучало непринужденно, правда? Боже, я почти уверенна, что мой голос надломился в какой-то момент, когда я задавала не такой уж невинный вопрос.

— Так и есть, но он проводит большинство времени на ферме его отца. — Кэм снизил скорость и резко повернул на право. Чай чуть не вылетел в окно, но я впилась в него смертельной хваткой. Чай никуда не денется.

— Ты помнишь Джека?

Конечно, я помнила. У Джейса был пятилетний брат Джек, и я знала, что мальчик значил для него все. Я фанатично помнила все, что разузнала о Джейсе, думаю так же, как и поклонники Бибера о своем кумире. Как бы унизительно это не звучало, но это правда. Джейс, об этом никто не знает, и даже он, за последние три года много стал для меня значить.

Друг.

Спаситель моего брата.

И объект моей влюбленности.

Но год назад, как раз в начале выпускного года в школе, когда Джейс увязался за Кэмом и приехал домой, все безумно запуталось. Произошло то, что часть меня больше всего на свете хочет забыть… но другая отказывается стирать из памяти, как его губы накрыли мои и ощущение его рук, блуждающих по всему моему телу или то, как он со стонами произносил мое имя, словно это доставляло ему блаженную боль.

О боже…

Мои щеки запылали под солнцезащитными очками от ярких воспоминаний, и я отвернулась лицом к окну, желая открыть его и высунуть голову. Мне нужно совладать с собой. Если Кэм выяснит, что Джейс поцеловал меня, он убьет его и закапает тело на какой-нибудь сельской дороге, как эта.

А это было бы очень печально.

Мне совершенно нечего было сказать, а так нужно прямо сейчас отвлечься. Так сложно было удерживать стакан из-за испарины от чая и собственных трясущихся рук. Я могла бы поинтересоваться у Кэма об Эвери, и это бы сработало, потому что Кэм любит болтать об Эвери. Или могла спросить про занятия или начать рассказывать о своих, но я была в состоянии лишь думать о том, что наконец увижу Джейса при обстоятельствах, когда он не сможет от меня сбежать.

Толстые деревья по обе стороны дороги начали редеть, и через них, стали виднеться зеленые пастбища. Кэм свернул на узкую дорогу. Грузовик подпрыгивал на ухабах, вызывая приступ тошноты.

Я сдвинула брови, когда мы проехали между двумя коричневыми столбами. На земле лежала цепь, и с левой стороны был небольшой деревянный знак с надписью «УИНСТЕД: ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ». Большое кукурузное поле приветствовало нас, но стебли были сухими и желтыми, как если бы они засыхали и умирали. За ними, паслись несколько крупных лошадей за деревянным забором, в котором посредине отсутствовали многие из столбов. Коровы бродили по большей части имущества слева, жирные и счастливые.

Стоило нам подъехать ближе, и показался старый сарай. Пугающий старый сарай, как в «Техасской резне бензопилой», в дополнение с жутким петухом крутящимся на крыше, а в нескольких ярдах позади стоял двухэтажный дом. Когда-то белые стены посерели, и даже из пикапа я могла сказать, что большая часть краски облупилась от стен.

Часть крыши была накрыта синим брезентом, а дымоход выглядел так, словно наполовину разрушился. Красный кирпич был сложен вдоль одной из стен дома, как будто кто-то начал ремонт, но ему стало скучно, и он все забросил. Также, за сараем находилось кладбище разбитых автомобилей, море заржавевших грузовиков и седанов.

Меня поразил шок, и я села немного ровнее. Это ферма Джейса? По какой-то причине, я представляла что-то более… современное?

Кэм припарковался в нескольких метрах от сарая и заглушил мотор. Он взглянул на меня, проследив за моим взглядом до дома. Отстегивая свой ремень безопасности, он вздохнул. — У его родителей настали очень сложные времена. Джейс старается помочь с фермой и делами, но как видишь…

Ферма нуждалась в большей помощи, чем мог предоставить Джейс.

Я моргнула.

— Она… очаровательная.

Кэм рассмеялся.

— Мило с твоей стороны.

В оправдание мои пальцы сильнее обхватили стакан.

— Да.

— Ага. — Он перевернул кепку козырьком вперед, прикрывая глаза. Пряди каштановых волос выбились из под заднего края.

Я завела разговор, но периферическим зрением уловила движение со стороны.

Маленький мальчик на миниатюрном тракторе «Джон Дир» смеясь и крича, вылетел из-за сарая, вытянув прямо пухленькие ручки, он схватился за руль, а копна вьющихся каштановых волос сияла под ярким августовским солнцем.

Джейс подталкивал трактор сзади, и даже, не смотря на то, что я едва слышала его, я могла сказать, что это он издавал звуки мотора. Они подпрыгивали на неровной земле и гравии. Джейс смеялся, когда его маленький братишка кричал: — Быстрее! Давай быстрее!

Джейс успокоил своего брата, подталкивая трактор зигзагами, пока он не остановился напротив пикапа, в то время как Джек продолжал визжать, сжимая руль. Куски грязи разлетались по воздуху.

Затем Джейс выпрямился.

Господи, у меня отвисла челюсть. Ничто на свете не могло заставить меня оторвать взгляд от великолепия, стоящего предо мной.

Джейс был без рубашки, и его кожа блестела от пота. Я не была уверена, какие национальности были у него в роду. Но должно быть что-то испанское или средиземноморское, потому что у него была от природы смуглая кожа.

Обходя трактор, его мускулы захватывающе двигались. Его грудные мышцы были идеально сформированы, а плечи были широкие. Такие мускулы можно накачать поднимая и перебрасывая тюки сена. Парень был развратник. Его пресс напрягался с каждым шагом. У него были отличительные шесть кубиков. Полностью осязаемые. Его джинсы висели на бедрах неприлично низко… Так низко, что я задалась вопросом, было ли что-либо под высветленной джинсовой тканью. Я впервые увидела полностью его татуировку. С

тех пор как мы познакомились, я улавливала ее очертания из-под воротника слева на плече и под рукавом. Я никогда не знала, что было изображено до этого момента.

Татушка была огромной — бесконечный темно-черный узел, начинающийся у основания шеи, перекручивающийся и обвивающий левое плечо, и спускающийся вниз на полруки. В основании два витка друг напротив друга напомнили мне змей.

Она ему идеально подходила.

Румянец залил мои щеки и стал опускаться вниз по горлу, стоило мне снова поднять взгляд, во рту пересохло, словно в пустыне.

Сильные мышцы рук напряглись, когда он поднял Джека с водительского сидения, взмывая в воздух над головой. Он покружил его, хохоча низким голосом, а Джек извивался и вопил.

Гормоны заиграли.

Он поставил Джека на ноги, когда Кэм открыл водительскую дверь и прокричал что-то другу, но я понятия не имела что. Джейс снова выпрямился, опуская руки на бедра. Он искоса уставился на машину.

Джейс был совершенно неотразим. Не о многих можно такое сказать в реальности. Может быть о знаменитостях или рок идолах, но редко можно было увидеть кого-либо столь же сногсшибательного.

На голове у него был беспорядок, ярко-красновато-коричневые волны ниспадали ему на лицо. Чётко очерченные широкие скулы. Довольно выразительные полные губы. Пробивающаяся щетина обрамляла сильную линию его подбородка. У него не было ямочек как у меня или Кэма, но когда он улыбался, у него была одна из самых широких и красивых улыбок, которые я когда-либо видела у парня.

Сейчас он не улыбался.

О, нет, он устремил свой обжигающий взгляд в салон автомобиля.

У меня все так пересохло, я сделала глоток сладкого чая, уставившись в лобовое стекло и приведенная в полный восторг открывающимся перед моим взором потенциалом для создания детей.

Не то чтобы я торопилась завести детей, но я бы не отказалась попрактиковаться. По крайней мере в своих фантазиях.

Кэм пристально посмотрел на меня взглядом, говорящим, что я сошла с ума. — Подруга, это его чай.

— Прости. — Я вспыхнула, опуская стакан. Не то чтобы это было важно. Как будто мы до этого с Джейсом не обменивались слюной.

По другую сторону лобового стекла, Джейс проговорил губами «твою мать» и отвернулся. Он что, собирается сбежать? Как он смеет? У меня его сладкий чай!

Поспешно расстегнув ремень, я открыла дверь. Нога выскочила из вьетнамок, и так как Кэму нужен был высокий внедорожник, чтобы он был в футе от земли, между землёй и тем, где я находилась, было большое расстояние.

Когда-то я была грациозной. Чёрт, я была танцовщицей — натренированной, чертовски хорошей танцовщицей — и я могла так держать равновесие, что любая гимнастка позеленела бы от завести. Но это было до травмы колена, до того, как мечты стать профессиональной танцовщицей были разрушены, когда я неудачно приземлилась после прыжка. Всё — мои мечты, победы и будущее — мгновенно полетело в тартарары.

А меньше чем через секунду я буду есть грязь. И это никак не предотвратить.

Я потянулась, чтобы ухватиться за дверь, но не смогла. Нога, на которую я сначала приземлюсь — травмирована и не выдержит мой вес. Я растелюсь и умру от стыда на глазах у Джейса, и закончу с чаем на голове.

Я стала падать, надеясь приземлиться на лицо, в этом случае я хотя бы не увижу его выражения лица.

Откуда ни возьмись, появились две руки и приземлились мне на плечи. Секунду назад я была в горизонтальном положении, наполовину вывалившись из машины, а потом уже в вертикальном, обе ноги зависли в воздухе на мгновение.

После чего я стояла, прижимая стакан чая к груди.

— Боже милостивый, ты сломаешь себе шею, — громко сказал

низкий голос. — Ты в порядке?

Я оказалась лицом к лицу с самой совершенной мужской грудью, которую я когда-либо встречала, и наблюдала за тем, как капелька пота стекает вниз по центру, а затем по точёному прессу, исчезая среди густых волос, начинающихся посередине живота и формируя линию, которая продолжается под джинсами.

Кэм быстро обогнул пикап спереди. — Ты повредила ногу, Тереза?

Нет. Я была в порядке. Даже больше, чем в порядке. Я не была так близка с Джейсом уже год, и он пах так чудесно… мужчиной и слабо уловимым одеколоном. Я подняла взгляд, понимая, что мои очки упали.

Густые ресницы обрамляли глаза поразительного серого оттенка. Впервые заглянув в них, я засомневалась настоящие ли они. Джейс рассмеялся и предложил покопаться в его глазах, чтобы проверить.

Сейчас он не смеялся.

Я тяжело сглотнула, желая, чтобы мой мозг заработал. — У меня твой сладкий чай.

Брови Джейса изогнулись.

— Ты не ударилась головой? — поинтересовался Кэм, остановившись рядом с нами.

Я залилась румянцем. — Нет. Может быть. Не знаю. — Протягивая чай, я выдавила улыбку, надеясь, что она не будет жуткой. — Вот.

Джейс отпустил мои руки и взял чай, и я бы хотела отмотать время назад и не совать его так быстро ему в лицо, тогда, возможно, он все ещё держал бы меня в своих руках. — Спасибо. Ты уверена, что в порядке?

— Да, — пробормотала я, опуская глаза. Мои очки лежали рядом с шиной. Вздыхая, я подняла их и протерла, прежде чем снова надеть. — Спасибо… эм, что поймал меня.

На мгновение он пристально посмотрел на меня, а потом отвернулся, когда Джек подбежал к нему, протягивая футболку. — Я принес ее! — сказал мальчик, размахивая футболкой словно флагом.

— Спасибо. — Джейс взял футболку и передал чай. Он взъерошил волосы мальчика, а потом к моему разочарованию, натянул футболку через голову, прикрывая тело. — Не знал, что Тереза с тобой.

По коже пробежал холодок, вместо жара.

— Я показывал ей город, чтобы она осмотрелась, — объяснил Кэм, улыбаясь маленькой дворняжке, медленно направляющейся в мою сторону. — Она здесь никогда не была.

Джейс кивнул и забрал обратно чай. Вероятность того, что Джек выпил половину за такое короткое время, была велика. Джейс направился в сторону сарая. Меня отвергли. Вот так запросто. В горле запершило, но я проигнорировала, как бы мне хотелось, чтобы чай сейчас был у меня.

— Вы с Эвери придете сегодня на вечеринку, так ведь? — Джейс спросил Кэма, отхлебывая чай.

— Это же луау. Мы не пропустим такое. — Кэм улыбнулся, обнажая ямочку на левой щеке. — Вам нужна помощь в организации?

Джейс покачал головой. — Этим занимаются салаги. — Он мельком взглянул на меня, и на секунду я подумала, что он интересуется приду ли я. — Мне нужно сначала здесь кое о чем позаботиться, а потом вернусь домой.

Маленькая ручонка потянула за край моих шорт, вынуждая меня опустить взгляд в молодые и душевные серые глаза.

— Привет, — поздоровался Джек.

Я улыбнулась. — И тебе привет.

— Ты симпатичная, — заметил он, моргая.

— Спасибо. — Совершенно точно. Мне нравится этот ребенок. — Ты очень милый.

Джек засиял. — Знаю.

Я рассмеялась. Этот мальчишка был определенно младшим братом Джейса.

— Ладно, довольно, Казанова. — Джейс допил чай и бросил стакан в ближайшую мусорку.

Он проигнорировал Джейса, и протянул руку. — Я Джек.

Я пожала маленькую ручку. — Я Тереза. Кэм мой брат.

Джек мизинцем подозвал меня опуститься вниз и прошептал: — Кэм не знает, как оседлать коня.

Я взглянула на парней. Они обсуждали вечеринку, но Джейс смотрел на нас. Наши взгляды встретились, и как и в последнюю неделю, после того как я поступила в Шефердский университет, он разорвал контакт с сокрушительной скоростью.

Острая боль разочарования образовалась в груди, и я переключила внимание обратно на Джека. — Хочешь, расскажу секрет?

— Да! — Его улыбка стала огромной.

— Я тоже не знаю, как оседлать лошадь. И я никогда до этого не сидела верхом.

Его глаза стали огромными как луна.

— Джейс! — вскрикнул он, поворачиваясь к брату. — Она никогда до этого не сидела на лошади!

Вот и раскрыли мой секрет.

Джейс взглянул на меня, и я пожала плечами. — Это правда. Я их боюсь до чертиков.

— А не должна. Они довольно смирные животные. Тебе, скорее всего, понравиться.

— Ты должен показать ей! — Джек побежал к Джейсу, практически запрыгнув на ноги брата.

— Ты мог бы научить ее, как учит меня!

Мое сердце подскочило в груди, отчасти от предложения, чтобы Джейс меня чему-то научил, и отчасти из-за страха перед этими монстрами.

— Правильно «учил», а не «учит», и я уверен, у Тесс есть дела поинтереснее, чем разъезжать на лошади.

Тесс. Я втянула воздух. Это его прозвище — он единственный, кто когда-либо меня так называл. Я даже не знаю, почему он так меня звал, но мне было все равно. Абсолютно. В то время как Джек упорно

хотел узнать, почему я сказала, что меня зовут Тереза, а Джейс объяснял, что Тесс — это прозвище, я погрузилась в воспоминания, когда он в последний раз меня так называл.

— Ты не представляешь, какие желания ты во мне пробуждаешь, — сказал он, прикасаясь губами к щеке и посылая мурашки по позвоночнику. — Ты даже не догадываешься, Тесс.

— Не против, если я схожу в тубзик, пока мы не уехали? Я должен вернуться обратно, — сказал Кэм, привлекая мое внимание. — Я пообещал Эвери поужинать до вечеринки.

— Я покажу тебе, — вызвался Джек, хватая руку Кэма.

Джейс изогнул темную бровь.

— Я уверен, он знает, где находится туалет.

— Все нормально. — Кэм отмахнулся. — Пойдем, маленький приятель, показывай дорогу.

Они вдвоем направились к дому, и мы остались наедине. Птички залетали у меня в животе, и казалось, что они проклюют путь наружу, когда поднялся теплый ветер, поднимая выбившиеся из хвостика пряди.

Джейс наблюдал за убегающими по пёстрой зелёной траве Кэмом и Джеком, как за последним спасательным кругом на тонущем Титанике. Было как-то обидно, словно остаться со мной наедине равносильно быть утопающим, которого хрумкают бразильские акулы.

Я сложила руки на груди, поджав губы. От раздражения покалывало кожу, но его явный дискомфорт жалил, как оса. Так было не всегда. И было определённо лучше, по крайней мере до того вечера, как он меня поцеловал.

— Как нога?

Тот факт, что он заговорил поразил меня, и я запнулась. — Э, не так плохо. Уже почти не болит.

— Кэм рассказал мне, когда это произошло. Мне жаль. — Он замолк. — Когда ты снова сможешь танцевать?

Я переступила с ноги на ногу.

— Не думаю, что смогу. — По правде говоря, я не знала. Также

как и доктора или физиотерапевты, или мой тренер, но я лучше приготовлюсь к тому, что не смогу никогда, чем поверю, что снова буду танцевать. Не думаю, что переживу такой удар снова. — Так что, да, вот так.

Джейс нахмурил брови.

— Боже, это ужасно. Мне действительно очень жаль, Тесс. Я знаю, как много для тебя значат танцы.

— Значили, — пробормотала я, расстроившись сильнее, чем должна искренним сочувствием в его голосе.

Его взгляд, наконец, вернулся к моему, и я вздохнула. Его глаза… из-за них я глупела, и они побуждали меня на сумасшедшие, безрассудные поступки. Сейчас они были темно-серыми, как грозовые тучи.

Джейс не был счастлив.

Запуская руку во влажные волосы, он глубоко вдохнул, и мускул на его подбородке дрогнул. Раздражение внутри меня превратилось в какой-то хаос, в результате чего жжение в горле перешло на глаза.

Я должна продолжать убеждать себя, что он не знал… Он никак не мог знать, и то, что я чувствую, боль и сильную рану от того, что меня отвергли, это была не его вина.

Я была просто младшей сестрой Кэма, причиной, по которой почти четыре года назад он попал в огромные неприятности, и почему Джейс стал приезжать к нам каждые выходные. Это был просто украденный поцелуй. И все.

Я стала поворачиваться, хотела пойти и подождать Кэма в машине, пока я не сделала чего-нибудь унизительного, например, заплакала. Эмоции перехлестывали через край с тех пор, как я повредила ногу, а встреча с Джейсам никак не помогала.

— Тесс. Подожди, — сказал Джейс, за один шаг длинными ногами сократив расстояние между нами. Остановившись достаточно близко так, что его старые кроссовки почти докасались до пальцев моих ног, он потянулся ко мне, его рука зависла около моей щеки. Он не дотронулся до меня, но тепло от его руки щекотало кожу. — Нам надо поговорить.

Переведено «T.E.A.translate» для группы

notes

Примечания

1

Call of Duty (сокр. CoD, рус. «Зов долга», альт. «Чувство долга») — серия компьютерных игр в жанре шутера от первого лица, посвящённых Второй мировой войне, холодной войне, борьбе с терроризмом и Третьей мировой войне.

2

Корневое пиво (Рутбир, англ. Root beer, также известное как Сассапарилла) — газированный напиток, обычно изготовленный из коры дерева Сассафраса.

3

2 фута = 60,96 см.

4

*Кинотеатр «драйв-ин» (*англ. drive-in) — автостоянка с большим экраном и стойками с наушниками и репродукторами у каждого места автостоянки, где фильм смотрят, не выходя из машины; получили распространение в 40–60-х гг., в 80-е годы XX в. практически исчезли.

5

Батат, сладкий картофель — вид клубнеплодных растений рода Ипомея семейства Вьюнковые.

6

Смитсоновский институт (англ. Smithsonian Institution) — научно-исследовательский и образовательный институт в США и принадлежащий ему комплекс музеев. Основан 10 августа 1846 года актом Конгресса США.

7

Эспланада — это часть Нэшнл Молла, или национального парка, расположенного в историческом центре Вашингтона, который представляет собой комплекс разнообразных памятников и музеев.

8

*«Президентский день» (*англ. Presidents' Day, Washington's Birthday — «День Президентов», «День рождения Вашингтона») — федеральный праздник США, который празднуется каждый третий понедельник февраля. Посвящён должности Президента Соединенных Штатов Америки. Традиционно праздник приурочен ко дню рождения Джорджа Вашингтона.